

U 66
485

Садзанами Сандзинъ.

801-12
556

НИХОН

С 19

МУКАСИ

БАНАСИ.

СКАЗАНИЯ ДРЕВНЕИ ЯПОНИИ.

Переводъ съ японскаго съ примѣчаніями В. М. Мендрина.

Съ оригинальными японскими рисунками.

巖
谷
小
波
著

9327

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. ДЕВРІЕНА.

[1910]

Типографія А. Бенке, Новый переулочъ № 2.

ф14913-43.

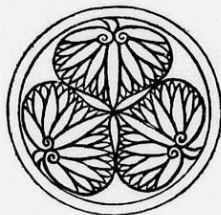

2007339513

Оглавленіе.

	стр.
Предисловіе	VII
Момотаро	I
Таманои	16
Местъ Краба	31
Зеркало Мацуяма	44
Дѣдъ Ханасака	55
Оеяма	67
Воробей съ обрѣзаннымъ языкомъ	80
Тавара Тода	90
Каци-Кацияма	99
Кобутори	106
Моногуса Таро	116
Счастливый чайникъ	125
Восьмиглавый змій	133
Заяцъ и крокодилы	140
Расіомонъ	148
Обезьяна и медуза	157
Адацигахара	166

Урасима Таро	175
Иссумбоси	186
Кинтаро	195
Хибаріама	203
Кошки и крысы	210
Усивакамару	218
Свадьба крысы	229
Примѣчанія	237

Предисловіе

«Нихон мукаси банаси», что въ дословномъ переводѣ значить японскія древнія сказанія, — такъ назвалъ свое произведеніе современный японскій писатель Ое Садзанами.

Ое Садзанами [малыя волны, т. е. зыбь большой рѣки] — одно изъ литературныхъ именъ этого писателя, настоящая фамилія котораго Сузо Ивая.

Другія его литературныя имена Сіоха, Ое Сіоха [значеніе то-же, что и Ое Садзанами], Садзанами Сандзинъ.

Ивая—токійскій уроженецъ; родился въ 1871 г. Началъ онъ свою литературную дѣятельность повѣстями, въ которыхъ сразу же сказался его незаурядный талантъ. Онъ примкнулъ къ школѣ новаго направленія, направленія реальнаго и, занявшись изученіемъ японской древности, избралъ себѣ спеціальною работку сказаній о дѣлахъ былыхъ, сказанія далекой старины. Онъ собиралъ разсѣянные по разнымъ литературнымъ памятникамъ легенды и преданія и обрабатывалъ ихъ на современномъ, понятномъ для всѣхъ, языкѣ, предназначивъ ихъ, главнымъ образомъ, для дѣтей и юношества. Онъ единственный писатель-пioneer въ этомъ родѣ и по справедливости можетъ быть названъ создателемъ этой литературы въ новомъ, современномъ намъ литературномъ періодѣ Японіи. Вышедшія изъ подъ пера Садзанами сказанія «Отоги банаси» [разсказы сидѣлки] и «Мукаси банаси» не имъ конечно придуманы, не имъ созданы на мифологическо-исторической подкладкѣ. Онъ бралъ готовый уже матеріалъ и только обрабатывалъ его; обрабатывалъ талантливо, художественно.

Большой мастеръ слова, умѣющій пользоваться всѣми ресурсами своего языка, онъ сумѣлъ придать легендѣ особый колоритъ художественности и, оставаясь безусловно вѣренъ историческй правдѣ, ни на юту не отступая отъ нея, онъ представилъ ее въ

художественныхъ, мѣтко очерченныхъ, образахъ и картинахъ въ видѣ художественно-литературнаго произведенія.

Въ Японіи всѣмъ извѣстно имя Садзанами; всѣмъ извѣстны и его «Мукаси банаси». На нихъ воспитывается юность. Это литературный памятникъ, въ которомъ никогда неизгладимыми чертами запечатлѣнъ духъ націи, въ которомъ отразилась культура ея, какъ она шла съ древнѣйшихъ временъ, какъ она перешла въ наслѣдіе современному японскому народу. И эта культура, этотъ духъ, этотъ національный принципъ жизни не умеръ, не изжитъ; онъ еще въ силѣ и не пересталъ дѣйствовать. Со стариной не порвано. Она еще сказывается, она еще жива и лежитъ несомнѣнно въ основѣ всего міросозерцанія японскаго народа. Конечно, постепенный прогрессъ заслоняетъ ее болѣе и болѣе, жизнь идетъ новыми руслами, образуются наслоенія и напластованія, но все же, при всемъ этомъ, наслѣдіе прошлаго слишкомъ еще живо. Между старымъ и новымъ, между древнимъ и современнымъ существуетъ связь и связь, эта, можетъ быть, глубже, чѣмъ у любой иной націи, у любого иного народа. Съ момента пріобщенія Японіи къ западно-европейской культурѣ прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ. За этотъ періодъ могъ, конечно, до извѣстной степени, быть преобразованъ внѣшній, техническій укладъ жизни, но не десятки лѣтъ нужны для того, чтобы измѣнился укладъ жизни духовный, тѣ этические принципы, которые вырабатывались въ теченіе долгихъ столѣтій. Историческая жизнь японской націи, какъ и всякой другой, текла своимъ естественнымъ порядкомъ; постепенно вырабатывался социальный строй, мѣнялись его формы; одніе отживали, другія нарождались. Постепенно расширялся и видоизмѣнялся умственный горизонтъ, видоизмѣнялись этическія воззрѣнія, но все послѣдующее не возникало вдругъ внѣ связи съ общимъ теченіемъ жизни; оно покоилось на прошломъ, имѣло съ нимъ глубокую связь, вытекало изъ него.

Процессъ этотъ шель медленно, постепенно и приблизительно въ одномъ направленіи, ибо и самыя условія, при которыхъ онъ зародился, при которыхъ онъ совершался, не претерпѣвали рѣзкихъ измѣненій. Дѣйствіе факторовъ, играющихъ несомнѣнно важную роль въ культурномъ прогрессѣ, дѣйствіе, такъ называемыхъ, естественныхъ причинъ, не подвержено вообще рѣзкимъ колебаніямъ, и измѣненія въ этомъ отношеніи совершаются медленно и незаметно на громадномъ протяженіи времени. Это приложимо ко всему человечеству вообще, но для Японіи былъ еще одинъ факторъ, котораго не доставало, пожалуй у другихъ націй. Это ея сравнительная изолированность, сказавшаяся на протяженіи всей ея исторіи, отсутствіе общенія съ другими народами. И, хотя, можетъ быть, ни одна нація, ни одна страна не имѣетъ такъ

много заимствованнаго, какъ Японія, — тѣмъ не менѣ эти заимствованія не послужили поводомъ къ живому общенію, къ постоянному общенію съ другими. Безъ преувеличенія можно сказать, что Японія заимствовала у другихъ все, что необходимо для жизни физической и духовной. Она заимствовала религію, письменность, искусство и ремесла, формы социального строя, философію и этику, церемоніи, обряды, утварь и одежду. Но эти заимствованія она прятала въ глуши своихъ острововъ и островковъ и въ тиши уединенія перерабатывала ихъ на свой ладъ, подъ дѣйствіемъ неизмѣнныхъ естественныхъ факторовъ, опредѣлявшихъ въ общемъ направленіе ея жизни. Она жила сама въ себѣ, замкнутая и невѣдомая, создавала жизнь сама въ себѣ, и, конечно, процессъ развитія ея жизни шель при такихъ условіяхъ слишкомъ постепенно, слишкомъ медленно, и прошлое играло въ этомъ процессѣ громадную роль. Новое вырабатывалось и усваивалось медленно, а старое продолжало жить и дѣйствовать, продолжало занимать если не первое, то во всякомъ случаѣ и не послѣднее мѣсто. И такъ до самаго послѣдняго времени; и такъ до настоящаго времени. Связь съ прошлымъ глубока и сильна и понинѣ. Она не видна, можетъ быть, постороннему взгляду съ перваго раза, но она существуетъ и сильно сказывается во всѣхъ проявленіяхъ жизни; многое, изъ проявленій современной жизни можетъ стать понятнымъ при извѣстномъ знакомствѣ съ прошлымъ этой націи, непонятное и странное легко можетъ объясниться именно съ этой точки зрѣнія. Но гдѣ искать этого прошлаго? Гдѣ тѣ памятники, понятные и доступные, по которымъ можно бы прослѣдить это прошлое, такъ далеко, такъ глубоко скрытое отъ постороннихъ глазъ. Ихъ много этихъ памятниковъ, и разнообразны они. И въ числѣ ихъ несомнѣнно громадную и важнѣйшую роль играютъ памятники литературные, эти никогда не умирающіе свидѣтели дѣйствительно былого. Однимъ изъ такихъ памятниковъ является сборникъ «Мукаси банаси».

«Мукаси банаси» не сказки, придуманныя только для развлечения дѣтей. Въ 24 обработанныхъ Садзанами сказанійъ этого сборника, отмѣчены главнѣйшіе моменты японской міоологіи, исторіи, этики, религіи, быта. Это то, чѣмъ жилъ народъ; это показатель того, какъ онъ жилъ, какъ мыслилъ, къ чему стремился, во что вѣровалъ, чѣмъ восхищался, что ненавидѣлъ. Конечно, здѣсь умѣстилось далеко не все, но все же здѣсь видна, такъ сказать, душа народа, здѣсь можно прослѣдить руководящіе принципы жизни, какъ они дѣйствовали въ свое время, оставшись запечатлѣнными легендой во всей ихъ исторической правдѣ.

24 сказанія сборника «Нихон мукаси банаси» можно раздѣлить на нѣсколько группъ.

I. Сказанія мифическія:

1. Восьмиглавый мій.
2. Заяцъ и крокодилы.
3. Таманон.

Эта группа сказаній, обнимающихъ нѣкоторые моменты древнѣйшей японской мифологіи, передающихъ нѣкоторые изъ мифовъ, какъ они записаны въ древнѣйшихъ японскихъ литературныхъ памятникахъ.

Въ основѣ японской мифологіи лежитъ, подобно тому, какъ и у другихъ народовъ, солнечный мифъ. Главное божество національной религіи японцевъ, Аматерасу, съ высокаго неба сияющая богиня солнца, сама солнце—центръ этого міа, который естественнымъ затѣмъ порядкомъ, переходить въ полевой мифъ. Начала основной культуры, начала полевой культуры нашли себѣ здѣсь надлежащее мѣсто. Борьба съ силами природы, которая надо было преодолѣть для преуспѣянія этой культуры, къ которой надо было приспособиться, были, конечно, трудны для тогдашняго человѣка, имѣвшаго слишкомъ мало ресурсовъ для такой борьбы. Все это запечатлѣно легендой. На глазахъ у насъ происходитъ обожествленіе силъ природы какъ благихъ, содѣйствующихъ жизни человѣка, облегчающихъ ее, такъ и противныхъ, грозныхъ, препятствующихъ ей. Но это еще не все. Легенда создавалась медленно. Она, такъ сказать, наслоилась постепенно, пока не стала настоящей легендой, и въ ней не нашли вѣрное отраженіе жизненные принципы; въ ней отпечатлѣлась душа народа; въ ней сразу же отбѣлилось направленіе этики, и это дѣло не случайное. То, что было положено здѣсь въ основу этического міросозерцанія, не было случайно пришедшимъ элементомъ; оно сказалося въ дальнѣйшемъ. Оно дѣйствовало на протяжении многихъ и многихъ вѣковъ, и не будетъ ошибкой сказать, что оно дѣйствуетъ и теперь, хотя и не въ такой, можетъ быть, рѣзкой формѣ.

Погрѣшилъ противъ великой богини буйный братъ ея Сусанно, и спряталась богиня. Наступилъ мракъ. Но гнѣвъ и упорство богини были сломлены, и сломлены простымъ средствомъ—обманомъ. Въ утилитарныхъ цѣляхъ сами боги прибѣгли къ обману. Жестоко былъ наказанъ Сусанно и изгнанъ на землю. Здѣсь на землѣ онъ, богъ, помогаетъ жалкимъ, безпомощнымъ людямъ. Избавляетъ ихъ отъ страшной, грозной силы, разрушающей ихъ поля, посягающей на ихъ жизнь. Онъ борется съ ней. Онъ богатырь-подвижникъ, онъ, богъ, опавшая змѣя, усиляетъ его, рубитъ его соннаго. Побѣда на его сторонѣ. Успѣхъ обезпеченъ. Все предусмотрено. Врагъ обманутъ, врагъ усыпленъ, врагъ безсиленъ. Герой не рискуетъ ничѣмъ. Взмахъ меча, и все-

сильный богъ дѣлается героемъ-побѣдителемъ. Беззавѣтная смѣлость и безстрашіе, смѣлый вызовъ врагу, готовность пожертвовать собою за другихъ—не находятъ себѣ мѣста. Важна только цѣль; средства не учитываются. Практическій, утилитарный взглядъ на вещи доведенъ до крайности, и онъ не считается ни съ какими иными принципами.

А легенда наслоется и наслоется. Какъ звенья цѣпи, сгѣпляются между собою факты жизни далекихъ временъ; легенда съ неба нисходитъ на землю, приближается къ людямъ.

Оставшійся на землѣ Сусанно владѣетъ всей тогдашней Японіей, и владѣніе его преемственно переходитъ къ его потомку Окунинуси, который и уступаетъ свои права прямому потомку Аматерасу, ниспосланному ею съ высокаго неба и одаренному тремя эмблемами: зеркаломъ, нефритовымъ шаромъ и мечемъ, признаками его божественнаго происхожденія отъ самой Аматерасу. Эмблемы эти имѣютъ свое прошлое: зеркаломъ и нефритомъ обманули боги Аматерасу, заставивъ ее пріоткрыть дверь своего каменнаго убѣжища на небѣ; мечъ найденъ въ тѣлѣ змѣи, опоеннаго, обманутаго и убитаго Сусанно. Каменный шаръ, мѣдное зеркало, желѣзный мечъ! Медленно шла жизнь, медленно создавалась легенда, наслоясь и отражая въ себѣ разные періоды жизни, разные ступени культурнаго процесса, но не преминула она, хотя и въ затемненной формѣ, отбѣлить вѣка: каменный, мѣдный и желѣзный. Для слабого первобытнаго человѣка все было откровеніемъ высшей божественной силы, и простое каменное орудіе, появившееся впервые, было для него даромъ божества.

Окунинуси сходитъ со сцены и дѣлается божествомъ. Олицетвореніе терпѣнія, при всѣхъ испытаніяхъ, какія выпали на его долю, онъ все же не ожесточается, ему свойственно состраданіе и милосердіе, которая и награждаются достойно. Въ легендѣ звучитъ новая нотка, выдвигается новый этический принципъ, принципъ милосердія, но звучитъ она слабо, а уже ставшій на прочныхъ устояхъ принципъ достиженія цѣли, не гнушающійся средствами, такъ и бьетъ въ глаза. Заяцъ, котораго спасъ Окунинуси, къ которому онъ проявилъ милосердіе, начинаетъ съ обмана. Обманъ заячій, но цѣли достигъ помогаетъ. И обманъ уже сознается. Ему уже дается надлежащая оцѣнка, но тѣмъ не менѣе онъ находитъ себѣ примѣненіе; онъ является однимъ изъ средствъ къ жизни.

Японіей владѣетъ потомокъ богини, и власть въ этомъ божественномъ родѣ передается по преемству, но остается въ младшей линіи, которой и подчиняется старшая—давно, конечно, забытый историческій фактъ борьбы за преобладаніе!

Фактъ, опозитизированный легендой, въ которой перемѣшались и люди, и боги, въ которой спутались внѣшніе историче-

скіе факты съ внутренними представленіями. Поэтическія грёзы древнѣйшаго человѣка, въ которыхъ заодно дѣйствуютъ и невѣдомыя ему обожествленныя силы, и самъ человѣкъ, получелвѣкъ-полубогъ, и близкая всему этому природа, съ которой онъ жилъ въ непосредственной близости, которую, можетъ быть, любилъ, но которой еще больше боялся. Море, окружавшее страну, давало значительные ресурсы жизни. Оно было и благодѣтельной и вмѣстѣ съ тѣмъ грозной, невѣдомой силой; оно было божествомъ, источникомъ силы, могущества, власти, и полубогъ Хико Хоходэми спускается въ подводное царство, роднится съ божествомъ водъ и отъ него получаетъ новую силу, новый источникъ власти и могущества. Онъ, божественный, становится властелиномъ и повелителемъ, и ему помогаютъ всѣ невѣдомыя силы, но въ тоже время божественность распространяется и на весь народъ. Тѣ, надъ кѣмъ онъ властвуетъ не просто люди: они тоже божественнаго происхожденія; они выше другихъ человѣческихъ разновидностей, не имѣющихъ за собою такого прошлого, не имѣющихъ прѣдка божества. Эта божественность проходить красной нитью черезъ всю японскую исторію, и нынѣшній императоръ Японіи не болѣе какъ 122-й потомокъ божественнаго рода, ведущаго свое начало отъ великой богини солнечнаго свѣта. Далекое прошлое непрерывно цѣпью тянется вплоть до настоящаго времени.

И такое міросозерцаніе не прошло безслѣдно для націи. Идея самовозвеличенія, самовозвеличенія до собственного обожествленія, слишкомъ жива еще и нынѣ. Знакомство съ инымъ міромъ, съ иной культурой, конечно, открыли глаза на многое. Этой идее пришлось столкнуться со многими фактами, говорящими противное. Но она еще не пала, она держится еще и будетъ, вѣроятно, держаться долго. Хорошо это или худо, трудно отвѣтить въ короткихъ словахъ, но несомнѣнно въ этомъ есть аномалія, есть уклоненіе отъ нормальнаго пути здороваго культурнаго процесса, и причины этой аномаліи можно прослѣдить. Рельефъ страны, климатъ, почва... несомнѣнно выдающіеся факторы въ образованіи психологіи народа. Японія находилась въ исключительныхъ условіяхъ. Затерянная въ обширномъ океанѣ, отрѣзанная бурнымъ моремъ отъ ближайшаго материка Азіи, съ его пустынями въ то время берегами, она была предоставлена сама себѣ; должна была жить сама въ себѣ, отстранявшись отъ общей культурной жизни. Мягкій климатъ страны, незначительность площади, безопасность отъ внѣшнихъ вторженій, изобиліе средствъ къ существованію пріучили довольствоваться тѣмъ, что давалось само безъ затраты силъ и энергіи. Это, конечно, былъ минимумъ въ смыслѣ удовлетворенія потребностей, но къ нему можно привыкнуть, можно, привыкнувъ, считать его за то высшее,

что доступно человѣку. Такъ и считали. Незнаніе другихъ повело къ нежеланію знать ихъ. Жизненные требованія стали подгоняться къ шаблону; отсюда пониженіе культурспособности, довольство тѣмъ, что есть нежеланіе поисковъ новаго. Окружающая природа давала много; она была всегда около человѣка; она, съ одной стороны, можетъ быть, и вдохновляла его, но еще больше давила его. Близость къ природѣ была, но близость не осмысленная, безъ попытки на критическую мысль. Природа подавила человѣка, и самъ онъ съ его міросозерпаніемъ сталъ внѣ ея; отношеніе къ человѣку создавалось индифферентное. Мысль усплялась все болѣе. Человѣкъ довольлся себѣ, и обычная человѣчеству представленія о силахъ природы, объ отношеніи къ нимъ самого человѣка, не находятъ себѣ мѣста. Человѣкъ разумѣется, лишь какъ конкретное я, и абстрактное представленіе о человѣческомъ существѣ не укладывается въ рамки мышленія такого конкретнаго я. Человѣкъ признаетъ человѣка только въ самомъ себѣ. Собственная фигура заслонила все.

Самодовольный, съ оцѣненнѣйшей мыслью, онъ не можетъ уже сознательно, критически относиться къ окружающему. Онъ реально сознаетъ свою индивидуальность, но мысль стоитъ и, кромѣ себя, онъ не видитъ уже подобнаго себѣ; онъ употребляетъ свою досужную фантазію на то, чтобы возвеличить себя въ собственныя же глазахъ. Онъ не можетъ отрѣшиться отъ представленія о силахъ, его пугающихъ, о силахъ, ему непонятныхъ, о силахъ, стоящихъ выше его разумѣнія, и, не будучи въ состояніи проанализировать своей застывшей мыслью отношеніе ихъ къ самому себѣ, онъ дѣлаетъ ихъ божествомъ и приближаетъ ихъ къ себѣ или себя къ нимъ; онъ стремится возвеличить себя по сколько сознаетъ себя реально, конкретно. До другихъ, подобныхъ ему, существъ, ему нѣтъ дѣла. Онъ, лѣнивый мыслью, убогий жизнью, инертный въ смыслѣ созданія техники культуры, можетъ считать только ниже себя все, что не онъ самъ лично. Конечно, современное положеніе не осталось безъ воздѣйствія на эту идею, оно повредило до извѣстной степени первоначальную чистоту ея, но все же она не утратилась совершенно и сказывается еще и теперь въ видѣ той отчужденности, той непріязненности, которую питаетъ этотъ народъ въ общей своей массѣ ко всему постороннему, ко всему, что не онъ самъ. Между нимъ и остальнымъ человѣчествомъ все еще лежитъ глубокая пропасть. Когда она закроется и закроется ли, — это вопросъ открытый.

Отъ обожествленныхъ силъ природы, отъ боговъ и полубоговъ легенда нисходитъ постепенно къ людямъ. Участіе людей дѣлается все замѣтнѣе и замѣтнѣе. Мнѣніи періодъ естественнымъ порядкомъ переходитъ въ легендарно-историческій и даетъ намъ новую группу сказаній именно:

II. Сказанія легендарно-историческія:

1. Момотаро.
2. Оеяма.
3. Иссумбоси.
4. Кинтаро.
5. Расіомонъ.
6. Тавара Тода.
7. Усивакамару.

Въ отличіе отъ періода миѣческаго, въ которомъ при зарожденіи культуры всю силу, всю энергію пришлось употребить на элементарную борьбу съ силами природы, на приспособленіе къ нимъ, этотъ слѣдующій періодъ носитъ на себѣ отпечатокъ развитія социального строя, объединенія разнородныхъ, вѣроятно, этнографическихъ элементовъ, борьбы ихъ между собою, подчиненія однихъ другимъ. Это тотъ періодъ, когда уже тѣмъ или инымъ путемъ образовалось ядро, давшее впоследствии японскую націю, когда это ядро, отдѣльное племя или конгломератъ нѣсколькихъ, вѣроятно, родственныхъ племенъ, создало себя и вступило въ борьбу съ остальными родственными и неродственными племенами изъ за обладанія территоріей архипелага. Это племя сталкивалось съ другими, населявшими архипелагъ, воевало съ ними, знакомилось, подчиняло ихъ себѣ, роднилось съ ними, принимая въ себя новые и новые элементы, вырабатывая все больше и больше формы социального строя. Все это началось въ далекія незапамятныя времена, давно уже изгладившія изъ памяти. Легенда создавалась *post factum* и, какъ туманомъ, окутываетъ вымысломъ дѣйствительные историческіе факты, смутно лишь удержавшіеся въ народной памяти, передала ихъ дальнѣйшимъ поколѣніямъ въ искаженно поэтическомъ видѣ, изукрашивъ ихъ, какъ пышнымъ узоромъ, примѣсью фантастическаго, чудеснаго, невѣроятнаго. Плодъ досужей фантазіи, онъ намекаетъ только на факты, опозитизировавъ и детализируя ихъ до полной неузнаваемости; продуктъ поэтическаго творчества, она строитъ на фактѣ новое, пышно-расцвѣченное зданіе и такое сложное, такое прихотливое въ своихъ деталяхъ, что за нимъ совершенно скрывается его фундаментъ — историческій фактъ. Ей мало факта, и она не придаетъ даже ему большой цѣнности. Поэтическая мечта, фантастическая грѣза, она стремится создать свой идеалъ, идеалъ, который дорогъ былъ народу, къ которому онъ стремился, которому поклонялся, и этотъ идеалъ она старается конкретизировать въ реальныхъ фактахъ; она создаетъ героевъ, надѣляетъ ихъ лучшими качествами, на которыхъ способенъ былъ народъ, она создаетъ подвиги и очерчиваетъ ихъ детально въ той схемѣ совершенія ихъ, какая доступна была на-

родному духу и пониманію, какую онъ считалъ наилучшей, наиболее совершенной. И герои ея глубоко жизненны, глубоко реальны, несмотря на то, что они никогда, можетъ быть, и не существовали.

Чѣмъ дальше, тѣмъ точнѣе и точнѣе становится легенда, переходя изъ чистой легенды, созданія народной фантазіи, въ область фантастическаго, историческаго разсказа. На сцену выступаютъ уже дѣйствительно историческія лица, правда, не въ томъ видѣ, какъ они существовали и дѣйствовали. Но такъ и должно быть. Жизнь болѣе входила въ рамки, болѣе дифференцировалась, и стало возможнымъ отмѣчать уже отдѣльныхъ лицъ, историческихъ дѣятелей. Но народное творчество не останавливалось, идеалъ жилъ и требовалъ для себя конкретнаго образа, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что этотъ идеалъ и былъ перенесенъ цѣликомъ на тѣхъ или иныхъ историческихъ личностей, ставшихъ по какому-либо поводу извѣстными народу.

Борьба съ сосѣдями занимала центральное мѣсто въ жизни того времени. Взаимные набѣги, разхищеніе имущества, похищеніе женщинъ и, вѣроятно, людоедство были слишкомъ выдающимися фактами, чтобы народная память совершенно забыла о нихъ. Но, не забывъ о нихъ, она утратила представление о подробностяхъ, объ исторически реальной правдѣ, и, создаваясь уже впоследствии, легенда приводитъ эти факты въ искаженномъ, конечно, видѣ. Она излагаетъ ихъ намъ въ видѣ битвы съ чертами, со сверхъестественными свойствами, и для такой борьбы создаетъ соответствующихъ героевъ, обставляя ихъ появленіе элементами чудесности. Момотаро — герой, но онъ не совсѣмъ человекъ; онъ посланецъ боговъ. Иссумбоси герой, побѣждающій чертей-людоедцовъ, тоже не похожъ на обыкновенныхъ людей. Но это, конечно, присуще всѣмъ народамъ. Герой древнаго періода всѣмъ отличается отъ обыкновенныхъ людей; въ немъ должны непременно присутствовать признаки сверхъестественности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ народное творчество сейчасъ же надѣляетъ его идеальными чертами, свойствами народу, и всѣ его дѣйствія окрашиваются именно этими идеальными цвѣтами.

Момотаро — герой, и ему сопутствуетъ помощь боговъ. Онъ герой, избавляющій свою страну отъ несчастія, уничтожающій чертей, причинявшихъ ей бѣдствія. Но геройство его нѣсколько своеобразно. Онъ съ грозой идетъ на чертей, идетъ сразиться съ ними, но все оканчивается тѣмъ, что онъ приходитъ на мѣсто борьбы, когда уже черти разгромлены его сподвижниками, животными; здѣсь онъ проявляетъ удивительно хладнокровную жестокость по отношенію къ сраженному, просящему пощады врагу и увозитъ отнятыя у чертей сокровища. Въ этомъ весь его подвигъ.

Другой побѣдитель чертей, дѣйствительно историческая личность, Райко, уничтожившій по преданію какихъ-то инородцевъ,

дѣлавшихъ набѣги на страну, — одинъ изъ популярнѣйшихъ героевъ Японіи, опять-таки слишкомъ ярко отражаетъ на себѣ этическіе принципы народа. Онъ идетъ на бой за свою страну и заранѣе обезпечиваетъ успѣхъ. Онъ, герой, сокрушаетъ чудовище, избавляетъ страну отъ бѣдствій, но сокрушаетъ путемъ обмана. Проникнувъ въ периодотомъ видѣ со своими товарищами въ убѣжище чудовища, онъ при помощи боговъ ослѣпляетъ его, усыпляетъ и, подобно Сусаноо, рубить его пьянаго и соннаго, въ то время, какъ его товарищи, подкрѣпленные, какъ и онъ самъ божьей помощью, успѣшно справляются съ ослѣпѣвшими, полусонными, ничего не подозрѣвавшими врагами. Во всемъ этомъ нѣтъ лжи; здѣсь, какъ въ зеркалѣ, отразилось народное пониманіе, здѣсь выпуклыми чертами запечатлѣно то, что народъ считалъ умѣстнымъ, приличнымъ, геройскимъ. И это не единственные въ своемъ родѣ примѣры. Стоить только обратиться къ исторіи.

Въ недавнее время Европа зачитывалась, да и теперь зачитывается небольшой книжечкой, написанной въ Японіи для иностранцевъ. Это «Бусидо», что дословно значитъ путь (нравственный) самурая, японскаго воина-подвижника [типъ уже не существующій]. Эта книжечка произвела сенсацию; въ ней нашли откровеніе, и японскій самурай отождествленъ съ европейскимъ рыцаремъ. Тѣ, кто наилучше могъ бы рѣшить этотъ вопросъ, сами рыцари, отошли уже въ область преданій но, думается, что ни одинъ рыцарь не захотѣлъ бы стать самураемъ, и ни одинъ самурай не смогъ бы стать рыцаремъ. Слишкомъ глубока пропасть, слишкомъ различны понятія о чести, благородствѣ, героизмѣ.

III. Сказанія, проводящіе этической или религіозный принципъ:

1. Местъ краба.
2. Каши-Кашияма.
3. Зеркало Мацуяма.
4. Хибаріяма.
5. Дѣлъ Ханасака.
6. Воробей съ обрѣзаннымъ языкомъ.
7. Свадьба крысы.
8. Адашигахара.
9. Кошки и крысы.
10. Обезьяна и медуза.
11. Моногуса Таро.

Эта группа сказаній не имѣетъ никакого отношенія ни къ мифологіи, ни къ исторіи. Сказанія эти касаются исключительно внутренней духовной жизни человѣка, и въ нихъ ясно отражено

все его міросозерцаніе. Тѣ моральные принципы, которые принимались въ жизни, которыми жилъ народъ, опоэтизированы въ этихъ сказаніяхъ и запечатлѣны въ нихъ навѣки. Одни изъ нихъ выработаны самимъ народомъ самобытно, другіе, и большая часть притомъ, заимствованы и переработаны. Но это не важно; первоначальное происхожденіе ихъ не играетъ роли. Важно то, что они составляли содержание духовной жизни народа, вошли въ укладъ ея, принимались на практикѣ. Точно также и религіозныя воззрѣнія.

Въ этихъ сказаніяхъ нашли вѣрное отраженіе тѣ руководящіе принципы, которые неизмѣнно сказались въ жизни, которые составляли credo народа, на которыхъ создавалъ онъ свой идеалъ, и которые составили его обычай.

Первое мѣсто надо отвести принципу кровавой мести. Этотъ принципъ, вошедшій въ жизнь народа, проникшій всю ее, дѣлался обычаемъ, сталъ не только правомъ, но и обязанностью, съ которой связано было извѣстное понятіе о чести, и погрѣшить противъ этой обязанности, отказаться отъ мести значило бы погрѣшить противъ чести, утратить ее, тогда какъ выполненіе ея ставилось въ заслугу, составляло подвигъ, геройскій поступокъ.

Обычай кровавой мести свойственъ многимъ народамъ; въ этомъ отношеніи японцы не составляютъ исключенія, но разнятся, пожалуй, пріемами мщенія. А пріемы эти своеобразны. Они тождественны съ пріемами богатѣйшей японскаго мифа и легендарнаго историческаго сказанія. Обезпечивается успѣхъ какими-бы то ни было средствами. И одно изъ такихъ средствъ, средство вѣрное, испытанное, прихвѣнное самимъ божествомъ — это обманъ, усиленіе подозрительности врага, подготовка удара въ тиши, нападеніе врасплохъ. Крабъ мститъ обезьянѣ за смерть отца и медленно, систематически подготавливаетъ ударъ. Онъ усыпляетъ ея подозрѣнія, приглашаетъ къ себѣ, подпаваетъ и нападаетъ на нее неожиданно. Нападаетъ на одну, заручившись самъ союзниками. Успѣхъ, конечно, обезпеченъ. И обезьяна падаетъ подъ его ударами. Заяцъ мститъ тануки за старика. Но мститъ такъ, что тануки даже не подозрѣваетъ. Именно отъ него онъ и не можетъ ожидать никакихъ непріязненныхъ дѣйствій. Заяцъ, конечно, при такихъ условіяхъ долженъ остаться побѣдителемъ. Въ обоихъ случаяхъ шансы слишкомъ неравны, и именно эта борьба при неравенствѣ шансовъ и составляетъ характерную черту. Таковъ этотъ принципъ мести, при такихъ именно условіяхъ реализовался онъ на практикѣ, такъ именно отразился въ немъ моральный взглядъ народа. Другой моральный принципъ, также вошедшій въ укладъ жизни, также прошедшій всю ее, принципъ мирнаго характера. Это почитаніе родителей дѣтми. Принципъ этотъ не самобытенъ у японцевъ

Онъ заимствованъ изъ Китая вмѣстѣ со всей конфуціевою философіею.

Пять положеній Конфуція о пяти добродѣтеляхъ, именно о пяти разновидностяхъ отношеній людей между собою, приняты японцами, и вошли въ составъ ихъ этическихъ понятій. Въ числѣ конфуціевыхъ положеній самое важное—это положеніе о сыновнемъ почитаніи, и изъ него уже вытекаютъ всѣ остальные. Японцы приняли это положеніе, но съ той разницей, что во главѣ всѣхъ добродѣтелей поставили преданность властителю. При столкновении этихъ двухъ принциповъ, сыновнее почитаніе должно уступить мѣсто преданности. Изъ за преданности государю можно даже убить отца. И въ исторіи есть не одинъ примѣръ тому. Такой взглядъ на взаимоотношенія этихъ двухъ принциповъ былъ, правда, удобенъ разнымъ политическимъ дѣтелямъ, которые смѣло могли всаживать ножъ въ грудь родному отцу, чувствуя за собой оправданіе. Но тамъ, гдѣ принципы эти не сталкивались, принципъ сыновняго почитанія проводился во всей строгости и чистотѣ. Зеркало Мацуюма и Хибаріама проводятъ эти принципы, и здѣсь мы встречаемся уже съ болѣе понятными намъ симпатичными чертами народного характера, особенно въ Хибаріама, гдѣ къ конфуціанству примѣшанъ буддизмъ, съ его мягкимъ гуманитарнымъ направленіемъ, съ его милосердіемъ и незлобивою.

Дальше, затѣмъ, проводятся принципы жизненной морали: за вѣсть и жадность наказываются въ сказаніяхъ «Дѣдъ Ханасака» и «Воробей съ обрѣзаннымъ языкомъ» и, наоборотъ, награждается скромность, умѣренность и доброта. Эти нравственные правила живы были въ народѣ, они стояли на прочныхъ устояхъ, и надо удивляться только, какъ нашли рядкомъ съ нимъ примѣненіе такіа уродливыя понятія, какъ тѣ, о которыхъ говорили выше.

Въ «Свадьбѣ крысы» тоже проводится понятіе житейской морали, правда, довольно убогое, именно о томъ, чтобы довольствоваться своимъ положеніемъ и не стремиться къ иному, но оно имѣетъ мѣсто въ этикѣ всѣхъ почти народовъ. Это, очевидно, положеніе, выведенное изъ горькаго опыта жизни.

Религіозныя воззрѣнія народа также нашли себѣ отраженіе въ сказаніяхъ. Собственно національной религіи у японцевъ нѣтъ, ибо то, что считается ихъ національной религіей—синтоизмъ, не есть по существу религія, такъ какъ въ ней отсутствуетъ прежде всего догма. Синтоизмъ это—та самая міеологія, о которой говорилось выше. Этотъ недостатокъ былъ восполненъ позаимствованиями; и позаимствованный у Китая буддизмъ прочно привился на японской почвѣ и быстро распространился въ массѣ народа. Но распространилась, конечно, обрядовая, главнымъ образомъ, сторона, съ ея безчисленнымъ пантеономъ объектовъ покло-

ненія, въ который включены были и нѣкоторыя синтоистическія божества. Сюда примѣшалась масса суевѣрій, и въ концѣ концовъ получился своеобразный культъ, который вполне удовлетворялъ японца и пригоденъ былъ въ разныхъ случаяхъ его повседневной жизни, хотя, конечно, онъ совершенно не похожъ на настоящій чистый буддизмъ, не имѣющій прежде всего никакихъ объектовъ поклоненія. Сказаніе о монахѣ, котораго спасаетъ отъ вѣдъ буддискія молитва, очень характерно въ этомъ смыслѣ. Но обрядовая сторона культа не заслонила все-таки догмы этого ученія, и въ «Кошкѣхъ и крысахъ» эта догма проведена довольно выпукло. Религія кротости, милосердія, религія гуманитарная, она все же оказала свое влияніе, свое воспитательное дѣйствіе, несмотря на то что она вышучивается съ точки зрѣнія повседневной, практической жизни.

Не чуждъ японскому творчеству и животный эпосъ. Во многихъ сказаніяхъ фигурируютъ животныя. Японцы были очень близки къ природѣ, хорошо съ ней познакомились и хорошо изучили міръ животныхъ, сложивъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ цѣлыя легенды, какъ, напримѣръ, сказаніе, объясняющее происхожденіе медузы. Характерно, однако, и здѣсь то, что медуза наказана была именно за свое неумѣніе обмануть.

Въ «Моногуса Таро» уже совершенно новая область. Здѣсь выраженъ взглядъ народа на поэтическое творчество. И хотя это творчество въ Японіи стоитъ въ нѣсколько своеобразныхъ условіяхъ, не требуетъ, можетъ быть, такого самобытнаго дарованія и таланта, какъ у другихъ народовъ, но все же народный смыслъ подмѣтилъ, что поэзія и сутолока повседневной жизни вещи несомнѣстимыя.

Моногуса поэтъ и потому отъявленный лѣнтяй, стоящій въ сторонѣ отъ жизни, не утруждающій себя ея мелочами, не гнушающійся передъ сильными міра.

IV. Сказанія безъ опредѣленнаго характера:

1. Кобутори.
2. Счастливыя чайники.
3. Урасима Таро.

Въ этихъ сказаніяхъ нѣтъ опредѣленнаго, выраженнаго характера; они не касаются міеологіи, чужды исторіи, не проводятъ никакого принципа или воззрѣнія. Это просто легенды, созданныя при извѣстномъ случаѣ. Въ двухъ первыхъ опозтированы народныя суевѣрія. Возможно, что они созданы по какому-либо точно опредѣленному случаю, но смыслъ ихъ теперь утраченъ. Самой поэтичной и самой древней является легенда объ Урасима Таро. Это очень красивое сказаніе, легшее въ основу одной

древней японской баллады. И въ этомъ сказаніи японское творчество выразилось въ лучшемъ своемъ смыслѣ; народная душа сказала въ лучшемъ своемъ видѣ.

Отразители духовной жизни народа, сказанія, даютъ еще и другое. Они наглядно очерчиваютъ намъ бытовую сторону. Тотъ бытъ, который частью отошелъ уже въ область преданій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тотъ, который существуетъ еще и теперь, ибо ни въ одной странѣ, можетъ, быть, не удержалась въ настоящее время старина въ такой степени, какъ въ Японіи, ни у одного народа не сильны, можетъ быть, традиціи такъ, какъ у японскаго.

На протяженіи 24 сказаній вся бытовая жизнь Японіи проходитъ передъ нами, какъ въ панорамахъ. Одежда, пища, жилища, церемоніи, привѣтствія, музыка, поэзія. Всѣ мелочи повседневной жизни отъ врытаго въ землю очага въ бѣдномъ, крестьянскомъ домищкѣ и до скрытаго за бамбуковой завѣсой божественнаго микадо, чья божественная голова изволила разболѣться отъ шума водъ разлившейся рѣки; отъ страстной молитвы божеству о дарованіи ребенка и до звона мечей въ кровавомъ бою; отъ толченія риса для приготовленія моши и до праздника цвѣтовъ съ его музыкой, поэзіей и церемоніями, — все это происходитъ передъ нами въ рядѣ мастерски набросанныхъ художественныхъ картинъ. Здѣсь есть много, чѣмъ можно и должно заинтересоваться.

Таковы эти сказанія о дѣлахъ бывшихъ, о томъ, что было во дни глубокой старины, и не перестало еще быть и теперь.

В. М. Мендрина.

Токио.

Момотаро.

Давнымъ давно въ нѣкоторомъ мѣстѣ жили были старикъ да старуха. Вотъ, однажды старикъ отправился въ горы рѣзать хворостъ, а старуха пошла на рѣку полоскать бѣлье. Такъ разошлись они каждый по своимъ дѣламъ.

Было какъ разъ начало лѣта; толстымъ ковромъ стлалась по плотинѣ яркозеленая трава; прибрежныя ивы свѣшивали внизъ свои зазеленѣвшія бахромчатая вѣтви. Все кругомъ было зелено, зелено, такъ что глаза разбѣгались. Время отъ времени набѣгали нѣжнымъ дуновеніемъ вѣтерокъ, подымая мелкую рябь на поверхности воды и нѣжно лаская лицо. Хорошо было кругомъ!

Старуха поставила свое корыто въ удобномъ мѣстечкѣ и, вынимая одну за другою промоченныя рубахи и заношенное верхнее платье, погружала ихъ въ воду, такую чистую и прозрачную, что ясно можно было видѣть, какъ выскакивали изъ подъ камешковъ форели. Только и слышно было шлепъ-шлепъ, шлепъ-шлепъ!

Вдругъ выше по теченію рѣки бухнулъ въ воду преогромнѣйшій, съ копну почти величиною, персикъ и, раскачиваясь, плывъ воду, поплылъ по рѣкѣ внизъ.

— Какой прекрасный персикъ! — сказала старуха, увидѣвъ его.

— Шестьдесятъ лѣтъ живу я на бѣломъ свѣтѣ, а отъ роду еще не видывала такого громаднаго. И вкусенъ же, должно быть, онъ. Вотъ бы хорошо поймать его, да сдѣлать подарочекъ моему дѣду — такъ разсуждала старуха сама съ собою и протянула руку, но персика достать не могла. Огляну-

лась кругомъ: какъ на зло нигдѣ нѣтъ палки. Старуха задумалась, но вдругъ ей пришла въ голову новая мысль и, обращаясь къ персику, она крикнула:

— Дальняя вода горькая, ближняя вода сладкая. Не ходи въ горькія мѣста, иди сюда въ сладкое мѣсто! — Нѣсколько разъ повторила она это и подставила руки.

И вотъ, удивительное дѣло! Персикъ понемногу, понемногу сталъ приближаться и, наконецъ, остановился подлѣ старухи.

— Ага, попался! — воскликнула она и живехонько подобрала его.

Теперь ей стало уже не до стирки. Кое-какъ сложила она бѣлье и поплелась домой, захвативъ персикъ въ охапку.

— Обрадуется же старикъ, когда придетъ домой, — подумала она и стала его поджидать. Наступилъ вечеръ; и вотъ старикъ идетъ домой, опираясь на топоръ, какъ на трость, навѣченный нарубленнымъ въ горахъ хворостомъ, такъ что даже головы не видно.

Завидѣвъ его, старуха побѣжала на встрѣчу.

— О, старикъ, старикъ! Ты, вѣдь, и не знаешь, что я давно уже поджидаю тебя.

— А что? Случилось развѣ что нибудь?

— Нѣтъ, все благополучно. Я приготовила тебѣ гостиницу. Доволенъ будешь, когда покажу.

— Вотъ какъ! Ты очень внимательна, — сказалъ старикъ и, вымывъ себѣ ноги, вошелъ въ домъ.

Старуха, съ трудомъ обхватывая персикъ, поднесла его старику.

— Вотъ полюбуюсь, — сказала она.

— Увидѣвъ его, старикъ былъ пораженъ. Вотъ такъ персикъ! Гдѣ же ты купила такую штуку?

— Что? Я совсѣмъ не покупала его. — И старуха подробно рассказала все, какъ было.

Слушая ее, старикъ все болѣе и болѣе удивлялся:

— Ну благодарю. А кстаи я проголодался. Давай-ка поскорѣе закусимъ персикомъ. Съ этими словами онъ принесъ изъ кухни большой ножъ и, положивъ персикъ на лотокъ, совсѣмъ уже собрался было разрѣзать его пополамъ. Только что хотѣлъ онъ сдѣлать это, какъ вдругъ, неслыханное дѣло, изнутри персика

раздался нѣжный дѣтскій голосъ: «Подожди немного, старикъ!» Въ тотъ же моментъ персикъ съ трескомъ раздѣлился на двѣ половины, и оттуда неожиданно выскочилъ совсѣмъ еще младенецъ, мальчикъ.

Какъ тутъ не испугаться. Старикъ и старуха перетрусили на смерть и, ахнувши, запрокинулись назадъ. Мальчикъ сталъ ихъ успокаивать:

— Не пугайтесь, не пугайтесь. Я вовсе не страшное чудовище. Я спустился сюда по велѣнію небесныхъ боговъ. Вы оба горевали о томъ, что у васъ до сихъ поръ нѣтъ дѣтей; боги прониклись жалостью и пожаловали вамъ меня. Примите меня, какъ своего ребенка, и воспитывайте.

Вотъ что говорилъ онъ имъ чистымъ звонкимъ голосомъ. Какъ

было не обрадоваться старику и старухѣ, когда они услышали это? Уже давно горевали они о томъ, что они стари, а дѣтей у нихъ все нѣтъ; и вотъ какъ разъ совершенно неожиданно небо даруетъ имъ такого прекраснаго ребенка. Какая неописуемая радость! Они не знали, что имъ дѣлать, хлопать ли въ ладоши, танцовать ли, и чуть съ ума не сходили отъ радости. Старики стали воспитывать

вать этого ребенка, которому дали имя Момотаро,^{*)} такъ какъ онъ вышелъ изъ персика и нѣжно любили его, какъ любятъ бабочекъ, какъ можно любить цвѣты. Идутъ дни за днями, мѣсяцы за мѣсяцами; летитъ быстрокрылое, крылатое время, и вотъ Момотаро исполнилось пятнадцать лѣтъ.

Какъ у ниспосланнаго небомъ, у него не могло быть, конечно, недостатковъ ни тѣлесныхъ, ни духовныхъ. Тѣломъ онъ былъ красивъ, духомъ мужественъ; кромѣ того, онъ обладалъ громадной физической силой; однимъ словомъ, это былъ богатырь, превосходившій всѣхъ, и ставшій уже сильнымъ, красивымъ и доблестнымъ мужчиной. Старикъ и старуха не могли нарадоваться.

Однажды Момотаро обратился къ старiku:

— Отецъ! Случайно вышло, что ты сталъ мнѣ отцомъ, а я тебѣ сыномъ. Долгіе годы и мѣсяцы воспитывалъ ты меня. Безпредѣльна милость твоя; она выше горы, на которой косятъ траву, она глубже рѣки, въ которой полощутъ бѣлье. Я не знаю, какъ и выразить мою благодарность, — говорилъ Момотаро. Старикъ смутился.

— Что ты, что ты! Можно ли говорить о такой бездѣлицѣ? Развѣ есть что нибудь удивительнаго въ томъ, что дѣти пользуются заботами и расположеніемъ родителей? А мы, вѣдь, стали тебѣ родителями, и ты намъ сыномъ. Когда ты вырастешь, то въ воздаяніе за наши заботы, ты будешь печься о насъ обоихъ. Мы дали тебѣ не больше, чѣмъ получимъ отъ тебя. А что теперь ты толкуешь о благодарности, такъ ты этимъ только огорчаешь меня.

— А затѣмъ есть у меня одно дѣло, о которомъ боюсь и сказать, ибо неловко говорить объ этомъ теперь, когда я еще ничѣмъ не воздалъ за оказанныя мнѣ милости. Есть у меня къ тебѣ просьба, не откажи выслушать ее.

— Ты не похожъ на другихъ людей, и твою просьбу я выслушаю.

— Такъ вотъ, прошу тебя, пожалуйста,пусти меня теперь изъ дома.

— Что? Отпустить?

— На время только. Я скоро вернусь.

— А куда же ты рѣшилъ отправиться?

— Ты не повѣришь даже, если я разскажу тебѣ все подробно. На сѣверо-востокѣ нашей Японіи далеко, далеко въ без-

предѣльномъ океанѣ есть островъ, на которомъ живутъ черти. Злы и непокорны эти черти. Они не только не исполняютъ повелѣній нашихъ божественныхъ правителей, но, напротивъ, дѣлаютъ еще набѣги на нашу страну, эту прекрасную равнину бамбука, уводять и пожираютъ людей, расхищаютъ добро. Нѣтъ на свѣтѣ ничего ненавистнѣе ихъ; и теперь пойду я на нихъ походомъ, сокрушу это отродье однимъ ударомъ и верну назадъ всѣ награбленные ими сокровища, которыхъ они накопили безчисленное множество. Пожалуйста, разрѣши мнѣ это. Убѣдительно прошу тебя — горячо говорилъ Момотаро, открывая старику всѣ свои заветные планы. Слушая его, старикъ и удивлялся разомъ его смѣлымъ не по годамъ рѣчамъ, и въ то же время у него явилась надежда, что Момотаро такой богатырь по виду, да еще къ тому же посланецъ неба во всякомъ случаѣ останется невредимъ. Хлопнувъ себя по колѣнямъ, онъ сказалъ:

— Удивительно! Какъ же могу удержать я тебя, когда ты говоришь такое. Я отпущу тебя, какъ ты просишь, но ты поскорѣ доберись до этого острова чертей, уничтожь ихъ, прекрати несчастіе и успокой нашу страну.

Момотаро былъ очень радъ, что старикъ такъ легко согласился и сталъ благодарить его. Отъ радости мужество его увеличилось въ десять разъ и, не откладывая въ долгій ящикъ, онъ съ этого же дня принялся за приготовленія къ походу.

Старикъ принялъ на себя хлопоты по снабженію его продовольствіемъ на дорогу. Онъ принесъ давно уже припасенное имъ просо, поставилъ на полу въ кухнѣ большую ступку, и оба они вмѣстѣ со старухой, постукивая пестами, начали толочь просо, чтобы сдѣлать изъ него колобки.

Но вотъ уже и колобки поспѣли; Момотаро наладилъ свое дорожное платье. Вотъ онъ сейчасъ отправляется въ походъ. Тяжелое дѣло разлука! Слезы стали туманить глаза у стариковъ.

— Смотри же, будь остороженъ, — говорилъ одинъ.

— Благополучно возвращайся. Уже какъ мы и ждали тебя будемъ, — добавляла другая. А голоса у обоихъ такъ и дрожали. Момотаро тоже былъ потрясенъ.

— Ну я иду. Счастливо оставаться. Прощайте, прощайте, — а дальше и не могъ уже сказать ничего и, оборвавъ свою рѣчь,

*) Объясненія напечатаны въ концѣ книги.

пошелъ изъ дому. Долго еще вслѣдъ ему смотрѣли старикъ и старуха; долго еще оглядывался Момотаро...

Распростившись со стариками, Момотаро быстро шелъ впередъ и впередъ по дорогѣ. Но вотъ солнце стало на полдень, и Момотаро почувствовалъ голодъ. Присѣвъ на корняхъ дерева подлѣ дороги, онъ вынулъ изъ своего запаса просяной колобокъ и началъ его жевать. Вдругъ изъ разстилавшей передъ нимъ покрытой травой равнины показался огромный пестрый песь величиною съ добраго теленка. Приблизившись къ Момотаро, онъ уставился на него и оскаливъ клыки началъ грозить:

— Гамъ, гамъ! Что за непрошенный гость? Какъ смѣешь ты ходить здѣсь по моимъ владѣніямъ, князя Буци ²⁾. Отдай сейчасъ же мнѣ всю эту снѣдь, которую ты ѣшь, и самъ убирайся. А не послушаешь, такъ я тутъ же изгрызу тебя всего. Гамъ, гамъ! гамъ, — гамъ!

Момотаро засмѣялся:

— Что ты городишь такое, захудалая собаченка! Я, вѣдь, иду войною на Чертовъ островъ для блага нашей страны. Я—Момотаро. Если ты станешь препятствовать мнѣ, то не жди пощадъ. Я самъ разрублю тебя на двое съ головы. — Тутъ песь словно опомнился. Поджавъ вдругъ свой хвостъ, слѣлавшись совсѣмъ маленькимъ, онъ припалъ къ землѣ и сказалъ почитительно:

— Я слышалъ раньше, что есть такой Момотаро, и теперь по незнанію только позволилъ себѣ говорить грубо съ тобою. Прости пожалуйста! И склонивъ свою голову къ землѣ еще ниже, онъ продолжалъ: — Такъ ты идешь походомъ на Чертовъ островъ? Прикажи мнѣ слѣдовать за тобою подъ твоимъ начальствомъ. Это будетъ для меня величайшимъ счастьемъ.

— Что-жъ! Если ты такъ желаешь, то я согласенъ взять тебя съ собою.

— Какъ ты обрадовалъ меня тѣмъ, что сразу согласился. Ну а затѣмъ... Я тоже сильно проголодался. Удѣли мнѣ, пожалуйста, одну штучку изъ тѣхъ, что ты кушаешь.

— Это лучший во всей Японіи колобокъ; цѣлаго я не могу дать тебѣ, а половину дамъ.

— Благодарю. — Тутъ Буци получилъ половину колобка и сталъ вассаломъ Момотаро. Послѣ этого они быстро зашагали по дорогѣ.

Шли они горами, шли они долами и все подвигались да подвигались впередъ. Но вотъ, однажды, когда они шли, съ дерева стоявшаго имъ на пути, соскочило вдругъ съ шумомъ какое то животное и пало ницъ передъ Момотаро.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, Момотаро! Ты идешь походомъ; пожалуйста, возьми меня съ собою — заговорило оно, но Буци не дослушавъ до конца, злобно вытарашилъ глаза и залаялъ:

— Вассаломъ у Момотаро я—Буци. Развѣ ты, горная обезьяна, годна на что нибудь въ бою?! Убирайся сейчасъ же отсюда,

чтобы и слѣда твоего не было! Гамъ, гамъ! Гамъ, гамъ! — и онъ хотѣлъ вцѣпиться въ обезьяну зубами.

Обезьяна, у которой, испоконъ вѣковъ идетъ вражда съ собакой, тоже не стала молчать.

— Что ты зазнаешься такъ! — крикнула она, готовая схватиться за рукоятку меча... Но меча у нея нѣтъ, и вмѣсто этого, она оскалила зубы и изогнула когти. Немного еще, и тутъ же началась бы схватка; но вмѣшался Момотаро и развелъ ихъ.

— Эй ты! Погоди; куда лѣзешь? А ты, Буци, тоже успокойся.

— Напрасно это, — сказалъ Буци. Это горная обезьяна только опаскудитъ твою свѣтлость.

— Ладно; это тебя не касается, — сказалъ Момотаро, удерживая Буци въ сторонѣ; затѣмъ обратился къ обезьянѣ:

— Ну говори, что ты такое?

— Обезьяна почтительно сложила обѣ лапы и сказала:

— Я живу въ этихъ городахъ и называюсь Масира³⁾. До меня дошли слухи, что Момотаро идетъ войною на Чертовъ островъ, и я непременно желаю отправиться вмѣстѣ. Извини, что я явилась безъ приглашенія, но, пожалуйста, исполни мою просьбу: повели мнѣ съ сегодняшняго дня быть твоимъ вассаломъ; ты ошачливишь меня этимъ.

— Такъ ты говоришь, значить, что желаешь принять участіе въ моемъ походѣ на Чертовъ островъ?

— Да, если будетъ твоя милость.

— Ну, я удивляюсь тебѣ. Намѣреніе твое похвально. Вотъ тебѣ половина лучшаго въ Японіи колобка. Я принимаю тебя въ свои ряды. — Съ этими словами Момотаро далъ Масира оставшуюся отъ Буци половину колобка и сдѣлалъ ее своимъ вассаломъ.

Такъ какъ Буци и Масира относились другъ къ другу далеко недружелюбно, и случалось, что они затѣвали иногда драку, чѣмъ доставляли Момотаро не мало хлопотъ, то въ концѣ концовъ пришлось отдѣлить ихъ другъ отъ друга, чтобы они не могли ссориться. Момотаро поручилъ Буци нести знамя и выслалъ его впередъ авангардомъ, а Масира онъ сдѣлалъ своимъ оруженосцемъ и заставилъ итти за собою. Самъ же онъ шелъ посреди нихъ, обмахиваясь восточнымъ вѣеромъ въ металлической оправѣ. Такъ благополучно продолжали они свой путь безъ всякихъ происшествій.

Но вотъ, однажды, когда они вступили въ травяную равнину, неожиданно выскочила изъ подъ ногъ у нихъ какая-то птица. На ней была красивая одежда изъ перьевъ, пяти разныхъ цвѣтовъ, а на головѣ ярко-красный хохолокъ.

Лишь только увидѣлъ ее Буци, какъ кинулся немедленно впередъ, бормоча что-то про себя и уже хотѣлъ было совѣмъ сразу схватить ее, но птица оказалась не изъ трусливыхъ; она быстро изготовилась къ бою; сжавъ и выставивъ свой клювъ, расправивъ когти, она высматривала только удобное мѣстечко, чтобы клонуть Буци на смерть.

Момотаро видѣлъ все это, и птица показалась ему очень занятой. Онъ подумалъ, что она могла бы сослужить ему какую нибудь службу, если сдѣлать ее своимъ соратникомъ. Быстро подбѣжалъ онъ къ нимъ и, удерживая буйнаго Буци, обратился къ птицѣ нарочно грознымъ голосомъ:

— Что ты такое, что рѣшаешься чинить препятствіе моему походу? Если ты сейчасъ же подчинишься мнѣ, то я сдѣлаю тебя своимъ вассаломъ, но если ты вздумаешь еще препятствовать мнѣ, то я напущу на тебя вотъ этого Буци, и онъ раздробитъ твою башку въ куски, — грозно сказалъ Момотаро. Услыхавъ это, птица перепугалась и тутъ же пала ницъ.

— О, я давно уже слышалъ, что есть Момотаро. Я, ничтожный фазанъ, называюсь Кигису⁴⁾, живу я въ концѣ этого поля. Я не зналъ, что здѣсь изволитъ проходить такой великій воинъ и безразсудно затѣялъ ссору съ благороднымъ господиномъ псомъ, обезпокоивъ всю твою свиту. Но ты великодушный и благородный Момотаро не только не наказалъ меня за эту грубую выходку, а, напротивъ, говоришь еще, что простишь мнѣ мою вину, если я подчинюсь тебѣ. Какъ уже я могу противиться тебѣ?! Какъ ты изволитъ приказывать, я совершенно подчиняюсь тебѣ. Повели, пожалуйста, мнѣ, ничтожному, быть твоимъ соратникомъ наравнѣ съ господиномъ псомъ и этой госпожей обезьяной.

— Почтительно и убѣдительно прошу тебя, — смиренно говорилъ фазанъ.

Момотаро улыбнулся въ сторону. — Что скоро принесть повинную, за это хвалю. Мало того, беру тебя съ собою въ походъ на Чертовъ островъ наравнѣ съ псомъ и обезьяной; смотри же, служи вѣрой и правдой.

— Слушаю, — отвѣчалъ фазанъ.

Тутъ выступилъ опять Буи.

— Такъ, значить, эта тварь будетъ твоимъ соратникомъ?

— Ты что это? Опять за свое. Я беру себѣ въ товарищи кого хочу. Не твоего ума это дѣло.

— Слушаю.

— Знайте, вообще, что первое правило на войнѣ — это согласіе между соратниками. Небомъ посылаемыя явленія: тепло, холодъ, дождь, снѣгъ не такъ важны, какъ тѣ преимущества, которыя даетъ земля (складки мѣстности, закрытія высоты и т. п.), но, въ свою очередь, и выгоды земли не такъ важны, какъ согласіе между воинами. Въ воинскихъ правилахъ говорится, что если между воинами царить разногласіе, то трудно побѣдить врага, какъ бы онъ ни былъ слабъ. Такъ вотъ, съ нынѣшняго дня вы всѣ трое будьте, какъ одинъ, и заботьтесь о томъ, чтобы между вами были миръ и согласіе. Если же, паче чаянія, между вами начнутся ссоры и пререканія, то я тутъ же немедленно прогоню виновнаго.

Съ почтеніемъ и страхомъ выслушали всѣ трое это строгое воинское приказаніе и, пообѣщавъ, что отнынѣ они будутъ относиться другъ къ другу съ уваженіемъ, что между ними не будетъ ни ссоръ, ни споровъ, они крѣпко поклялись въ этомъ.

Послѣ этого Кигису вступилъ въ ряды воиновъ. Онъ былъ очень доволенъ, когда получилъ половину колобка и съ радостью въ душѣ слѣдовалъ въ аріергардъ отряда. Великое дѣло авторитетъ полководца. Животныя послѣ этого стали очень дружны между собою и въ точности выполняли всѣ приказанія Момотаро. Все войско поспѣшно двигалось впередъ.

Чѣмъ больше шѣлиши они, тѣмъ дальше и дальше подвигались, и вотъ дошли уже до самаго моря. Куда ни глянь, всюду одно только безпредѣльное, пустынное, унылое море; нѣтъ даже маленькаго островка, чтобы было на чемъ остановиться глазу. Съ буйнымъ рокомъ набѣгаютъ на берегъ грозныя волны и, ударившись объ него, съ яростью отскакиваютъ назадъ, и кажется, что какое-то чудовище, живущее на днѣ моря подымаетъ и волнуется всю эту силу воды.

Буи, Масаира, Кигису, всѣ трое, привыкли жить на сушѣ, и, какъ ни круты и опасны были горы, какъ ни глубоки и обрывисты были долины, они ницуть не боялись, но, когда они по-

дошли къ этому громадному, буйному морю, которое видѣли первый разъ въ жизни, они почувствовали страхъ. Остановившись у самой границы прибоя, они не говорили ни слова и только молча поглядывали другъ на друга.

Замѣтивъ это, Момотаро нарочно заговорилъ суровымъ голосомъ:

— Что смутились, воины? Моря развѣ испугались? Ну если такъ, то вы жалкія, слабыя насѣкомыя. Если у васъ нѣтъ мужества, то нечего и думать добраться до Чертова острова, затеряннаго въ далекомъ морѣ. Лучше отправиться мнѣ одному, чѣмъ вести съ собою такихъ бесполезныхъ товарищей. Я васъ отпускаю. Ступайте назадъ, скорѣе, скорѣе!

Такія рѣчи поразили вассаловъ, и они стали цѣпляться за Момотаро.

— Это ужасно съ твоей стороны, Момотаро!

— До сихъ поръ вмѣстѣ съ тобою переносили всѣ невзгоды...

— Прогнать насъ теперь... У тебя нисколько нѣтъ жалости...

— Что намъ бурное море! Что намъ скалы, скрытыя въ глубинѣ его!

— Никогда и ничего не испугаемся мы!

— Съ тобою до конца...

— Убѣдительно просимъ! — упрашивали они всѣ трое Момотаро въ одинъ голосъ. Откуда и мужество взялось. Момотаро замѣтилъ это.

— Ну, хорошо, я беру васъ съ собою. Смотрите только, не зѣвать мнѣ! И, ободряя своихъ соратниковъ, онъ скорехонько снарядилъ лодку и пустился въ путь по соленымъ волнамъ глубокаго моря.

Какъ разъ задулъ попутный западный вѣтеръ. Парусъ натянулся, какъ кожа на барабанѣ, и ладья, гнѣня морскія волны, полетѣла на востокъ съ быстрою стрѣлою. Берегъ, на которомъ они только что были, сталъ заволакиваться туманомъ, и скоро его стало совсѣмъ не видно.

Сначала трое животныхъ, соратники Момотаро, потрухивали, но вскорѣ они привыкли и перестали бояться. Каждый день выходили они на носъ лодки и только и были заняты тѣмъ, что высматривали, не видно ли уже Чертова острова. Наконецъ, чтобы избавиться отъ скуки, они стали рассказывать, чѣмъ каждый

могъ похвалиться, и изъ всѣхъ силъ старались блеснуть каждый своими талантами. Песъ становился на заднія лапы; обезьяна показывала свое искусство передразниваться: фазанъ тоже не хотѣлъ уступить и громко распѣвалъ свою веселую пѣсню: «Кенъ — кенъ, хоро, хоро». Все это веселило даже и Момотаро, и онъ часто забывалъ скуку дальняго пути. Когда дулъ попутный вѣтеръ, они ставили парусъ, и ладья ихъ летѣла еще съ большою быстротой. И вотъ, какъ-то сразу, вдругъ показался впереди Чертовъ островъ. Съ моря видна была гладкая, словно рѣзцомъ, отесанная скала, а на ней сплошная, кругомъ идущая желѣзная ограда съ желѣзными воротами. Внутри ограды разбросаны были громадные многостаянные зданія, крытыя желѣзною черепицей; между ними развѣвалось безчисленное множество знаменъ. Крѣпость эта была силы необычайной.

Ставъ на носу и поставивъ шитомъ надъ глазами руку, всматривался Момотаро въ крѣпость. Вдругъ, вспомнивъ что-то, онъ по-манилъ къ себѣ Кигису, почтительно ожидавшаго сзади.

— Твои крылья какъ разъ пригодились кстати. Лети сейчасъ отсюда вонъ туда и сдѣлай такъ, и такъ, и такъ... Момотаро далъ ему подробное наставленіе.

— Слушаю, понялъ, — отвѣчалъ фазанъ и тутъ же, не снаряжаясь долго, смѣло полетѣлъ, куда было приказано.

Быстролетѣлъ впередъ Кигису, получивъ приказаніе полководца, и, опустившись вдругъ на крышу замка какъ разъ посреди Чертова острова, онъ захопалъ крыльями и громкимъ голосомъ закричалъ:

— Эй вы, черти, живущіе на этомъ островѣ, выслушайте хорошенько, что я вамъ скажу! Сейчасъ изволилъ прибыть сюда, чтобы покорить и наказать васъ, славный военачальникъ великой Японіи, Момотаро, ниспосланный небесными богами. Если вы дорожите своею жизнью, то поскорѣ сломайте свои рога, выдайте сокровища и изъясните покорность; если же вы вздумаете сопротивляться, то сначала я, а затѣмъ Буи и Масира, славные воины, примутъ васъ на свои клыки, которыми они умѣютъ такъ славно владѣть, и мы растерзаемъ васъ на куски!

Слыша эти рѣчи, негодные черти этого острова начали громко смѣяться.

— Ловокъ же ты, однако, степной фазанишка! Ну не смѣшно ли слышать, что ты толкуешь о наказаніи. А ну-ка понюхай, чѣмъ пахнетъ эта желѣзная палица, и въ тоже мгновеніе одинъ изъ чертей кинулся неожиданно къ Кигису и ахнулъ желѣзной палицей съ такой силой, что могъ бы обратить его въ пыль. Но не робокъ былъ Кигису.

— Ахъ ты хвастунъ! — воскликнулъ онъ, быстро увернувшись отъ удара; сжавъ свой клювъ, клюнулъ онъ черта въ самое темя и уложилъ его на мѣстѣ однимъ ударомъ. Тогда на него кинулся съ палицей красный чертъ. Кигису клюнулъ его и проломилъ ему грудь. Затѣмъ, однихъ изъ на-

падавшихъ началъ онъ бить своими когтистыми лапами, а другихъ пронзаетъ кловомъ. Такимъ образомъ, началъ онъ бой съ большимъ успѣхомъ.

Тѣмъ временемъ Буци и Масира быстро высадились на сушу и, разбивъ желѣзные ворота главнаго портала, съ крикомъ ворвались въ крѣпость.

Сначала черти думали, что у нихъ одинъ только непріятель Кигису, но когда Буци и Масира, еще двое воиновъ, стремительно ворвались, какъ львы въ крѣпость, то они поняли, что дѣло приняло очень серьезный оборотъ, несмотря на то, что они черти. Сейчасъ же были отданы разныя приказанія, и черти, красные, зеленые и черные, раздѣлившись на три отряда, стали обороняться до послѣдней крайности. Ихъ страшный воинскій кличъ потрясалъ берегъ и смѣшивался съ шумомъ ревущаго моря. Казалось, что разомъ рушатся и небо, и земля, и было такъ жутко, такъ страшно, что ни въ сказкѣ разсказать, ни перомъ описать.

Но обороняющіеся были застигнуты врасплохъ, а нападающими заранѣе были приняты всѣ мѣры; и чѣмъ больше прибавлялось силы у нападающихъ, тѣмъ болѣе слабели обороняющіеся. Наконецъ, черти не въ силахъ были сопротивляться и обратились въ бѣгство. Одни изъ нихъ падали въ море и тонули въ немъ, другіе разбивались, падая на скалы, а тѣ, которые избѣжали этого, попадали подъ удары Буци, Масира и Кигису. Не счесть даже сколько было ихъ перебито.

Въ концѣ концовъ на Чертовомъ островѣ остался въ живыхъ только одинъ начальникъ,

Большой чертъ. Видя что сопротивляться невозможно, Большой чертъ бросилъ свою палицу, самъ сломалъ свои рога и, представъ вмѣстѣ съ сокровищами предъ Момотаро, распластался передъ нимъ на землѣ, какъ паукъ.

— Страшна твоя сила и мощь Момотаро! Можно ли противиться ей? Съ нынѣшняго дня я исправлюсь и буду совершенно покоренъ, пощади только мнѣ жизнь, — униженно молилъ онъ, обливаясь потоками слезъ.

Момотаро презрительно разсмѣялся.

— Ты молишь пощадить жизнь. Не къ рылу тебѣ такая слабость и малодушіе. Но на тебѣ лежитъ большая вина. Много вреда наносилъ ты людямъ въ теченіе долгихъ лѣтъ. Какъ же можно оставить тебя въ живыхъ?! Отсюда я поведу тебя въ Японію; тамъ, какъ полагается по закону, отрубятъ тебѣ голову и выставятъ ее на показъ, какъ черепицу на крышѣ. Знай, тебѣ не избѣжать этого. — Затѣмъ онъ тутъ же приказалъ связать его веревками и сдать его подъ караулъ Масира. Потомъ онъ приказалъ Буци и Кигису сложить въ большой ящикъ и снести въ лодку добычу — сокровища: плащъ невидимку, шапку невидимку, волшебную колотушку бога счастья, Дайкаку, отъ каждаго удара которой получается золотая монета, драгоценные кораллы и жемчугъ, а затѣмъ, сѣвъ опять въ лодку, они поплыли обратно, и Момотаро благополучно вернулся изъ похода. Сильно обрадовались старикъ и старуха, поджидавшіе его съ нетерпѣніемъ; даже словъ не хватаетъ, чтобы описать ихъ радость... И зажили теперь они счастливо и богато.

Таманои.

Въ глубокой древности, послѣ того, какъ зачались небо и земля нашей Японіи, когда прошло уже семь поколѣній небесныхъ боговъ, а земныхъ боговъ три поколѣнія, въ четвертомъ ихъ поколѣніи былъ земной богъ, божественный царь земли, котораго чтили подъ именемъ Хико-Хоходэми-но-Микото *). Отъ рожденія дано было ему въ удѣлъ воинское мужество, которымъ превосходилъ онъ всѣхъ людей. Никто не могъ соперничать съ нимъ въ дикой охотѣ, которой забавлялся онъ въ горахъ и степяхъ, вслѣдствіе чего и дано было ему прозвище Ямасаци-хико **). Его старшій братъ, Хико-Хеносусори-но-Микото †), въ свою очередь былъ необычайно искусенъ въ ловлѣ рыбъ, такъ что не было ему соперника въ этомъ дѣлѣ. Онъ получилъ прозвище Умисаки-Хико **).

Такъ жили братья, развлекаясь изо дня въ день: Хико-Хоходэми, гоняся за животными по степямъ и горамъ, а старшій братъ, ловя рыбу въ моряхъ и рѣкахъ.

Однажды Хико-Хоходэми обратился къ старшему брату:

— Слушай, уважаемый старшій братъ! Подѣлили мы съ тобою горы и моря; ты ловишь рыбу своею удочкою, а я съ лукомъ и стрѣлами охочусь на животныхъ; но мало удовольствія для насъ обоимъ дѣлать одно и тоже изо дня въ день, изо дня въ день. Давай-ка помѣняемся на сегодняшний день охотами. Отправляйся ты въ горы за оленями, а я удочкой буду ловить рыбу. Такимъ образомъ мы внесемъ въ свои занятія разнообразіе; это будетъ очень интересно...

Старшій братъ хлопнулъ себя по колѣну.

— А и взаправду хорошо придумалъ ты это. Давай сейчасъ же помѣняемся. Попробую-ка я поохотиться въ горахъ. Тутъ братья потолковали между собою; старшій взялъ лукъ и стрѣлы младшаго, а Хико-Хоходэми удочку старшаго брата, которую тотъ берегъ пуще глаза. Затѣмъ они оба разстались, отправившись каждый на непривычное дѣло: одинъ въ горы, другой къ морю.

Получивъ удочку старшаго брата, Хико-Хоходэми устроился на верху одной изъ прибрежныхъ скалъ и, нажививъ непривычною рукою крючекъ, закинулъ его въ глубину моря, ожидая что вотъ сейчасъ поймается рыба. Во всѣ глаза смотрѣлъ онъ на поплавокъ, но поплавокъ не шевелился; тогда онъ быстро подтянулъ удочку кверху и посмотрѣлъ. Ничего нѣтъ. Дѣло непривычное, ничего не скажешь! Тотъ самый Хико-Хоходэми, который, со своими лукомъ и стрѣлами безъ промаха можетъ свалить даже воробья вылетѣвшаго больша, чѣмъ на сто шаговъ отъ него, теперь, взявъ впервые удочку въ руки, не можетъ поймать хотя бы мелкой, снующей около него рыбки. Солнце склонилось уже къ закату, наступилъ вечеръ, а у него нѣтъ и одной штучки добычи. Мало того, удочный крючекъ, который одолжилъ ему братъ, исчезъ безслѣдно.

— Что за несчастье! Я потерялъ крючекъ, которымъ такъ дорожилъ братъ. Какъ же онъ разгнѣвается! — Въ страшномъ беспокойствѣ началъ онъ искать крючекъ повсюду. Но вотъ, покончивъ охоту и не добывъ ничего, такъ какъ взялся не за свое дѣло, возвращается домой старшій братъ въ самомъ скверномъ настроеніи духа. Непонятнымъ показалось ему, чѣмъ такимъ занять братъ. — Что ты дѣлаешь такое, младшій братъ? — спросилъ онъ.

Со страхомъ предсталъ предъ лицо его Хико-Хоходэми.

— Видишь ли, господинъ старшій братъ, непростительное дѣло, правду говоря, сдѣлалъ я.

— Какое непростительное дѣло?

— Я потерялъ гдѣ-то твой крючекъ, который ты такъ бережешь. — Не успѣлъ онъ еще договорить, какъ гнѣвомъ сверкнули очи старшаго брата.

— Что? Затерялся крючекъ? Это возмутительно! Вѣдь я же говорилъ, что не надо браться за дѣло, котораго не знаешь, но

ты настойчиво упрасивалъ, и, когда я, видя что ничего не подѣлаешь, согласился помѣняться занятіями, ты въ концѣ концовъ устроилъ такую штуку. Пока не будетъ мнѣ крючка, я не отдамъ тебѣ ни лука, ни стрѣлы. Найди его и отдай мнѣ. Маршъ скорѣе! — Онъ былъ внѣ себя отъ гнѣва.

Хико-Хоходэми напередъ зналъ, что братъ разсердится, и сколько теперь ни упрекалъ его старшій братъ, сколько ни ругалъ, онъ терпѣливо выносилъ, считая, что виноватъ самъ. Опять отправился онъ на поиски, но крючка нѣтъ какъ нѣтъ.

— Одно остается мнѣ, — подумалъ онъ, и въребезги разбилъ свой заветный каленый мечъ. Сдѣлалъ онъ изъ него пятьсотъ крючковъ и, преподнесъ ихъ брату, сталъ просить прощенія. Но и слушать не хотѣлъ его старшій братъ. Еще сдѣлалъ онъ пятьсотъ крючковъ и, сложивъ въ большую корзину, предсталъ съ ними предъ лицо брата, опять прося прощенія. Отрицательно покачалъ головою старшій братъ.

— Хотя бы десятки тысячъ миллионъ крючковъ понадѣлалъ ты, не нужны они мнѣ. И не прошу я тебя до той поры, пока не принесешь ты мнѣ того, стараго крючка. Доставъ его во чтобы то ни стало, — говорилъ онъ съ гнѣвомъ, который нисколько не улегся въ немъ.

Такъ говорилъ онъ, но злой умыселъ былъ въ душѣ его. Давно уже завидовалъ онъ Хико-Хоходэми и ждалъ только случая, чтобы уничтожить его, разсчитывая самъ занять его положеніе. Коварство и честолюбіе питалъ онъ въ себѣ. Хико-Хоходэми давно зналъ это, но не шелъ противъ него, какъ своего старшаго брата. Нечего дѣлать. Съ виноватымъ видомъ пошелъ онъ опять на тотъ же морской берегъ и началъ искать крючекъ. Первый разъ искалъ онъ его и не могъ найти, а теперь прошло уже время, слѣдъ его затерялся еще больше, и найти теперь нечего и думать.

Въ раздумьи стоялъ Хико-Хоходэми тутъ на берегу моря, скрестивъ руки. Вдругъ откуда не возьмись показался старикъ, который шелъ сюда, опираясь на трость.

— Что изволишь дѣлать ты, одинъ въ такомъ мѣстѣ, высокочтимый Хоходэми-но-Микото? — спросилъ онъ, какъ будто не зная въ чемъ дѣло.

— Видишь ли, я ишу здѣсь крючекъ и не могу его найти. Просто не знаю, что мнѣ и дѣлать. Но кто такой ты? — спросилъ Хико-Хоходэми, разсказавъ съ печалью всю свою исторію.

— Я называюсь Сюдзүци-но-Окина^{*)}, а живу я въ этихъ мѣстахъ.

Печальную исторію разсказалъ ты мнѣ и, конечно, ты долженъ чувствовать себя въ затруднительномъ положеніи. Однако, я думаю, что крючекъ этотъ, если не на днѣ моря, то навѣрное въ желудкѣ у какой нибудь рыбы, и сколько бы ты ни искалъ, не найти тебѣ его, видно, въ этихъ мѣстахъ.

— Что же дѣлать въ такомъ случаѣ?

— Одно только остается. Это отправиться во дворецъ Дракона и, разсказавъ всю исторію Дракону, богу морей, повелителю этого океана, просить, чтобы онъ изволилъ приказать произвести розыски. Это наилучшее, что можно придумать.

— Конечно, это хороший планъ, но если говорить о дворцѣ Дракона, то, вѣдь, онъ находится, какъ я слышалъ, далеко на краю океана.

Нелегко, охъ какъ нелегко добраться до него.

— Если только дѣло стало за этимъ, то не изволь

безпокоиться. Съ твоего позволенія, я сдѣлаю одну хорошую вещьку и почтительно преподнесу ее тебѣ.

— Неловко мнѣ затруднять тебя, но, пожалуйста, очень прошу.

— Ладно, — отвѣтилъ старикъ, и тотчасъ же, принявшись за работу, сдѣлалъ менасикаго, т. е. безглазую корзину, называемую такъ потому, что въ ней нѣтъ ни одной дырочки. Онъ сдѣлалъ ее въ формѣ маленькаго ялика и преподнесъ Хико-Хоходеми, который чрезвычайно былъ обрадованъ этимъ.

— Ну теперь я скоро добуду этотъ крючекъ, а тебя я не премѣнно награжу какъ только вернусь благополучно обратно. Вслѣдъ за тѣмъ Хико-Хоходеми, какъ былъ, вошелъ въ менасикаго.

Описавъ мѣстоположеніе дворца Дракона, старецъ далъ ему подробное указаніе относительно дороги и вдругъ скрылся изъ глазъ, какъ будто его совсѣмъ и не было.

Стоя въ менасикаго, преподнесенной ему Сюдзүци-но-окина, быстро поплылъ Хико-Хоходеми черезъ непредѣльный океанъ ко дворцу Дракона. Скоро, какъ и не ожидалъ, совершилъ онъ свой путь, и вотъ неожиданно вдругъ показался передъ глазами его дворецъ Дракона. По виду онъ нисколько не отличался отъ того, что слышалъ о немъ Хико-Хоходеми. Съ передняго фасада видны были главные ворота, крытыя хрустальной черепицей; передъ воротами стояло громадное дерево, кацура ¹⁰⁾, а подъ его развѣтвленіемъ находился прозрачнѣйшій колодезь, который носитъ названіе Таманои ¹¹⁾.

Увидѣвъ это, Хико-Хоходеми сейчасъ же вспомнилъ всѣ указанія, и наставленія, полученныя имъ отъ Сюдзүци-но-окина, но къ несчастію ворота дворца оказались запертыми, и кругомъ не видно было ни души. Хико-Хоходеми былъ въ нерѣ-

шительности, что ему дѣлать; но вдругъ ему пришла въ голову мысль. Вскрабавшись осторожно на стоящую около колодца кацура, онъ усѣлся на развилинѣ, образованной стволомъ и вѣткой, и съ облегченіемъ перевелъ дыханіе.

Вдругъ съ визгомъ растворились ворота дворца, и оттуда показались двѣ писанныя красавицы. Онъ слышалъ, что дворецъ Дракона, это тотъ замокъ, въ которомъ обитаетъ Драконъ, и потому думалъ, что всѣ его обитатели, подданные Дракона, нѣчто въ родѣ зеленыхъ змѣевъ, но эти изящныя, медленно, съ достоин-

ствомъ выходящія изъ воротъ дѣвушки, оказываются такими красавицами, какихъ и на сушѣ не часто встрѣтишь... Хико-Хоходеми былъ пораженъ. Не говоря имъ ни слова, началъ онъ наблюдать съ высоты дерева, что онѣ будутъ дѣлать.

Дѣвушки не подозрѣвая ничего этого, подошли къ колодезю и заглянули въ него, собираясь почерпнуть воды золотымъ черпакомъ. Что за неожиданность! На

зеркальной поверхности воды отражалось красивое благородное лицо, какихъ не привыкли здѣсь видѣть.

Дѣвушки были поражены. Отступивъ назадъ, взглянули онѣ вверхъ, на стоящую тутъ кацура. На вѣтви сидѣлъ благородной осанки, словно съ неба спустившійся, мужчина. Молча, ни слова не говоря, поглядывали одна на другую пораженныя неожиданностью дѣвушки.

Сообразивъ, что онъ замѣченъ, Хико-Хоходеми спустился съ дерева и, обращаясь къ обѣимъ дѣвушкамъ, сказалъ:

— Я странникъ; давно уже хочется мнѣ пить; въ горлѣ совсѣмъ пересохло; за этимъ и пришелъ я сюда, но на мое не-

счастье нигдѣ не могъ найти черпака, и вотъ какъ разъ, на эту мою бѣду, пришли вы. Простите мою невѣжливость, но не откажите мнѣ въ глоткѣ воды, — такъ съ благородствомъ и достоинствомъ говорилъ Хико-Хоходэми.

На дѣвушкѣ подѣйствовала его величавость; онѣ, кажется, оробѣли. Не говоря ни слова въ отвѣтъ, почерпнули онѣ воды и, наполнивъ нефритовую чашку, поднесли ее Хико-Хоходэми, который взялъ ее и, не успѣвъ даже закончить своей благодарности, осушилъ ее однимъ духомъ.

Затѣмъ онъ отдѣлилъ одну изъ жемчужинъ отъ висѣвшаго у него на шеѣ драгоцѣннаго ожерелья и, не раздумывая, опустилъ ее въ чашку, которую возвратилъ дѣвушкамъ со словами: — «это въ знакъ моей благодарности».

Когда дѣвушки, получивъ обратно чашку, заглянули въ нее и увидѣли положенную туда красивую жемчужину изъ ожерелья, онѣ опять изумились и подумали про себя, что не изъ обыкновенныхъ, должно быть, онѣ людей, если съ такимъ легкимъ сердцемъ дарить дорогую жемчужину изъ драгоцѣннаго ожерелья.

— Если нѣтъ для тебя ничего тяжелаго въ этомъ, то удостой насъ знать твое имя, — самымъ вѣжливымъ образомъ сказали онѣ ему.

Хико-Хоходэми улыбнулся въ сторону и сказалъ:

— Теперь я скажу все безъ утайки. Я божественный властитель, Хико-Хоходэми, изъ четвертаго поколѣнія земныхъ боговъ.

— Такъ ты изволишь быть Хоходэми-но-Микото, божественный потомокъ небесныхъ боговъ?

А я Тоіотама-химе¹²⁾, дочь Дракона, бога морей.

— А мое имя Тамаіори-химе¹³⁾, я младшая сестра ей.

— Вотъ какъ! Вы обѣ дочери князя Дракона. Какое счастье, что я встрѣтился съ вами! Не скрою отъ васъ ничего.

Я обронилъ въ морѣ удочный крючекъ своего старшаго брата. Что я ни дѣлалъ, никакъ не могъ найти его и совсѣмъ потерялъ, было, голову. На мое счастье нашелся такой старикъ, Сюдзуи; онъ научилъ меня, какъ найти дорогу во дворецъ Дракона; и вотъ я нарочно прибылъ сюда, чтобы повидаться съ Дракономъ и просить его розыскать, гдѣ находится этотъ крючекъ. Если можно, проведите меня, пожа-

луйста, къ вашему отцу. — Онъ разсказалъ дѣло во всѣхъ его подробностяхъ.

Внимательно слушала его Тоіотама-химе, а потомъ сказала:

— Нѣтъ ничего легче этого. Ты, божественный потомокъ небесныхъ боговъ, соизволилъ снизойти сюда на дно моря — счастье, о которомъ мы не смѣемъ даже просить, и отецъ нашъ, внѣ сомнѣній, будетъ несказанно радъ. Не такъ ли Тамаіори-химе?

— Я могу только подтвердить слова принцессы, моей сестры. Это небывалое счастье для всѣхъ насъ, начиная съ отца и кончая нами.

— Въ такомъ случаѣ попрошу проводить меня.

— Соблаговоли слѣдовать съ нами.

И вотъ, точно въ театрѣ, ставъ впереди, обѣ сестры-принцессы повели Хико-Хоходэми во дворецъ.

Тамаіори-химе пошла впередъ и разсказала отцу, Дракону, все происшествіе. Драконъ былъ необычайно пораженъ.

— Какая честь! Самъ божественный потомокъ небесныхъ боговъ. Надо лучше принять его. — Онъ отдалъ приказанія своимъ придворнымъ, рыбабъ, всѣмъ выйти навстрѣчу въ сѣни, а самъ, надѣвъ парадное платье, оправивъ головной уборъ, тоже пошелъ вмѣстѣ съ женою и домочадцами встрѣтить Хико-Хоходэми; взявъ за божественную руку, онъ провелъ его на почетное мѣсто, а затѣмъ, слѣлавъ глубоко почтительный поклонъ, по этикету сказалъ:

— Впервые имѣю честь встрѣчаться съ тобою. Я владыка этого дворца Дракона, а это моя жена. Покорнѣйше прошу впередъ любить и жаловать.

Хико-Хоходэми вѣжливо отдалъ ему церемонный поклонъ и отвѣчалъ:

— Такъ ты могущественный Драконъ, о которомъ я слышалъ? Извини, что я такъ неожиданно, негаданно нагрянулъ сюда и причинилъ тебѣ этимъ хлопоты.

— Помилуй! Что ты говоришь! Грязна и убога моя хижина и стыжусь я предлагать тебѣ, но если непротивна она тебѣ, то почтительно прошу, располагайся здѣсь, живи, какъ у себя дома.

Такъ разсыпался въ любезностяхъ Драконъ, и отъ души были слова его. А въ тоже время, пока шли еще взаимныя привѣтствія, самая красивая и осланистая изъ его подвластныхъ,

разныхъ рыбъ, исполняя заранѣе полученное ими приказаніе одѣлись въ придворныя женскія платья и принесли на треножникѣ большой ковшъ и маленькія глиняныя чашечки для саке ¹⁴⁾. Затѣмъ наложили они на большой столикъ-блюдо отборныхъ, морскихъ и игорныхъ, хотѣлось бы сказать, но такъ какъ это былъ дворецъ Дракона, то, значитъ, морскихъ, только отборныхъ, яствъ, цѣлыя груды и поставили все это передъ Хико-Хоходэми. Затѣмъ Драконъ заставилъ обѣихъ своихъ дочерей играть на кото ¹⁵⁾ и танцовать.

Однимъ словомъ, пиръ пошелъ на славу.

Хико-Хоходэми былъ чрезвычайно доволенъ, и на душѣ у него стало легче, но вдругъ онъ вспомнилъ свое дѣло. Обратившись къ Дракону, онъ переѣмнилъ разговоръ и сказалъ:

— Вотъ что, хозяинъ! Отъ дочерей своихъ ты слышалъ уже, вѣроятно, что я спустился сюда теперь, чтобы отыскать удочный крючекъ моего старшаго брата.

Поэтому, какъ ни неловко мнѣ затруднять тебя, но соблаговоли сдѣлать разслѣдованіе между твоими подданными.

Почтительно сложивъ руки, отвѣчалъ ему Драконъ.

— О! Не изволь утруждать себя заботой объ этомъ дѣлѣ. Сейчасъ же отдамъ я приказанія и произведу разслѣдованіе. — Вслѣдъ за тѣмъ собралъ онъ своихъ подданныхъ и приступилъ къ слѣдствію по поводу крючка.

Собираются покорныя зову Дракона, повелителя своего, подвластныя ему рыбы. Явился Осьминогъ, важный титулованный буддйскій монахъ съ бритой головою, Каракатица, недавно удостоенная монашескаго сана, членъ государственнаго совѣта и верховный судья, Окунь, Бонитъ ¹⁶⁾, губернаторъ провинціи Тоса ¹⁷⁾, членъ верховнаго суда, Дзузубка ¹⁸⁾, Кои ¹⁹⁾, управляющій удѣлами, хранитель лѣвыхъ воротъ дворца, Угорь, Медуза, бонза, дворцовый конвоиръ, Морской ракъ, вплоть до низшаго служки, Камбалы; явились всѣ они въ разнообразныхъ одеждахъ и расположились рядами, оправляя свои плавники.

Драконъ обратился къ нимъ съ рѣчью:

— Я призвалъ васъ по слѣдующему дѣлу. Оказавшій намъ честь присутствовать здѣсь изволитъ быть божественный государь четвертаго поколѣнія земныхъ боговъ; Хико-Хоходэми-но-Микото величаться изволитъ онъ. Вчера, забавляясь рыбной ловлей на японскомъ берегу, Хико-Хоходэми опустилъ въ море удочный

крючекъ, и вотъ кто-то, неизвѣстно кто, укралъ этотъ крючекъ и удралъ, скрывшись безслѣдно.

Это непременно сдѣлалъ кто нибудь изъ васъ; поэтому и снизошелъ онъ нарочно за этимъ сюда. Такъ вотъ: если паче чаянія сдѣлалъ это кто нибудь изъ васъ, то почтительно представъ крючекъ сейчасъ же Хико-Хоходэми, а если кто нибудь, хотя и не кралъ крючка самъ, но знаетъ, куда скрылся воръ, то немедленно безъ утайки заяви объ этомъ здѣсь же. — Такъ строго на строго наказывалъ Драконъ.

При такой неожиданности всѣ стали поглядывать другъ на друга, но вотъ выдвинулся съ важностью впередъ судья, Окунь, и сказалъ:

— Почтительно и со страхомъ докладываю, что, по моему мнѣнію, воръ, укравшій этотъ крючекъ, вѣроятно не кто иной, какъ главный дворцовый ключникъ, Тай ²⁰⁾.

— А доказательства?

— Вотъ они. Со вчерашняго вечера у Тай ни съ того ни съ сего заболѣло горло, такъ что онъ не можетъ даже кушать. Если его освидѣтельствовать, то крючекъ окажется еще, вѣроятно, у него во рту, и я думаю, что надо произвести поскорѣе это разслѣдованіе, чтобы установить, правда это или нѣтъ, сказалъ онъ, а слѣдомъ за нимъ и всѣ:

— И въ самомъ дѣлѣ; вѣдь одинъ только Тай и не явился сегодня по зову. Подозрительно это что-то. Надо сейчасъ же призвать его сюда и произвести разслѣдованіе, чтобы снять подозрѣніе съ насъ. Убѣдительно просимъ объ этомъ, — говорили они всѣ разными ртами, но въ одинъ голосъ.

Услышавъ это, Драконъ сказалъ:

— Дѣйствительно ключникъ Тай всегда являлся по зову первымъ; сегодня только и не видно его; это подозрительно. Представитъ его сейчасъ же сюда!

Не успѣлъ онъ еще отдать своего приказанія, какъ Окунь, отвѣтивъ: «слушаю», — сломя голову кинулся прямо въ жилище Тай и явился вмѣстѣ съ нимъ опять предъ лицо Дракона.

Краснощеікій раньше Тай совсѣмъ сталъ непохожъ самъ на себя. Онъ весь позеленѣлъ и едва двигался.

Съ закрытыми наполовину огромными своими глазами почтительно остановился онъ передъ Дракономъ.

— Ну, ты, главный дворцовый ключникъ, Тай, по какой такой причинѣ не явился ты сегодня сюда по моему приказу?

— Смѣю доложить по той причинѣ, что со вчерашняго вечера я немного заболѣлъ...

— Молчать! Эта болѣзнь твоя, не что иное, какъ небесное наказаніе тебѣ за то, что ты укралъ крючекъ Хико-Хоходеми.

— Такъ точно; все такъ, какъ ты изволишь говорить. Крючекъ Хико-Хоходеми застрялъ у меня въ горлѣ; онъ не только не дастъ мнѣ кушать и дышать, но и причиняетъ еще невыразимая страданія, невыносимую боль. Но сдѣлавъ я этотъ проступокъ подъ вліяніемъ минуты, и не было у меня такого умысла, чтобы украсть крючекъ и убѣжать.

Боюсь говорить, но все же униженно прошу простить мою вину, — говоритъ Тай, горестно вздыхая.

Тогда выступилъ впередъ Окунь и сказалъ:

— Какъ я докладывалъ, такъ и оказалось. Крючекъ въ горлѣ у Тая, надо тутъ же немедленно достать его и представить Хико-Хоходеми.

— О! Я тоже такъ думаю. Ну-ка, Окунь, достань его.

— Слушаю, — отвѣтилъ Окунь. Подойдя къ Таю, онъ безъ труда досталъ крючекъ изъ широко раскрытаго рта и, тщательно обмывъ его, подалъ Дракону. Драконъ взялъ крючекъ и съ глубокой почительностью преподнесъ его Хико-Хоходеми.

Необычайно обрадованъ былъ Хико-Хоходеми, получивъ, наконецъ, крючекъ. Восхваляя могущество пре-

свѣтлаго Дракона, не переставалъ онъ благодарить его. Драконъ укорялъ Тая въ нечестности и пригрозилъ, что расправится еще съ нимъ за это преступленіе, но Хико-Хоходеми остановилъ его.

— Хотя крючекъ украденъ Таемъ, но онъ возвращенъ мнѣ; не слѣдуетъ наказывать особенно строго за это.

Тѣмъ болѣе надо сожалѣть его, что если принять во вниманіе его показанія, онъ совершилъ этотъ поступокъ не умышленно, а подъ вліяніемъ минуты, и самъ же причинилъ себѣ этимъ страданія. Это моя собственная ошибка, что я взялся за дѣло, къ которому не привыкъ; стыдно даже вспоминать объ этомъ; прости Таю вину его ради меня.

Драконъ былъ тронутъ такимъ заступничествомъ, полнымъ милосердія и состраданія.

Могу ли я противиться такимъ благороднымъ и великодушнымъ рѣчамъ, — сказалъ онъ и тутъ же далъ помилованіе Таю.

Радъ былъ и Тай, и, пошевеливая радостно плавниками, сталъ онъ восхвалять передъ рыбами доброту Хико-Хоходеми, а затѣмъ удалился отъ пресвѣтлаго лика Дракона.

Ну вотъ, самое важное, что было, крючекъ благополучно отысканъ, и во дворцѣ Дракона дѣлать Хико-Хоходеми больше уже нечего, но и самъ Драконъ и обѣ его божественныя дочери полюбили благороднаго и добродѣтельнаго Хико-Хоходеми и убѣдительно, чуть не удерживая за рукава, упрасивали его остаться еще и еще на одинъ день. Не изъ камня и не изъ дерева было сердце у Хико-Хоходеми; опутанный нѣжными путями теплаго участія продолжалъ онъ пребывать во дворцѣ Дракона.

Смѣняются солнце луною и луна солнцемъ, быстро несется впередъ неудержно текущее время. Ничего не измѣнилось на этомъ свѣтѣ, неизмѣннымъ оставалось все и во дворцѣ Дракона, но прошла весна, миновала осень... протекло уже три года.

Не малый срокъ три года, для короткой остановки на ночлегъ въ пути. Съ каждымъ днемъ все больше и больше овладѣвали сердцемъ Хико-Хоходэми думы о возвращеніи домой, а къ тому же еще онъ сталъ беспокоится о судьбѣ своего брата. И вотъ обратился онъ однажды къ Дракону съ такими словами, чтобы высказать ему свое рѣшеніе:

— Долго уже пользуюсь я твоимъ гостепріимствомъ, но подь управленіемъ у меня находится большая страна на сушѣ, и не гоже мнѣ навсегда оставаться здѣсь, на днѣ океана. Потому я опять какъ нибудь снизойду сюда, но теперь я хочу сейчасъ же вернуться на сушу, возвратитъ брату крючекъ и смирить этимъ его гнѣвъ. Невыразимо жаль мнѣ разставаться, но въ первый же счастливый день отнынѣ уйду я отсюда; прошу тебя, не думай дурно обо мнѣ.

Печалью омрачилось лицо Дракона, когда онъ услышалъ это и, отирая слезы, онъ сказалъ:

Сколько бы ты ни оставался здѣсь, всегда будешь ты для насъ дорогимъ, желаннымъ гостемъ, но ты, потомокъ небесныхъ боговъ, царствующій надъ великою сушей, и, конечно, не годится тебѣ оставаться здѣсь. Объ одномъ только и прошу тебя, пусть въ знакъ твоего пребыванія здѣсь будетъ еще большее, чѣмъ прежде, общеніе между моремъ и сушей.

Такъ отъ всего сердца, отъ всей души говорилъ Драконъ, а затѣмъ приказалъ обѣимъ дочерямъ своимъ, Тоіотама-химе и Тамаіори-химе, принести два круглые камня—талисманы.

— Эти вещи называются мандзю и кандзю; это сокровища Драконова дворца, завѣщанныя отъ предковъ. Прими ихъ, этотъ мой ничтожный прощальный даръ.

— Я не знаю, какъ и благодарить тебя. Но что это такое мандзю и кандзю?

— Слушай. Вотъ этотъ мандзю, это талисманъ, призывающій воды прилива. На какое бы сухое мѣсто ни попалъ ты, но подыми его разъ кверху, и сейчасъ же, какъ по зову, придутъ воды и зальютъ все. Таково чудодѣйственное свойство его. А вотъ этотъ, который называется кандзю, это талисманъ, осушающій воды прилива. Съ какой бы силой ни шло наводненіе, но подыми его разъ кверху, и воды тотчасъ же отхлынутъ. Таковъ этотъ чудесный удивительный талисманъ. Носи ихъ, Хико-Хоходэми, постоянно на себѣ, и тебѣ нечего будетъ бояться, въ какую бы бѣду ты ни попалъ; но мало того, они годны и для того чтобы прекращать бѣдствія, причиняемыя рисовымъ полямъ засухами и наводненіями.

Онъ еще разъ объяснилъ способъ пользованія этими талисманами. Хико-Хоходэми былъ очень обрадованъ, тотчасъ же положилъ онъ оба талисмана за пазуху и, не переставая прощаться, вышелъ изъ воротъ Драконова дворца. Усѣвшись на приготовленного для него заранѣе восьмисаженнаго крокодила, который служилъ лодкой для обитателей дворца, онъ быстро направился домой въ Японію.

Менасикаго для передняго пути, восьмисаженный крокодилъ для обратнаго, оба судна чудесны. Такія чудеса, такія средства передвиженія, быстротѣ которыхъ уступаютъ даже нынѣшнія парусники и пароходы, могли существовать только тогда, въ вѣкъ боговъ.

Вернувшись въ родную страну, Хико-Хоходэми сейчасъ же поспѣшилъ къ своему брату, и представивъ ему вытасканный изо рта Тая крючекъ, вѣжливо и, покорно сталъ просить извиненія и прошенія.

Но дѣло въ томъ, что коварный старшій братъ, упрекая тогда Хико-Хоходэми и въ утерѣ крючка, заставивъ его по этому поводу отправиться во Дворецъ дракона, самъ въ его отсутствіи захватилъ власть надъ страню. Но какъ разъ въ то время, когда онъ сталъ считать себя настоящимъ властелиномъ, когда восчувствовалъ въ себѣ уже гордыню власти, неожиданно возвращается вдругъ Хико-Хоходэми и отдаетъ ему крючекъ. Всѣ его старанія, всѣ его заботы разлетѣлись, какъ пузыри на водѣ и, потерпѣвъ неудачу въ своихъ планахъ, возненавидѣвъ въ глубинѣ души Хико-Хоходэми еще больше, замысливъ онъ въ концѣ концовъ злое дѣло. Подстергши Хико-Хоходэми, ушедшаго на охоту въ одинокую, онъ хотѣлъ убить его.

Хико-Хоходэми во время успѣлъ догадаться, и, рѣшивъ, что теперь какъ разъ пришло время испытать дѣйствіе талисмановъ, вынулъ изъ пазухи мандзю и поднялъ его въ уровень со своимъ лбомъ. Удивительное дѣло! Въ мгновеніе ока всѣ рисовыя поля кругомъ обратились въ безпредѣльный океанъ, и воды готовы были вотъ, вотъ поглотить старшаго брата.

На смерть перепугался старшій братъ и, отфыркиваясь отъ заливавшей его воды, началъ молить о спасеніи. Вынулъ тогда Хико-Хоходэми кандзю и поднялъ его вверхъ. Тотчасъ же отхлынули назадъ воды, какъ будто кто вытеръ ихъ до суха. По-прежнему опять стали рисовыя поля.

Чудомъ спасшійся отъ смерти, старшій братъ, проникся страхомъ передъ чудомъ, совершившимся на глазахъ у него.

— И тебя, Хико-Хоходэми, обладающаго такой мощью, хотѣлъ я погубить! Велика вина моя. Хотя ты и младшій братъ мой, не буду почитать я тебя, какъ властителя, царя Японіи, и никогда не пойду я противъ тебя. Мои прежніе грѣхи смыты и унесены этою водою. Будь милостивъ, даруй мнѣ прощеніе, молилъ онъ, сложивши руки.

И съ этого времени угасло зло и коварство въ душѣ его; онъ сталъ добродѣтельнымъ, хорошимъ.

И счастливо царствовалъ Хико-Хоходэми, и былъ на землѣ его миръ, и въ странѣ его благодать и покой.

Местъ Краба.

Въ незапамятныя времена жили были въ нѣкоторомъ мѣстѣ Обезьяна и Крабъ ²¹⁾. Однажды они отправились вмѣстѣ на прогулку, и вдругъ неподалеку отъ одной рѣки Обезьяна нашла сѣмячко плода каки ²²⁾, а Крабъ рисовый колобокъ.

— И что за прелесть мнѣ попалась! — началъ первымъ Крабъ.

— А у меня вотъ что! — сказала Обезьяна, показывая зернышко каки.

Обезьянѣ было очень завидно. Какъ ни любить она каки, но отъ зерна ей проку мало, колобкомъ же можно и сразу закусить. Ей во что бы то ни стало захотѣлось колобка и, замисливъ непремѣнно раздобыться имъ, она съ серьезнымъ видомъ обратилась къ Крабу:

— А что, господинъ Крабъ, не хочешь ли ты обмѣнять свой колобокъ на мое сѣмячко.

Крабъ отрицательно покачалъ головою и отрѣзалъ:

— Не имѣю ни малѣйшаго желанія. Какой мнѣ расчетъ мѣняться; у меня вотъ какой громадный колобокъ, а у тебя совсѣмъ маленькая штучка.

— Такъ то оно такъ, да не совсѣмъ такъ. Что и говорить, колобокъ, конечно, побольше зернышка, опять же его можно сейчасъ и скушать, но за то скушалъ его, тутъ и конецъ всему; больше ужъ тебѣ не будетъ никакого удовольствія. То ли дѣло вотъ это сѣмячко. Правда, кушать сейчасъ же его нельзя, но за то если посадить его въ землю, то скоро вырастетъ большое дерево, а на немъ будетъ сколько угодно превкуснѣйшихъ

каки. Мнѣ, правду говоря, жаль даже отдавать его тебѣ, но у меня ихъ много, и мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты самъ убѣдился, какъ много созрѣваетъ плодовъ. Поэтому только я и предложила тебѣ помѣняться. Не хочешь, такъ не стану особенно и упрямиться; унесу къ себѣ домой и посажу тамъ; но за то, когда поспѣютъ плоды, такъ ты не получишь ни одной штучки. — Обезьяна ничуть не сердилась, не выражала ни малѣйшаго недовольства и, зная себѣ, напѣвала да напѣвала Крабу, ловко опутывая его. Простоватый отъ природы Крабъ легко пошелъ на приманку.

— Ну, попробую посадить, коли такъ.

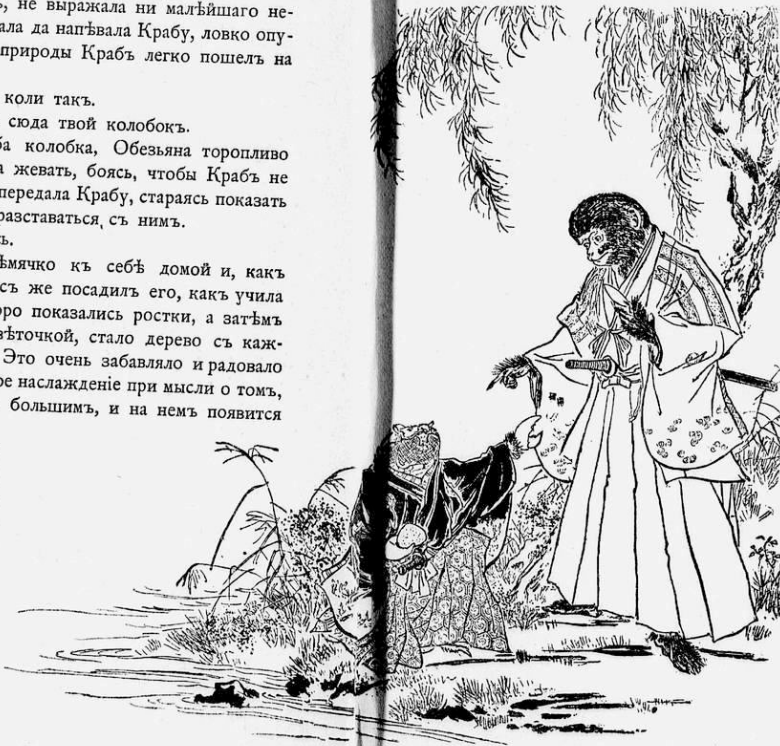
— Въ такомъ случаѣ давай сюда твой колобокъ.

Добившись таки отъ Краба колобка, Обезьяна торопливо запахала его въ ротъ и начала жевать, боясь, чтобы Крабъ не передумалъ. Свое сѣмячко она передала Крабу, стараясь показать при этомъ видъ, что ей жаль расставаться съ нимъ.

На томъ они и распрощались.

Ну вотъ, понесъ Крабъ сѣмячко къ себѣ домой и, какъ только добрался до дома, сейчасъ же посадилъ его, какъ учила Обезьяна, у себя въ саду. Скоро показались ростки, а затѣмъ листь за листь, вѣточка за вѣточкой, стало дерево съ каждымъ днемъ все расти да расти. Это очень забавляло и радовало Краба; онъ испытывалъ громадное наслажденіе при мысли о томъ, что скоро, вотъ, дерево станетъ большимъ, и на немъ появится много плодовъ.

Правду говорятъ, что для каштана и персика надо три, а для каки восемь лѣтъ. Какъ разъ на восьмой годъ осенью прежнее зернышко, величиною всего съ кончикъ мизинца, превратилось въ такое большое дерево, что на него надо было смотреть, задирая голову и, точъ въ точъ, какъ говорила Обезьяна, все оно было увѣшано, словно бубенчиками, красными, вкусными каки.

Крабъ былъ въ восхищеніи. Ему очень хотѣлось поскорѣе попробовать каки, но какъ ни старался онъ достать ихъ снизу, онъ никакъ не могъ захватить ихъ своими клешнями, такъ какъ былъ очень низокъ ростомъ. Залѣзъ на вѣтвь дерева тоже никакъ нельзя; онъ, вѣдь, можетъ двигаться только въ

одномъ направленіи только въ бокъ. Какъ тутъ быть?

— Нѣтъ, — подумалъ онъ, одному мнѣ тутъ, видно, ничего не подѣлать; остается только итти къ своей пріятельницѣ Обезьянѣ и просить ее обобрать для меня плоды съ дерева. Да, это самое лучшее. — Живымъ духомъ приказалъ Крабъ къ жилищу Обезьяны.

— Дома ты, госпожа Обезьяна?

— А, господинъ Крабъ! Милости просимъ, давненько не видались.

— Давненько то давненько. А за это время то самое сѣмячко, что я когда то вымѣняла у тебя на колобокъ, выросло въ громадное дерево.

— Вотъ видишь, я, вѣдь, говорила тогда. Ну, а плоды какъ, много ихъ?

— Цѣлая уйма. Только вотъ въ чемъ штука. Ногъ у меня, какъ ты сама знаешь, очень много, но при всемъ томъ, я все же не могу залѣзть на дерево и не могу добраться до плодовъ, которые вырастали съ такой заботой. Не досадно ли? Совѣстно мнѣ затруднять тебя, госпожа Обезьяна, но что дѣлать! Сходи, пожалуйста, нарви ихъ мнѣ. Въ награду за твой трудъ я дамъ, конечно, тебѣ одну, двѣ штуки.

— Помилуй, такіе пустяки, какая тутъ награда! Вѣдь мы же съ тобой друзья, кажется. Сю минуту я пойду и нарву ихъ тебѣ.

Выразивъ такъ легко свое согласіе, Обезьяна отправилась вмѣстѣ съ Крабомъ. Пришли они къ жилищу Краба. Глянула Обезьяна на дерево... А и правда! Дерево стало такимъ большимъ, что шапка валится смотрѣть на него, и все оно увѣшано красными, спѣлыми плодами.

— Красиво, что и говорить; и хороши же должны быть плоды.

— Ну объ этомъ потомъ будемъ толковать, а ты, вотъ, полѣзай скорѣе на дерево, рви, да давай сюда.

— Ладно, сію минуту. — Обезьяна изготовилась и быстро вскарабкалась на дерево. Сорвавъ въ мгновение ока одну штуку, она начала ѣсть.

— Гмъ, первый сортъ, лучше этого и быть не можетъ.

Крабъ подъ деревомъ спокойно завопилъ.

— Эй! Да ты никакъ сама напередъ ѣшь? Ну, это совсѣмъ изъ рукъ вонъ что такое.

— Это я пробую, не ядовиты ли они. — Она опять сорвала каки и начала жевать.

— Ты опять ѣшь. Не смѣй ѣсть тамъ одна, бросай сюда!

— Ладно, сейчасъ брошу, и она бросила одну штуку.

Живехонько подобралъ Крабъ плодъ, и изготовился чуть не цѣликомъ проглотить его, но... О, ужасъ! Терпкая горечь связала ему и языкъ, и зубы.

Это совсѣмъ горькій, ты давай пожалуйста мнѣ спѣлыхъ.

— Ну, а этотъ какъ?

Крабъ пожевалъ, пожевалъ и сплюнулъ; опять зеленый.

— И что ты только тамъ привередничаешь. Ну вотъ тебѣ, вотъ!

Обезьяна изо всей силы стала бросать совершенно зеленые, твердые, какъ камень, плоды, попадая ими Крабу въ голову.

— Ой больно! — не выдержалъ Крабъ, падая навзничъ. Обезьяна швырнула еще разъ.

— Больно, больно! Что ты дѣлаешь?

— Да что мнѣ тутъ толковать съ тобой; всѣ эти каки мои, а ты пропадай пропадомъ; издыхай совсѣмъ.

Вслѣдъ затѣмъ разбойникъ-Обезьяна, какъ градомъ, стала засыпать совсѣмъ зелеными каки, разбивъ ими безъ сожалѣнія Крабу вдребезги весь его панцирь. Замѣтивъ, наконецъ, что онъ уже совсѣмъ не дышетъ, она собрала всѣ до послѣдняго спѣлые каки и, захвативъ ихъ въ охапку, безъ оглядки пошла домой.

У Краба былъ сынъ. Въ этотъ день онъ какъ разъ отправился на прогулку со своимъ товарищемъ къ одному дальнему озеру. Но вотъ онъ вернулся съ прогулки, и какой же ужасъ засталъ онъ дома. Въ саду подъ деревомъ лежалъ отецъ его Крабъ. Панцирь и клешни были разбиты вдребезги. Онъ уже не видѣлъ, онъ уже не слышалъ, онъ былъ Крабомъ того же міра.

Видя это, Крабъ-сынъ чуть не помѣшался. Горько, безутѣшно началъ онъ рыдать, обхвативъ бездыханное тѣло своего отца. Увы! не вернуть его этимъ къ жизни. Остается одно: отомстить за смерть отца, убивъ врага. Но кто же сдѣлалъ это? Гдѣ онъ? Какъ найти хоть какіе нибудь слѣды? Съ удрученнымъ видомъ оглядывался юноша кругомъ. Тутъ онъ замѣтилъ, что и отъ тѣхъ красныхъ, спѣлыхъ каки, которыя были еще вчера, не осталось и слѣда. Кругомъ валялись только во множествѣ зеленые, не созрѣвшіе плоды, которыми, вѣроятно, и разбитъ былъ панцирь его отца. Молодой Крабъ хлопнулъ себя по колѣну.

— Ну, теперь понимаю. Очевидно, это дѣло рукъ Обезьяны. Не разъ слыхалъ я отъ отца, что давно какъ-то, когда онъ прогуливался около рѣки съ Обезьяной, онъ вымѣнялъ у нея на рисовый колобокъ сѣмячко каки, которое и посадилъ вотъ здѣсь. Значитъ, теперь этой подлой Обезьянѣ захотѣлось воспользоваться плодами каки, вотъ она и убила моего отца такъ по разбойничьи. Такъ оно и есть; она унесла всѣ спѣлые каки, зеленые только и оставила. Ну захотѣлось тебѣ покушать каки, что-жъ

тутъ такого? Скажи ты объ этомъ отцу, и онъ, конечно, подѣлился бы; но убить такъ безчеловѣчно и убѣжать! Погоди же, подлѣйшая Обезьяншка, скоро я заставлю тебя узнать, какъ умѣетъ мстить Крабъ. Онъ разсердился такъ, что началъ фыркать, изрыгая пѣну, и глаза налились кровью, потомъ началъ думать опять.

— Какъ ни какъ, а Обезьяна существо, умудренное житейскимъ опытомъ; она сумѣла убить такъ ловко даже моего отца, гдѣ же мнѣ съ моими дѣтскими силами справиться съ нею. Такъ и сякъ думалъ онъ и совсѣмъ разстроился, не видя никакого выхода изъ этого положенія, но вдругъ у него словно просвѣтлѣло въ головѣ. Отецъ его всегда былъ въ большой дружбѣ съ каменной Ступкой. Эта Ступка прежде была простымъ камнемъ въ каменной оградѣ, гдѣ жилъ старый Крабъ, но затѣмъ она была замѣчена людьми и сдѣлала себѣ блестящую карьеру, добившись высокаго званія Ступки. Отъ природы она непоколебима въ принципахъ и такого характера, что не пойдетъ уже назадъ, если дастъ обѣщаніе.

Если ей рассказать все это дѣло и попросить ее сдѣлаться пособникомъ въ отмщеніи, то она навѣрное не откажетъ. Не откладывая въ долгій ящикъ, молодой Крабъ отправился прямехонько къ Ступкѣ. Будучи принять ею, онъ съ рыданіями разсказалъ ей всѣ обстоятельства ужасной, незаслужанной смерти своего отца. «Слушая» его, «Ступка» «была» глубоко растрогана и всячески «утѣшала» молодого Краба.

— Какое злодѣяніе! — говорила она, — могу представить себѣ, какъ ты долженъ быть огорченъ; но не безпокойся, пожалуйста, я отомщу, убью врага. А все же врагъ-то, вѣдь, Обезьяна, и не такъ то легко справиться съ нею. — Затѣмъ она послала своего слугу просить пожаловать къ себѣ Печенаго Каштана, мастера стрѣлять изъ ружья, и Большую Осу, учительницу фехтованія на копьяхъ. Съ обоими ими Ступка давно уже находилась въ дружбѣ.

Когда Каштанъ и Оса пришли къ Ступкѣ, раздумывая, зачѣмъ бы она звала ихъ, она обратилась къ нимъ съ такою рѣчью:

— Очень благодарна вамъ, что скоро пожаловали. Я осмѣлилась побеспокоить васъ по слѣдующему дѣлу. Я пользовалась чрезвычайными милостями со стороны батюшки присутствующаго здѣсь Краба. Теперь (она разсказала подробно все) онъ понесъ незаслуженную смерть отъ Обезьяны, и я рѣшила помочь этому господину, молодому Крабу, отомстить за смерть его отца, но противникъ нашъ, извѣстный смѣльчакъ и ловкая Обезьяна, и не такъ просто и легко убить его. Мнѣ хотѣлось бы просить васъ обоихъ сдѣлаться также участниками этой мести. Вотъ почему я и побеспокоила васъ, прося прибыть сюда. Помогите, пожалуйста, убить эту подлую Обезьяну.

Вслушавъ все это, Каштанъ подвинулся впередъ и сказалъ убѣжденно:

— Изъ того, что я только что слышалъ, я вижу, что причиной ссоры послужилъ мой товарищъ, плодъ каки, и вотъ я, тоже плодъ, считаю себя обязаннымъ стать пособникомъ господину Крабу въ отмщеніи. Приказывай, пожалуйста, что находишь нужнымъ. — Оса тоже не захотѣла отстать.

— А я, сказала она, очень рада случаю всадить свое копье и отомстить этой подлой Обезьянѣ, которая немало причиняла мнѣ горя, засоряя мои жилища. — Ступка была очень обрадована такимъ единодушіемъ этихъ молодцовъ.

У меня просто прибавляется силъ оттого, что вы такъ охотно соглашаетесь. Ну, такъ вотъ, у меня есть нѣкоторый планъ; не знаю только, какъ онъ поправится вамъ.

— Какой планъ?

— Во всѣхъ планахъ вообще самое важное — скрытность; подвиньтесь-ка сюда поближе.

— Слушаемъ.

— Говорятъ, что если три человѣка совѣщаются вмѣстѣ, то и самъ Монджю²³⁾ не можетъ придумать мудрѣе. Ступка, Каштанъ и Оса, склонившись другъ къ другу, начали вырабатывать какой то секретный планъ, и, ведя свои переговоры шепотомъ, пришли, наконецъ, къ какому то рѣшенію.

— Будемъ же внимательны! — говорилъ одинъ.

— Не вложимъ меча въ ножны, — мужественно восклицаетъ другой. На этомъ они и разстались.

Ступка, которая была особенно дружна съ отцомъ Краба, отправилась вмѣстѣ съ нимъ въ его жилище и, обрядивъ, какъ слѣдуетъ, тѣло покойнаго, благоговѣнно поклонилась его праху. Обратимся теперь къ Обезьянѣ. Убивъ беззаконно Краба, забравъ всѣ спѣлые каки, она была довольна, что ловко обдѣлала дѣльце, но, сознавая все-таки, что она сдѣлала скверное дѣло, за которое ей навѣрное должны отомстить родственники покойнаго, она ожидала отъ нихъ страшной мести. Мысль объ этомъ беспокоила ее, и она нѣсколько дней сидѣла у себя дома, никуда не показываясь и томясь скукой.

Но не стать занимать наглости Обезьянѣ. — Нѣтъ, — рѣшила она, — ничего подобнаго не можетъ быть. Когда я убивала Краба, тамъ не было никого посторонняго, опять же Краба я забила на смерть, а мертвые не говорятъ; слѣдовательно, никто не можетъ и знать, что это дѣло моихъ рукъ, а разъ никто этого не знаетъ, то зачѣмъ мнѣ самой разстраивать себя и наводить на себя страхъ. Да, конечно, нечего мнѣ тревожиться объ этомъ.

Успокоивъ себя такими доводами, она выбрала денекъ и осторожно пробралась къ жилищу Краба съ цѣлью незамѣтно поразвѣдать положеніе дѣлъ. Все оказалось точь въ точь такъ, какъ она и рѣшила. Молодой Крабъ вовсе и не думаетъ ей мстить. Родственники покойнаго пришли всѣ къ тому заключенію, что старикъ самъ неосторожно залѣзъ на дерево, желая нарвать каки, но, такъ какъ панцырь на спинѣ у него очень тяжелъ, то ноги не выдержали; онъ кувыркомъ полетѣлъ съ дерева внизъ и, упавъ на валявшійся во множествѣ твердые, нездѣрвшіе каки, разбился на смерть. Причиной является, значитъ, собственная его неосторожность; онъ, какъ говорится, что посеялъ, то и

пожалъ, и мстить за это, конечно, некому. Обезьяна успокоилась, и рѣшила, что, если дѣло обстоитъ такъ, то не дурно было бы ей отправиться къ молодому Крабу и выразить свои соболѣзнованія по поводу этого несчастья. Вотъ она обезьяня мудрость: глубоко тонетъ, да мелко плаваетъ.

Такъ обстояло, значитъ, все дѣло, какъ, вотъ, приходится, однажды, къ ней посильный отъ Краба. Раздумывая, зачѣмъ бы это онъ пришелъ, Обезьяна ввела его во внутрь жилища и пригласила выслушать.

— На дняхъ, нашъ баринъ, старый Крабъ, желая нарвать плодовъ каки въ саду, залѣзъ, чего бы собственно ему не слѣдовало дѣлать, на дерево. Дѣло, конечно, для него непривычное, и, поскользнувшись, онъ кувыркомъ полетѣлъ внизъ и тутъ же испустилъ свой духъ, разбившись при паденіи. Сегодня какъ разъ седьмой день²⁴⁾ со дня его кончины. Ты была съ нимъ въ большой дружбѣ, и сынъ покойнаго проситъ тебя пожаловать на поминки, извиняясь напередъ за скромность постваго²⁵⁾ угощенія. Кромѣ того, онъ проситъ тебя принять, въ знакъ памяти, самое дерево каки, которое ему не нужно. Онъ приказалъ мнѣ просить тебя пожаловать къ намъ сейчасъ же вмѣстѣ со мною. — Посильный доложилъ все это очень вѣжливо.

Выслушавъ его, Обезьяна сдѣлала видъ, что очень поражена.

— Что такое? Господинъ Крабъ упалъ съ дерева въ саду и разбился на смерть? Да не можетъ быть! Я просто ушамъ своимъ не вѣрю. Ай, ай, какое несчастье! Должна сказать правду, есть тутъ немного и моего грѣха. Съ дѣтства еще жили мы съ Крабомъ душа въ душу. Восемь лѣтъ тому назадъ, прогуливались мы какъ то около одной рѣки, и господинъ Крабъ нашелъ колобокъ, я сѣмька каки. Мы тогда же и помѣнялись этими штуками. Подумать только, что это злополучное дерево выросло, изъ того самаго сѣмька каки. Жаль, тѣмъ болѣе жаль, что сама я, значитъ, немного замѣшана въ этомъ...

Знай я только, что выйдетъ такая исторія, ни за что бы не дала ему этого сѣмька, но онъ такъ упрашивалъ, что я поневолѣ должна была уступить... А, теперь... вотъ поди же какая исторія... Просто словъ не нахожу.

То ли она лизнула потихоньку перцу, но слезы полились у нея неудержимо, и она заплакала самымъ непритворнымъ образомъ.

— И откуда берется только у нея? — диву дался посмьльный.

— Ну, да посмотримъ, скоро мы заставимъ тебя заплакать настоящими слезами. — Но онъ не подалъ никакого вида и еще почтительнѣе сказалъ ей:

— Какъ тебя разстроило это, какъ ты горюешь! Покойный баринъ Крабъ, радуется навѣрное въ глубинѣ своей могилы. А какой отвѣтъ прикажешь доложить моему господину?

— Само собой разумѣется какой. Я очень виновата, что, не зная о случившемся, не пришла до сихъ поръ выразить свои собо-лѣзнованія, но я хочу исправить свой промахъ и сейчасъ же отправлюсь поклониться усопшему.

— Какъ доволенъ будетъ молодой господинъ тѣмъ, что ты такъ охотно выразила свое желаніе пожаловать. Ну, я пойду немного впереди.

— Я сейчасъ же слѣдомъ.

— Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать.

— Сейчасъ, сейчасъ буду.

— Пока до свиданья.

— До свиданья, очень благодарна.

Когда посмьльный ушелъ, Обезьяна заговорила сама съ собой:

Ну, конечно, такъ. У этого болвана Краба зря только глаза на выкатъ, ничего онъ ими не видитъ; ни на что путное онъ не годится. Взять хоть бы вотъ теперь; онъ совершенно не замѣчаетъ своего врага, который тутъ же подлѣ. Наоборотъ, этого же врага, онъ настойчиво приглашаетъ на поминки, упрасиваетъ принять дерево на память... Правду говоритъ пословица: «Вору же и награда». Дуракъ, ну дуракъ! Но не будемъ, однако, болтать объ этомъ, все это въ мою же пользу. Пойдемъ, пойдемъ на ихнія поминки. — Чѣмъ дальше, тѣмъ наглѣе и наглѣе становилась Обезьяна.

Принарядившись, какъ слѣдуетъ, она отправилась въ жилище Краба. Тамъ ее почтительно встрѣтили, склонившись до земли, родственники Краба, чинно разсѣвшіеся справа и слѣва у каменной ограды. Видя это, Обезьяна съ надменнымъ лицомъ медленно прослѣдовала между ними въ переднюю. Здѣсь ожидалъ ее слуга Краба который, завидя ее, съ привѣтствіемъ почтительно согнулся,

провелъ ее коридоромъ во внутреннія комнаты и пригласилъ сѣсть на приготовленномъ для нея мѣстѣ.

Обезьяна усѣлась, гдѣ ей было указано, и стала отдыхать.

Спустя немного, вышелъ къ ней хозяинъ, молодой Крабъ.

— Добро пожаловать, госпожа Обезьяна. Прошу извинить, что принимаю теперь въ такомъ убогомъ жилищѣ — вѣжливо привѣтствовалъ онъ ее.

— А-а! Сынъ покойнаго Краба! Неожиданно постигла тебя такое несчастье; воображаю, какъ должно быть тебѣ тяжело — отвѣчала Обезьяна, съ важностью высказывая свои собо-лѣзнованія.

Тѣмъ временемъ начались хлопоты по приему гостя.

Внесли маленькій столикъ съ кушаньями; принесли сакэ.

Обезьяна была чрезвычайно довольна, и, видя, что за ней такъ ухаживаютъ, совсѣмъ забыла про осторожность и стала угощаться, что называется, до отвала.

Послѣ обѣда ее провели въ чайную комнату, гдѣ предстояло пить чай по всѣмъ правиламъ чайной церемоніи. Попросивъ ее отдохнуть здѣсь, молодой Крабъ вышелъ. Прошло уже порядочно времени, а онъ все не возвращается.

— Я слышала, что чайная церемонія ²⁶⁾ очень долгая исторія, но мнѣ совсѣмъ не под силу терпѣть такъ долго. Ахъ! хорошо бы поскорѣе попить чайку, горло совсѣмъ пересохло, — подумала она.

Обезьяна начала отрезвляться и стала ощущать сильную жажду. Потерявъ всякое терпѣніе и желая выпить хотя бы чашку кипятка, она подошла къ жаровнѣ, но только приложила руку къ крышкѣ котла, какъ спрятавшійся еще заранѣе въ жаровнѣ Каштанъ, рассчитавъ, что наступилъ подходящий моментъ, выпалилъ въ нее такъ, что только бухнуло, и поразилъ ее въ шею.

Это было для Обезьяны полной неожиданностью, и, ахнувъ, она повалилась. Но не такая это тварь, чтобы можно было уложить ее однимъ выстрѣломъ.

Ой! ж...ж...ж...жожетъ! — завопила она и, зажимая рану, стремительно вылетѣла изъ чайной. Тутъ снаружи дома поджидала ее спрятавшаяся подъ свѣсомъ кровли Оса.

— Ага! Тебя то мнѣ и нужно, горная Обезьяна, — воскликнула она, выставивъ громадное остріе своего копья и сразу же всадивъ его въ щеку Обезьяны.

Засада за засадой; она совсѣмъ растерялась и, рѣшивъ, что изъ всѣхъ тридцати шести способовъ сражаться самымъ лучшимъ въ настоящее время будетъ бѣгство, ибо жизнь дороже всего, она прикрыла голову и опрометью кинулась бѣжать къ выходу. Но здѣсь поджидала ее Ступка, укрывшаяся въ каменной оградѣ. Съ глухимъ крикомъ навалилась она на голову пробѣгавшей Обезьяны и придавила ее къ землѣ. Какъ ни какъ, а въ настѣвшей на нее Ступкѣ до грехъ пудовъ; подъ ея тяжестью

Обезьяна не въ силахъ была и шевельнуться; она только жалобно стонала.

Тутъ прибѣжалъ успѣвшій уже какъ-то переодѣться въ боевую одежду молодой Крабъ, и, поблескивая передъ самымъ лицомъ Обезьяны своими унаслѣдованными отъ отца клешнями, холодно разсмѣялся, увидѣвъ ее въ такомъ положеніи.

— А какъ ты думаешь, горная Обезьяна, что будетъ теперь?

— Да, конечно, мнѣ отом...

— Конечно. Объ этомъ и говорить нечего. Ловко же ты убила злодѣйскимъ образомъ моего отца.

— Нѣтъ. Онъ самъ вслѣдствіе...

— А! Ты все стоишь на томъ же. Ну такъ я заставлю замолчать твой лживый языкъ, и, раскрывъ съ шелканьемъ свои клешни, онъ тутъ же напрочь отсѣкъ голову Обезьянѣ.

Такъ славно отомстил Обезьянѣ Крабъ за своего отца.

Зеркало Мацуяма.

Давно тому назад въ мѣстечкѣ Мацуяма провинціи Есиго жили-были мужъ съ женою. У нихъ былъ ребенокъ, дѣвочка, которую они очень любили. Такъ жили они себѣ припѣваючи, не нарадуясь на свое ненаглядное дѣтище.

Но вотъ случилось, что по неотложнымъ дѣламъ мужу надо было отправиться въ столицу. Теперь есть извозчики, есть желѣзныя дороги; отправляйся себѣ, куда хочешь; но въ тѣ, давно минувшія, времена не было ничего подобнаго. Знатнымъ и важнымъ господамъ, можетъ, и не приходилось, но простому люду оставалось только отмахивать пѣля сотни верстъ на собственной, унаслѣдованной отъ родителей парѣ, по образу пѣшаго хожденія. Отъ Есиго до столицы (въ то время столица была въ Кіото) не то что рукой подать; много времени надо было, чтобы добраться до нея, и, конечно, хлопотъ, сборовъ и опасеній было не меньше, чѣмъ теперь при поѣздкѣ за границу.

И у мужа, оставлявшаго свой домъ, и у остающихся жены и дочки, у всѣхъ на душѣ было тоскливо и непокойно.

— Я постараюсь вернуться, какъ можно скорѣе; смотри же, домовничай тутъ безъ меня хорошенько, да чтобы съ дочкой, глядя, не случилось чего, — наказывалъ мужъ.

— А вы, пожалуйста, будьте осторожны въ пути, берегите себя, да поскорѣе возвращайтесь, какъ только кончите дѣла, — говорила жена, и на глаза ей набѣгали слезы.

Тутъ подошла дочурка, наивный, еще не видѣвшій свѣта, ребенокъ, которому казалось, что это путешествіе не больше,

какъ побывка въ сосѣдней деревнѣ. Не горюя поэтому особенно и любовно цѣпляясь за рукава отца, она стала просить его принести гостинца изъ столицы, обѣщая хорошо вести себя въ его отсутствіи.

Тяжелое дѣло разлука, если расстаются даже на короткое время. Съ одной стороны неудержимо тянетъ что-то назадъ, а съ другой гонить впередъ дѣло, котораго никакъ нельзя бросить. Наконецъ, мужъ рѣшительно поднялся и вышелъ изъ воротъ своего дома. Жена провожала его до воротъ съ маленькой дочкой на рукахъ и долго еще смотрѣла ему вслѣдъ, пока самая дорожная шляпа его не скрылась уже въ туманной дали.

— Ну, — сказала мать, отецъ ушелъ, и тебѣ теперь придется оставаться только съ мамой; надо быть послушной, дѣточка! Дѣвочка утвердительно кивнула головой.

— Я буду послушной; а получу я гостинецъ отъ папы, когда онъ вернется?

— Получишь, получишь. Я просила отца купить тебѣ то, чего ты больше всего хочешь, куклу; онъ непременно купитъ.

— Ахъ! какъ это хорошо.

При видѣ радостнаго, веселаго личика дочери мать почувствовала еще больше нѣжности къ ней.

Когда у нея бывало свободное время, она принимала участіе въ играхъ дѣвочки, рассказывала ей поучительныя сказанія древности, и такъ коротали онѣ скучные дни и мѣсяцы.

Но вотъ, покончивъ со своими дѣлами, вернулся изъ столицы хозяинъ. За время долгаго пути онъ такъ загорѣлъ, что былъ почти неузнаваемъ, но любящее сердце всегда подкажетъ; только лишь завидѣли его жена и дочурка, какъ тутъ-какъ-тутъ, обѣ повисли у него справа и слѣва. Среди взаимныхъ разспросовъ и привѣтствій, задержавшись только, чтобы снять дорожную шляпу и сандали, вошелъ онъ въ сопровожденіи ихъ въ домъ.

Усѣвшись на своемъ мѣстѣ, онъ раскрылъ свою дорожную корзинку и досталъ оттуда красивую куклу.

— Вотъ тебѣ подарокъ въ награду, что хорошо хозяйничала, дочка, безъ меня, сказалъ онъ передавая куклу дочуркѣ.

Поблагодаривъ отца, взяла дѣвочка куклу своими красными рученками. Она была въ восхищеніи; вѣдь это совсѣмъ не то, что привозится вообще сюда на продажу съ товарами изъ сто-

лицу. Съ сіяющимъ отъ радости лицомъ занялся ребенокъ кукой.

Затѣмъ мужъ досталъ изъ своей корзинки зеркало.

— А вотъ и тебѣ гостинецъ, — сказалъ онъ, отдавая зеркало, женѣ.

Жена почтительно взяла его и стала разсматривать. Выросшая въ горной, глухой деревушкѣ Едиго, особенно въ тѣ еще темныя времена, никогда отъ роду не видала она ничего подобнаго и теперь смотрѣла на него съ недоумѣніемъ.

— Что-же это собственно за штука? — спросила она.

Мужъ разсмѣялся.

— Эта штука называется зеркаломъ; въ него можно смотрѣться. Какъ мечъ составляетъ душу самурая²⁷⁾, такъ точно душою женщины является зеркало. Въ нашей священной Японіи есть три заветныхъ сокровища²⁸⁾ и одно изъ нихъ — это зеркало. Въ такой деревнѣ, какъ наша, конечно, не достать его при всемъ желаніи, но я давно уже слышалъ, что въ столицѣ они есть, и вотъ теперь, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, раздобылся таки одной штукой. Смотри же, обращайся съ нимъ бережно.

Узнавъ, что это за штука, жена пришла въ восхищеніе.

— Теперь я буду считать его просто за свою душу это драгоценное зеркало, и, конечно, буду обращаться съ нимъ со всей осторожностью, — сказала жена и, почтительно поднявъ его нѣсколько разъ въ уровень съ головою, тутъ же уложила его въ шкатулку.

Послѣ этого началось угощеніе дорогого гостя, который съ наслажденіемъ отдыхалъ въ родной обстановкѣ отъ своего долгаго утомительнаго путешествія. Долго не выдавшіеся мужъ, жена и маленькая дочурка собрались теперь вмѣстѣ и долго еще толковали они о томъ, да о семъ и все не могли наговориться... А затѣмъ годъ за

годомъ потекла обычная, безъ всякихъ происшествій, жизнь. Окруженная любовью, попеченіями благополучно росла да росла дочурка и вотъ, наконецъ, стала уже на возрастъ.

Но не одно только хорошее на свѣтѣ; и мѣсяцъ не всегда бываетъ круглымъ, и цвѣты цвѣтутъ не постоянно. Такъ и на этотъ счастливый домъ неожиданно-негаданно нагрянула бѣда. А случилось ни больше ни меньше, какъ то, что жена вдругъ заболѣла.

Вначалѣ ея болѣзнь была только легкой простудой, и объ этомъ особенно не беспокоились, но шло время, а она не только не поправлялась, но, наоборотъ, чувствовала себя все хуже и хуже, и дошло до того, что и самъ врачъ отложилъ въ сторону свою ложку и призадумался, склонивъ голову на бокъ.

Конечно, любящая и почтительная дочь приняла на себя всѣ заботы о матери, какъ только она заболѣла. Она безотлучно

находилась у изголовья больной, поила ее лекарствами, растирала ее и всячески ухаживала за ней, сама почти не смыкая глазъ. Но неисповѣдимы судьбы человѣческія. Почтительная любовь и преданность дочери, лекарства врача, все это повидавшему было безсильно...

Однажды мать притянула дочь поближе къ своему изголовью и, держа ее за руку, долго всматривалась ей въ лицо, а потомъ, вздохнувъ, горько заговорила.

— Теперь мнѣ уже, видно, не выздоровѣть, и если я умру, то ты должна еще больше, еще нѣжнѣе и почтительнѣе проявлять твою дочернюю любовь къ отцу.

— Что ты, мама! Зачѣмъ говоришь ты такія печальныя вещи? Ты скоро, скоро поправишься. А какъ будетъ радъ отецъ тогда!

— Радостно мнѣ слышать слова твои... отъ души хотѣла бы я, чтобы сбылось, какъ хочется тебѣ, любящая дочь, но... все въ мірѣ предопредѣлено; остается только съ покорностью подчиниться этому. Такъ вотъ, есть у меня одна вещь, которую я хочу оставить тебѣ.

Тутъ она достала изъ подъ изголовья шкатулку, которая все время хранилась тамъ, и вынула изъ шкатулки зеркало.

— Это рѣдкое, чудодѣйственное сокровище, называютъ его зеркаломъ. Его купилъ мнѣ въ подарокъ твой отецъ давно тому назадъ, когда ходилъ въ столицу. Я оставляю его тебѣ на память обо мнѣ. Когда, послѣ моей смерти, ты затоскуешь обо мнѣ, достань это зеркало и смотри въ него... всегда, неизмѣнно всегда ты увидишь въ немъ меня. — Она передала зеркало дочери и, высказавъ въ этихъ словахъ все, что ей хотѣлось, свою послѣднюю волю, стала дышать слабѣе и слабѣе и любящей матерью, какъ была, тихо, тихо отошла въ инныя свѣтлыя обители.

Велико было горе, безпредѣльно было отчаяніе дочери и мужа.

Приникнувъ къ охладѣвшимъ смертнымъ останкамъ, какъ въ безуміи, неудержно рыдали они. Но что можно подѣлать! Придя понемногу въ себя, они совершили похоронныя церемоніи, какъ полагается по обряду, и, благоговѣно преклонивъ колѣна, вознесли моленія объ усопшей.

Но шли дни за днями, а скорбь и печаль въ нѣжно привязанномъ сердцѣ дочери не уменьшались и не уменьшались. Польетъ ли дождь, подуетъ ли заунывно вѣтеръ, всегда при всякомъ случаѣ съ тоскою въ душѣ вспоминала она о покойной матери и скорбно рыдала... но вдругъ она вспомнила предсмертныя слова матери.

— Тогда, оставляя мнѣ на память о себѣ зеркало, она сказала, что когда бы я ни посмотрѣла въ него, она сейчасъ же явится въ немъ. Удрученная скорбью я совсѣмъ забыла объ этомъ. Достану его теперь,

посмотрю, — подумала дѣвушка и, вынувъ зеркало изъ шкатулки, пристально стала смотрѣть въ него. И совершилось тутъ чудо. Въ зеркалѣ появилась фигура матери, какою была она въ молодости; она, совсѣмъ она, вотъ, какъ заговорить.

Дѣвушка была поражена и внѣ себя отъ радости стала говорить:

— Значить, душа матери переселилась въ это зеркало и, проникшись сожалѣніемъ ко мнѣ, проявляется въ немъ, когда я начинаю тосковать по ней. О, благодарю, благодарю тебя. Какую радость дала ты мнѣ! — Съ тѣхъ поръ и утромъ и вечеромъ смотрѣла она въ зеркало и тѣмъ облегчала глубокую скорбь свою.

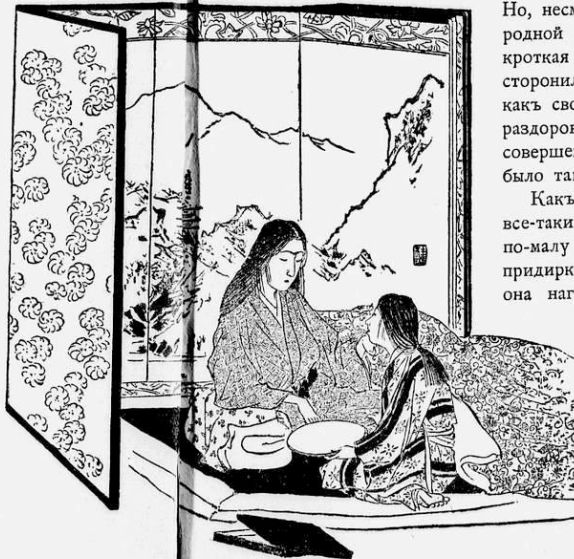
Между тѣмъ со смерти матери прошелъ годъ, и вдовый мужъ, уступая настояніямъ родственниковъ, ввелъ въ домъ другую жену,

которая стала для дѣвушки мачихой.

Но, несмотря на то, что она была не родной матерью, а только мачихой, кроткая по характеру дѣвушка не сторонилась ее и почитала ее все равно, какъ свою родную мать. Несогласій и раздоровъ у нихъ не было, и отецъ совершенно успокоился. Но не долго было такъ.

Какъ-никакъ, а неглубокой души все-таки существо — женщина; мало-по-малу начались со стороны мачихи придири. Нѣтъ, нѣтъ, да и начнетъ она наговаривать мужу про падче-

рицу не то, такъ другое; но мужъ, зная, что таковы ужъ всѣ мачихи, не бралъ совсѣмъ во вниманіе ея наговоровъ; наоборотъ, еще больше, еще нѣжнѣе сталъ любить свою дочь, такъ какъ къ любви примѣшалась и жалость къ ней. Это еще больше злило мачиху и, хоть она и не высказы-

вала на словахъ, но въ глубинѣ души замыслила злое дѣло — такъ или иначе выгнать падчерицу совсѣмъ изъ дома. Какое неразуміе, какое жестокосердіе — возненавидѣть невинное совершенно существо изъ-за того только, что нѣтъ дѣтей у самой! Утирая рукавомъ притворныя слезы, обратилась однажды мачиха къ мужу:

— Отпустите меня, пожалуйста, совсѣмъ изъ дома обратно къ моимъ роднымъ, — сказала она съ глубокой печалью.

Мужъ былъ пораженъ такой неожиданностью.

— Что ты говоришь? Отпустить тебя совсѣмъ къ твоимъ роднымъ? Развѣ тебѣ противно жить у меня въ домѣ, ты не хочешь быть мнѣ женою?

— Смѣю ли я говорить такое? Мнѣ и во снѣ не снилось, чтобы я не хотѣла жить здѣсь, чтобы мнѣ противно было... но, если я останусь здѣсь при тѣхъ условіяхъ, какъ сейчасъ, то жизни моей грозитъ опасность. Лучше ужъ, я думаю, теперь же отпустить меня совсѣмъ; вотъ почему и прошу я объ этомъ.

Заливаясь слезами, она распростерлась почтительно передъ мужемъ. Мало по малу мужъ сталъ прислушиваться къ ея словамъ.

— Что же грозитъ опасностью твоей жизни? Въ чемъ собственно дѣло?

— Падчерица, кто же больше. Она смотритъ на меня, какъ

на мачиху, и, возненавидѣвъ меня, задумала страшное дѣло, — вести меня совсѣмъ. Съ нѣкотораго времени она стала запирается у себя въ комнатѣ и, колдуя тамъ надъ сдѣланнымъ изъ дерева моимъ изображеніемъ, она хочетъ въ концѣ концовъ отнять у меня жизнь.

Выслушавъ ее подробно, мужъ не придалъ, было, особеннаго значенія ея словамъ, считая ихъ не болѣе какъ наговоромъ вродѣ прежнихъ, но тутъ онъ вспомнилъ, что и дѣйствительно съ нѣкотораго времени дочь все запирается у себя въ комнатѣ и почти не показывается на глаза. Значить, въ словахъ мачихи есть все-таки нѣкоторая доля правды. Наполовину вѣря, наполовину нѣтъ и не рѣшаясь высказать свое сужденіе, онъ рѣшилъ, что самое лучшее пойти ему въ комнату дочери и выяснить, что въ этомъ правда, и что ложь. Успокоивъ всячески жену, онъ неслышными шагами направился въ комнату дочери.

Падчерица смотрѣла на мачиху все-таки, какъ на мать, и стала привязываться къ ней, несмотря на то, что она была ей не родная мать; но мачиха съ своей стороны не платила ей тѣмъ же; мало того, она еще наговаривала на нее отцу. Видѣла и знала все это падчерица, и тѣмъ болѣе становилось на душѣ у нея; каждое утро, каждый вечеръ плакала она, а вмѣстѣ съ тѣмъ больше и больше тосковала она по родной своей, давшей ей милость, увидѣть свѣтъ, матери. Что ни утро, что ни вечеръ, чуть только урвется у нея свободная минута, уходила она въ свою комнату и, вынувъ заветное зеркало, не отрываясь, глядѣла въ него.

Въ этотъ день тоже, какъ и всегда, затворившись въ своей

горенкѣ, смотрѣла она въ зеркало, какъ вдругъ неожиданно отодвинулась передвижная дверь, и кто-то вошелъ въ комнату. Дѣвушка обернулась, передъ ней отецъ. Смутившись, она быстро спрятала зеркало въ широкій рукавъ одежды.

Лицо отца выражало большое недовольство.

— Послушай, дочь! Что ты дѣлаешь теперь здѣсь одна? Что такое спрятала ты сейчасъ? — строго началъ онъ допрашивать дочь. Перепуганная дѣвушка только тряслась отъ страха, но ничего не отвѣчала. Отецъ разгнѣвался еще больше.

— Правду, значить, говоритъ мнѣ жена, что, любя сильно покойную мать, ты задумала извести ее, другую твою мать, и втихомолку занимаешься колдовствомъ. Родная, не родная, но мать есть мать, а дочь — дочь, и сколько втолковывалъ я тебѣ раньше, что ты отъ всей души должна вызывать по отношенію къ ней дочернія чувства. Какой демонъ со- вратилъ тебя съ пути, что ты стала такой бездушной, ты несчастное существо, не- знающее, что такое дочер- ная почтительность и лю- бовь. — Онъ увѣщевалъ и упрекалъ дочь, и слезы гнѣва стояли въ глазахъ его. Мож- но ли было смолчать дѣ- вушкѣ на эти упреки въ томъ, въ чемъ неповинна она была ни тѣломъ ни душой.

Какъ огонь, вспыхнула она и, обхвативъ колѣни отца, заговорила:

— Слушай, отецъ! Жа- лости у тебя нѣтъ, если позволяешь себѣ говорить такъ. Пусть я глупа, пусть зла, но неужели позволяю я себѣ колдовать надъ

тою, которую нынѣ зову матерью? И во снѣ никогда не снилось мнѣ этого.

Это, навѣрное, наговорилъ тебѣ кто нибудь, и затмилось сердце твое. А если не такъ, то самого тебя, отецъ, смутилъ дьяволъ. Я же чиста и непорочна въ этомъ, какъ утрен- ная роса.

Но не внялъ отецъ словамъ ея.

— Зачѣмъ затворяешься ты послѣднее время у себя въ комнатѣ? Мало того, сейчасъ вотъ, лишь только увидѣла ты меня, что ты спрятала въ рукавъ? Покажи сейчасъ же, что это такое.

— Отецъ все еще сомнѣвался. Остается только признаться во всемъ; такъ будетъ лучше — подумала дѣвушка и вынула изъ рукава зеркало.

— Вотъ что. Я смотрѣла въ него, — сказала она, кладя зер- кало передъ отцомъ. Онъ не ожидалъ этого.

— Да, вѣдь, это то самое, что я когда то принесъ въ подарокъ твоей матери изъ столицы. Съ какой же собственно цѣлью смотрѣла ты въ него.

— Ахъ! Въ этомъ зеркалѣ особое чудесное свойство. — За- тѣмъ дѣвушка подробно, безъ утайки, передала отцу предсмертное, завѣщаніе покойной матери, но отецъ все еще, какъ будто былъ въ сомнѣніи.

— Душа матери находится въ этомъ зеркалѣ, и всякій разъ, какъ ты начинаешь тосковать по ней, она появляется въ немъ?

Невѣроятно это что-то.

— Нѣтъ, нѣтъ, я и чуточки не лгу. Ты не вѣришь? Вотъ, смотри! Поставивъ зеркало противъ своего лица, такъ что оно отразилось въ немъ, она убѣжденно воскликнула:

— Вотъ она. Ты все еще будешь сомнѣваться? При видѣ этого отецъ только всплеснулъ руками.

— Дѣйствительно, ты удивительно почти- тельная, любящая дочь. Лицо, которое отра- жается въ зеркалѣ, это твое собственное лицо. Ты считаешь его изображеніемъ матери; но

вѣдъ ты и покойная мать точъ въ точъ похожи одна на другую это именно и думала тогда мать, завѣщая тебѣ зеркало; въ этомъ сказалась ея мудрость. Не зная этого, ты видѣла въ немъ только изображеніе матери, и облегчала скорбь свою, глядя на него каждое утро, каждый вечеръ... нѣтъ, не козни въ этомъ, глубокая любовь дочери сказалась тутъ.

Я глубоко тронуть этимъ.

И какъ только могъ я не понять такихъ чувствъ, какъ могъ поддаться словамъ твоей мачихи, чуть не возненавидѣть тебя, дѣлать тебѣ упрёки! Прости меня, дочь моя!

Сильная жалость къ своему дѣтищу-дочери проникла все существо его, и онъ залился слезами. Стоявшая давно уже за дверью и наблюдавшая за всѣмъ происходившимъ мачиха, вдругъ рѣшилась на что-то, и, войдя быстро въ комнату, преклонилась передъ дѣвушкой.

— Виновата я, виновата. Не зная твоего преисполненнаго дочерней любовью сердца, я по свойственному мачихѣ чувству, сильно возненавидѣла тебя, незнающую ненависти, тебя, ни въ чемъ неповинную. Я обвиняла тебя въ колдовствѣ, когда ты только всего и дѣлала, что смотрѣла въ зеркало. Я наговорила на тебя отцу. Велико заблужденіе, велика вина моя. Но измѣнились отнынѣ душа моя, и хотя не родная дочь ты мнѣ, хотя не рождала я тебя въ боляхъ и мукахъ, все же буду любить я тебя, сколько силъ моихъ. Пусть все что было до сихъ поръ забудется, какъ водою унесенное, прошу тебя люби меня, какъ родную мать свою. — Краска раскаянія покрыва лицо ея, и она не переставая просила прощенія.

Успокоился тогда и отецъ. Еще отъ себя сталъ онъ дѣлать увѣщанія и наставленія имъ обѣимъ. Послѣ этого мачиха и падчерица стали дружны и неразлучны, какъ рыба съ водою. Никогда уже больше не появлялось у нихъ и тѣни несогласія...

И стала легка имъ жизнь, и сталъ ихъ домъ полной чашей.

Дѣдъ Ханасака.

Въ давнія-стародавнія времена жили-были въ нѣкоторомъ мѣстѣ дѣдъ да баба. Было у нихъ маленькое поле и жили, себѣ старики потихоньку-полегоньку, горюя объ одномъ только, что у нихъ нѣтъ дѣтей. Если что и было кой-какой утѣхой въ ихъ одинокой старой жизни, такъ это жившая у нихъ собака. Собаку звали Сиро²⁹⁾, и старики любили и холили ее, какъ свое собственное чадо, какъ любятъ бабочекъ, какъ холятъ цвѣты. Кошка, говорятъ, въ три дня забываетъ о милостяхъ, которыми пользовалась въ теченіе трехъ лѣтъ, но собака и въ три года не забудетъ трехдневной ласки. Между животными нѣтъ ни одного, которое сознавало бы великую добродѣтель преданности такъ хорошо, какъ собака. Такъ и Сиро; пользуясь расположеніемъ и любовью стариковъ, онъ съ своей стороны платилъ имъ глубокой привязанностью въ благодарность за ихъ ласку. Днемъ онъ неизмѣнно отправлялся съ дѣдомъ въ горы за хворостомъ для топлива; ночью, вѣрная душа, изъ силъ выбивался охраняя домъ и поле, и старики съ каждымъ днемъ любили его больше и больше. Отказывая сами себѣ въ лакомомъ кусочкѣ, они отдавали его Сиро и были довольнешеньки, когда видѣли, что это ему нравится.

По сосѣдству съ ними жили тоже старики да старуха. Старикъ сосѣдъ былъ порядочно таки злымъ старикашкой и давно уже ненавидѣлъ Сиро. Стоило только Сиро просунуть свой носъ въ ихъ кухню, какъ старикашка подымалъ цѣлый гвалтъ, крича такъ, какъ будто у него утащили всю живность, а то такъ иногда запускать еще въ Сиро полѣномъ, что тому приходилось не разъ похрамывать.

Вот однажды Сиро началъ что-то усиленно лаять на полѣ за домо́мъ. Думая, что, должно быть, на пашню опять поналетѣло воронья, дѣдъ вышелъ изъ сада и пошелъ посмотрѣть. Завидѣвъ его, Сиро подлетѣлъ къ нему съ радостнымъ видомъ и, схвативъ его зубами за край одежды, потащилъ за собою въ дальній уголъ поля. Тамъ, въ углу росъ огромный вязъ, и Сиро началъ усиленно скрести лапами землю подъ вязы́мъ. Дѣдъ никакъ не могъ взять въ толкъ, въ чемъ тутъ дѣло.

— Что такое Сиро? — спросилъ онъ.

Сиро опять началъ обнюхивать землю.

— Рой здѣсь. Гамъ-Гамъ! Рой здѣсь. Гамъ-гамъ! — залаялъ онъ.

— Ага! Онъ хочетъ, чтобы я взрылъ это мѣсто; тутъ, значитъ есть что-нибудь, — понялъ, наконецъ, дѣдъ. — Это хочешь ты сказать, Сиро? Ну ладно, ладно.

Живо принесъ дѣдъ изъ амбара кирку и вогналъ ее сильнымъ ударомъ въ землю; но не успѣлъ онъ еще выворотить глыбы, какъ подъ киркой что-то зазвенѣло и заблестѣло въ воздухѣ.

— Ой, что оно такое! — воскликнулъ дѣдъ, взявъ въ руки и разглядывая. Сомнѣній быть не можетъ; это древняя золотая монета.

— Чудно, — подумалъ дѣдъ и началъ еще рыть. Еще одна, еще и еще; монетъ набралась цѣлая куча, и всѣ, какъ одна, блестящихъ натуральнымъ золотымъ цвѣтомъ.

Дѣдъ былъ такъ пораженъ этимъ, что просто не могъ прийти въ себя. Сейчасъ же позвалъ онъ свою старуху, и вдвоемъ они перенесли кладъ въ свой домишко. Конечно, кладъ достался ему въ полную собственность, какъ вырытый на его собственной землѣ, и дѣдъ сталъ вдругъ богачемъ. Такъ какъ кладъ найденъ былъ, благодаря Сиро, то само собою

разумѣется, что старики стали относиться къ нему еще любовнѣе, еще заботливѣе.

На слѣдующій день старикъ сосѣдъ, очевидно задумавъ что-то, пришелъ къ дѣду и въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ сталъ просить дать ему Сиро на нѣкоторое время.

— Какъ ни совѣстно мнѣ просить, — говорилъ онъ, — но не откажи, пожалуйста, одолжить мнѣ господина Сиро на короткое время.

— Что за перемѣна? — подумалъ дѣдъ, которому странной показалась просьба сосѣда, всегда ненавидѣвшаго и преслѣдовавшаго Сиро; но дѣдъ былъ доброй души.

— Ладно, — сказалъ онъ, — возьми, пожалуйста, если онъ нуженъ тебѣ на чтонибудь.

Сосѣдъ увелъ Сиро къ себѣ. Ухмыляясь себѣ подъ носъ, вернулся онъ домой, довольный, что такъ легко обдѣлалъ дѣльце.

— Ну, старуха, выманили таки я Сиро. Вотъ онъ. Теперь надо только хорошенько воспользоваться имъ; не будемъ въ накладѣ.

Давай-ка сюда поскорѣе кирку.

Взявъ принесенную старухой кирку, онъ пошелъ съ нею на поле позади дома; тамъ росъ у него тоже огромный вязъ. Прийдя подъ вязъ, онъ обратился къ приведенному съ собою Сиро:

— Ну, ты животинка! Въ нашемъ домѣ подъ вязы́мъ нашлись золотыя монеты; отчего же не быть имъ и подъ моимъ вязы́мъ. Ну, скреби лапами, гдѣ онѣ? Гдѣ? Здѣсь?... Здѣсь?

Прижавъ Сиро носомъ къ землѣ, онъ силою заставлялъ его нюхать землю.

Бѣдняга Сиро не выдержалъ и заскребъ лапами. Старикашка обрадовался.

— Вотъ и отлично! Значить, здѣсь? Ладно, ладно. Посторонись-ка малость. — Поплевавъ на руки, онъ изо всей силы всадилъ съ размаху кирку въ землю.

— А ну, зазвени, заблести! Что, нѣтъ? Ударимъ еще разъ. Зазвени, заблести! Нѣтъ? Ну еще разикъ. Да ну же, зазвени, заблести. — Нѣсколько разъ ударилъ онъ киркой, а монетъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Да что монетъ... хоть бы остатокъ стоптанной сандали, такъ и того нѣтъ.

— Эге, значить, онъ глубоко забрались!

Онъ все продолжалъ рыть и рыть, бормоча себѣ подъ носъ. Вдругъ изъ подъ земли пошелъ самый отвратительный, какой только можно представить себѣ, запахъ, и въ тоже время передъ глазами открылась яма полнехонькая собачьяго помета. Старикъ пришелъ въ бѣшенство.

— Такъ вотъ какъ! Для своихъ ты находишь только золото, а для другихъ одинъ пометъ. Стой же, поперечная тварь? Задамъ я тебѣ выучку.

Сиро хотѣлъ было ударить, но старикъ тутъ же на мѣстѣ присадилъ его нѣсколькими ударами кирки и забилъ совсѣмъ на смерть.

— Наслаждайся самъ теперь этимъ, — сказалъ онъ и, бросивъ Сиро въ яму, засыпалъ его землей, а самъ какъ ни въ чемъ не бывало спокойненько пошелъ домой.

Давно уже поджидали старики своего Сиро; времени прошло много, а его все нѣтъ, да нѣтъ. Ими овладѣло беспокойство. И вотъ старикъ рѣшилъ самъ сходить къ сосѣду за Сиро.

— А что Сиро? Если онъ ненуженъ больше, верни его мнѣ, пожалуйста.

Видя, что дѣдъ настойчиво пристаетъ, сосѣдъ совершенно спокойно отвѣтилъ ему:

— Сиро? Я убилъ его.

— Что! Убилъ? — Дѣдъ сразу весь опустился. — За что же ты убилъ его?

— За дѣло. Я не таковъ, чтобы убивать безъ причины, если не заслуживаютъ того. Ты, вотъ,

послушай только. Я просилъ его у тебя, потому что за послѣднее время ко мнѣ на пашню повадились лисицы. Вотъ я и поставилъ его сторожить. И что же онъ, негодяй! Въмѣсто того, чтобы караулить поле отъ лисицъ, онъ только жралъ да спалъ, да еще началъ гадить въ моемъ садикѣ. Я, конечно, разсердился... ну и обошелся съ нимъ крутенько. Подумай самъ, можно ли стерпѣть, если собака, какъ бы тамъ ни дорожилъ ты ею, выкидываетъ у меня въ домѣ такія штуки.

Старикашка говорилъ рѣзко и сердито. Выслушавъ всю эту исторію, дѣдъ заохалъ и заплакалъ.

— Ахъ! Какъ жаль, какъ жаль. Знай я только раньше это, ужъ такъ или иначе, а упросилъ бы я тебя простить его, отстоялъ бы Сиро... и былъ бы онъ теперь живехонекъ. Жестоко обошелся ты съ нимъ... теперь не поправишь, — высказывалъ дѣдъ свои сожалѣнія, а затѣмъ, подумавъ, сказалъ сосѣду:

Что было, то было и будемъ поросло. Если Сирошка дѣлалъ не по правдѣ и убить за это, то, значить, онъ пожалъ то, что самъ посылалъ. Теперь его уже не вернуть, но мнѣ хотѣлось бы по крайней мѣрѣ получить его трупъ. Не отдашь ли ты мнѣ его, пожалуйста?

— Да какъ же его отдать тебѣ; вѣдь я закопалъ его въ землю подъ вязомъ на задахъ.

— Конечно, если закопалъ, то ужъ выкапывать не годится. Какъ же быть, однако?

— Дѣдъ призадумался, но вдругъ ему пришло въ голову:

— Въ такомъ случаѣ извини меня за назойливость, но уступи мнѣ, пожалуйста, этотъ вязъ.

— Уступить вязъ?

— Да, да.

— Уступить... отчего не уступить, да зачѣмъ онъ тебѣ?

— Глядя на него, я буду вспоминать, что подъ нимъ быть похороненъ Сиро, и все же буду, какъ будто, поближе къ нему.

— Пожалуйста, уступи.

— Ладно, бери.

— Отъ души благодарю тебя. — Получивъ отъ сосѣда вязъ, дѣдъ сейчасъ же, не медля съ плачемъ перенесъ его къ себѣ въ домъ, какъ будто смертные останки Сиро. Принесши вязъ домой, старикъ сталъ думать, что бы такое изъ него сдѣлать, и, смастеривъ, наконецъ изъ него большую ступку и пестъ, началъ толочь въ ней просо для лепешекъ, чтобы справить поминки по Сиро. Дѣдъ толочь, баба мѣсила.

Сиро, Сиро! сейчасъ мы сдѣлаемъ твои любимыя сладенькія лепешки. Ну, сиди же смирно, подожди немного, — словно обращаясь къ живому существу, говорилъ самъ съ собою старикъ, постукивая пестомъ.

Но тутъ случилось чудо. Изъ одного гарнца проса, всыпаннаго въ ступку, стало два гарнца, потомъ три, четырегарнца... Старикъ едва успѣвали выбирать его. Наконецъ, изъ пустой совершенно ступки посыпались, одна за другою со стукоткомъ, готовыя просыяныя лепешки. Дѣдъ и баба и испугались, и обрадовались. Неужели это благодарность покойнаго Сиро за полученныя имъ отъ нихъ милости? Еще горше стало у нихъ на душѣ, еще больше стало жаль Сиро. Прежде всего сдѣлали они приношеніе этими лепешками предъ табличкой ³⁰⁾ покойнаго Сиро, какъ приносится божеству жертва первыми колосьями рисовой жатвы,

а затѣмъ принялись и сами за лепешки. Лепешки оказались необычайно вкусными и, кромѣ того, такими сытными что достаточно было съѣсть одну только штучку, чтобы въ этотъ день уже не завтракать, не обѣдать, не ужинать. Вотъ какія чудесныя были это лепешки.

Старикашка сосѣдъ пронохалъ, конечно, объ этомъ и живонохонько прикатилъ къ дѣду.

— Извини, пожалуйста, что беспокою тебя, но я хочу тоже понадѣлать просыяныхъ лепешекъ, чтобы помянуть господина Сиро. Такъ вотъ одолжи мнѣ, пожалуйста, посудину, чтобы изготовить ихъ — началъ онъ припращиваться къ ступкѣ и песту.

— Любишь же ты, однако, побираться у другихъ — подумалъ дѣдъ. Ему совсѣмъ не хотѣлось давать ступку, въ виду того, что было недавно, но какъ никакъ, а дерево онъ получилъ отъ сосѣда, и негоже было отказать наотрѣзъ; нечего дѣлать, скрѣпя сердце, далъ онъ ему ступку и пестъ. Но и въ этотъ разъ повторилось тоже, что и въ прошлый. Прошло два дня, прошло три дня, а сосѣдъ и не думаетъ возвращать ступку. Дѣдъ сталъ просто самъ не свой. Должно быть, опять вышло, что нибудь — подумалъ онъ и пошелъ къ сосѣду.

— А что освободилась ступка? — спросилъ онъ. Сосѣдъ, расположившись передъ очагомъ во дворѣ, какъ разъ жегъ въ немъ что-то.

Обернувшись къ дѣду, онъ сказалъ:

— Ступка? Эге, твою ступку я разбилъ, и вотъ, видишь, жгу ее.

— Какъ! Жжешь ступку?

— Ее самое. Когда я принесъ ее отъ тебя, я вовсе не думалъ ее жечь, но видишь ли, опять повалилъ этотъ проклятый собачій пометъ и

перепакости́лъ мнѣ всѣ мои просяныя лепешки. Конечно, я сейчас же разбилъ ее на куски, и вотъ, какъ видишь...

— Опять, значить, пометъ?

— Да еще какъ! Только толкону я пестомъ, а оттуда какъ брызнетъ, какъ брызнетъ... Благодарю покорно, мой домъ вовсе не отхожее мѣсто.

— Эхъ! Что ты и надѣлалъ только. Ну скажи мнѣ, что въ мо́ль такъ и такъ, и я бы далъ тебѣ своихъ лепешекъ взаменъ испорченныхъ. Поторопился ты, поторопился. Ну что жъ! жжегъ, такъ жжегъ, ничего тутъ не подѣлаешь. Нельзя ли по крайней мѣрѣ взять мнѣ пепель.

— О! бери; сколько угодно бери этого самого пепла.

Дѣдъ наложилъ полную корзинку пепла, оставшагося отъ сожженной ступки, и унесъ его домой.

Добродушный по природѣ дѣдъ не злился особенно на софда и покорно подчинился тому, что по его мнѣнію предопределено самой судьбою. Вернувшись домой, онъ безъ всякой задней мысли разсыпалъ въ саду часть принесеннаго пепла. Тутъ опять случилось чудо. Стоявшія до сихъ поръ, съ сухими, оголенными вѣтками, сливы и вишни сразу распустили свои цвѣты и зацвѣли во всей красѣ, несмотря на то, что была вовсе не весна. Видъ былъ такъ красивъ, какъ будто вмѣстѣ соединены были пышныя картины цвѣтенія сливъ и вишенъ въ знаменитыхъ Іосино и Цукигасе³¹⁾. Въ радости захопалъ дѣдъ въ ладоши; онъ былъ чрезвычайно доволенъ; сейчасъ же прибралъ онъ оставшійся пепель и бережно сталъ хранить его.

Прошло нѣсколько времени, и вотъ какъ-то передъ воротами дѣдова дома остановился не виданный въ здѣшнихъ мѣстахъ самурай.

— Позвольте войти, — постучалъ онъ.

— Милости просимъ, — отвѣчалъ дѣдъ, впуская его въ домъ. Самурай началъ говорить.

— Мое имя, Мукаси Ханасиро; я состою на службѣ у его свѣтлости правителя этой провинціи. Съ нѣкотораго времени въ его саду стали сохнуть и портиться вишни, въ которыхъ онъ души не чаетъ. Сколько ни дѣлали разныхъ удобреній, вишни все не поправляются, и самъ садовникъ, у котораго они находятся на попеченіи, просто ума не приложитъ, что съ ними дѣлать.

Его свѣтлость все сердится и сердится, и намъ служащимъ, прямо такъ житья не стало. Теперь онъ услышалъ, что у тебя есть чудесный пепель, благодаря которому у тебя зацвѣли цвѣтами сухія деревья. Если это дѣйствительно правда, то пойдемъ, пожалуйста, сейчасъ же во дворецъ его свѣтлости. Заставъ ты эти вишни зацвѣсти. — Самурай началъ упрасивать дѣда.

Такая неожиданность напугала дѣда. Отвѣсивъ самураю низкій поклонъ, онъ сказалъ:

— Это вѣрно. Все такъ, какъ ты изволишь говорить. У меня есть чудесный пепель, отъ котораго расцвѣли сухія деревья. Развѣ смѣю я противиться желанію его вельможности. Пойдемъ сейчасъ же во дворецъ, и я попробую заставить зацвѣсти эти драгоценныя вишни.

— Благодарю, что не заставилъ долго упрасивать. — Самурай сталъ впереди, дѣдъ со своимъ пепломъ позади его, и оба они живымъ духомъ отправились во дворецъ дайміо³²⁾.

Тамъ, во дворцѣ, дайміо совсѣмъ уже потерялъ терпѣніе. Завидя старика, онъ крикнулъ ему:

— Такъ это ты, тотъ дѣдъ, о которомъ я слышалъ?

Дѣдъ палъ ницъ и съ величайшей почтительностью отвѣчалъ.

— Такъ точно. Я и есть тотъ самый презрѣнный старый пачкунъ. По твоему милостивому приказанію я явился, оксерняя своимъ присутствіемъ твою вельможность. Я счастливъ и не знаю, какъ благодарить тебя за такую высокую честь. — Тогда дайміо оныя обратился къ дѣду.

— Заставъ поскорѣ своимъ пепломъ зацвѣсти засохшія деревья цвѣтами, а мы соизволимъ посмотреть. — Дайміо не терпѣлось, и онъ понуждалъ дѣда.

Исполняя его приказаніе, дѣдъ живенько изготовился.

— Съ позволенія твоей вельможности, — сказалъ онъ и, охвативъ рукою ведро съ пепломъ, тихонько подошелъ къ вишнѣ. Выбравъ мѣсто, онъ вскарабкался по стволу на дерево; тамъ онъ усѣлся на вѣткахъ и, наметивъ глазами вершину дерева, выпнулъ туда заранѣе захваченную пригоршню пепла. Не успѣлъ онъ сдѣлать этого, какъ небывалое чудо! Сухія доселѣ, какъ хворостъ для топлива, вѣтки въ мгновеніе ока зацвѣли цвѣтами до такой красоты, что просто глазъ не оторвать. Какъ не обрадоваться было при видѣ этого дайміо. Онъ чуть съ ума не

сошелъ и даже привскочилъ отъ радости. Такъ какъ все это сдѣлалось, благодаря дѣду, то его свѣтлость сейчасъ же призвалъ его предъ лицо свое и поднесъ ему добрую чарку изъ собственныхъ свѣтлѣйшихъ рукъ своихъ. Затѣмъ, осыпавъ его всяческими похвалами, онъ въ изобилии одарилъ его за это дѣло, золотомъ, серебромъ, красивыми одеждами, утварью, всѣмъ, что было лучшаго, и, наконецъ, сказалъ, что съ нынѣшняго дни онъ будетъ называться дѣдъ Ханасака²³⁾. Получивъ такое знаменательное имя, дѣдъ былъ необыкновенно обрадованъ и ушелъ изъ дворца его свѣтлости, чувствуя себя наверху почета и славы.

А что же сосѣдъ? Этотъ завистливый старикашка потерпѣлъ неудачу во всѣхъ своихъ планахъ. На кладѣ, который онъ рассчитывалъ найти при помощи Сиро, онъ ожегся; думалъ, было, что взятая взаимно у дѣда чудесная ступка засыплетъ его лепешками, такъ и тутъ сѣлъ хорошій грибъ... Всюду и вездѣ получалъ онъ только, пометъ да пометъ. Этотъ пометъ довелъ его прямо таки до бѣлаго каленія, и старикашка, не переставая, брюзжалъ, сердясь на свои неудачи. Но тутъ до него дошли слухи, что живущій рядомъ съ нимъ дѣдъ ходилъ во дворецъ даймю, что тамъ онъ оживилъ и заставилъ зацвѣсти цвѣтами засохшія деревья, за что и получилъ прозвище дѣда Ханасака, да, кромѣ того, еще былъ награжденъ и щедро одаренъ прекрасными подарками. Пуше еще взяла старикашку зависть, и онъ рѣшилъ разузнать хорошенько, въ чемъ тутъ дѣло. Оказалось, что цвѣты расцвѣтаютъ отъ пепла той самой ступки, которую онъ самъ же сжегъ нѣсколько времени тому назадъ.

— Такъ вотъ оно въ чемъ штука, — началъ онъ говорить самъ съ собою, — цвѣты расцвѣтаютъ отъ этого самаго пепла. Ну ладно; пепла мнѣ даже незначѣтъ и просить у дѣда; его осталось еще малость у меня самого. — Живенько повыскребъ онъ весь пепелъ изъ очага, бережно ссыпалъ его въ ведро и, лучше уже было бы ему не дѣлать этого, пошелъ толкаться съ нимъ по люднымъ, мѣстамъ выкрикивая:

— Я знаменитый дѣдъ Ханасака, заставляющій цвѣсти цвѣтами сухія деревья.

Случилось такъ, что его крики услышалъ тотъ самый даймю.

— Эге! Да, кажется, опять пришелъ дѣдъ Ханасака, что былъ здѣсь.

Отлично. Намъ какъ разъ немного скучновато. Позабавимся-ка, посмотримъ еще разокъ, какъ это онъ заставлялъ расцвѣтать. Эй, позвать его сейчасъ же сюда! — приказалъ онъ. Вассалы кинулись исполнять его приказаніе и тотчасъ же привели старика.

— Ну, клюнуло значить, — обрадовался старикъ, и довольный предсталъ предъ его свѣтлостью. Даймю взглянулъ на него, и что то показало ему въ старикѣ сомнительнымъ.

— Это ты кричалъ только что передъ воротами, что ты дѣдъ Ханасака?

— Такъ точно — я самый.

— Гм..., Тутъ что то странное. Я думалъ, что на свѣтѣ одинъ только дѣдъ Ханасака... Ага, ты, значить, его ученикъ.

— Смѣю доложить, что нѣтъ. Я самый главный дѣдъ Хана-саки, а тотъ, что имѣлъ честь быть здѣсь во дворцѣ, такъ онъ отъ меня уже.

— Ну, если ты самый главный, такъ это очень интересно; у тебя, значить, должно выйти еще лучше. Кстати, вотъ есть сухія деревья, покажи-ка свое искусство.

Получивъ это милостивое приказаніе, старикашка очень обрадовался, что случай удался такъ ловко. Тотчасъ же подошелъ онъ къ сухому дереву, захвативъ добрую пригоршню пепла, и, крикнувши, сыпнулъ имъ съ размаху... Дерево осталось такимъ же сухимъ, какъ и было; на немъ не появилось ни единой почки.

— Мало, значить, — подумалъ старикъ и сыпнулъ еще пригоршню. Дерево по прежнему. Онъ сыпнулъ еще, еще, еще... давай засыпать его, что было только силъ, но цвѣты и не думаютъ распускаться. Въмѣсто этого разлетѣвшійся во всѣ стороны пепель, перепачкалъ все, что было въ саду, и набился дайміо въ глаза и носъ, такъ что его свѣтлость не выдержалъ и, придя вдругъ въ бѣшенство, страшно закричалъ:

— Ахъ ты паршивый старикашка, самозванный дѣдъ Хана-сака! Ловко же провелъ ты меня, негодная тварь. Взять его!

Повинуясь строгому приказу, самураи схватили старикашку, скрутили ему руки за спиной и бросили его въ темницу.

А дѣдъ, отъ вырытаго клада, да отъ пожалованныхъ еще въ награду его свѣтлостью даровъ все богатѣлъ да богатѣлъ и зажилъ онъ себѣ въ довольствѣ, счастья и почетѣ извѣстный всему свѣту подъ именемъ дѣда Ханасака.

Оеяма.

Давно, давно то было. Одно смѣняя другое, шли поколѣнія земныхъ царей.

Въ шестьдесятъ шестое царствованіе, во время божественнаго царя Ицидзю-тенно ³⁴⁾ жилъ, былъ великій военачальникъ Минамото Райко (Юримичу) ³⁵⁾. У него на службѣ состояли, какъ четыре хранителя неба ³⁶⁾, четыре храбрыхъ самурая ³⁷⁾: Усуи Садамицу, Саката Кинтоки, Урабе Суетаке и Ватанабе Цуна. Всѣ они были такъ храбры, такъ сильны, что каждый изъ нихъ въ одиночку могъ бы сразаться противъ тысячи человѣкъ.

Какъ разъ въ это время въ мѣстности Оеяма ³⁸⁾ провинціи Тамба жилъ страшный чортъ по имени Сютенъ Додзи ³⁹⁾. По временамъ онъ принималъ человѣческій образъ и появлялся въ столицѣ (тогда Кіото). Тамъ онъ похищалъ знатныхъ юношей, гордость и надежду родителей, дѣвушекъ, ихъ радость и утѣшеніе, уводилъ въ свое логовище и обращалъ ихъ въ слугъ, а потомъ, разрывая ихъ надвое, отрывалъ руки и ноги и всѣхъ ихъ пожиралъ.

Случилось, что у одного изъ царевыхъ совѣтниковъ, Икеда Купитака, исчезла изъ дому единственная дочь, въ которой и мать и отецъ души не чаяли, исчезла совсѣмъ, неизвѣстно куда. Обратились къ гадателю; онъ объявилъ что дѣвушка похищена этимъ самымъ чортомъ. Въ домѣ поднялся ужасный переполохъ; всѣ отъ мала до велика были въ страшномъ горѣ. Самъ совѣтникъ пересталъ ходить на службу и только и дѣлалъ, что съ утра до вечера оплакивалъ свою погибшую дочь. Наконецъ, слухи объ

этомъ дошли до самаго царя. Страшно разгнѣвался божественный царь, узнавъ про такое дѣло.

— Это изъ рукъ вонъ что такое! — говорилъ онъ. — Мало того, что этотъ наглый чортъ поселился въ моей Японіи безъ моего позволенія, но онъ же еще осмѣливается похищать, когда ему заблагоразсудится, людей изъ этой самой моей столицы, моихъ приближенныхъ. Неужели нѣтъ никакой управы на эту подлую тварь? Неужели не найдется никого, чтобы сокрушить и уничтожить этого чорта, отомстить ему за всѣхъ, успокоить мое сердце?!

Услышавъ такія царскія слова первый министръ ⁴⁰⁾ почтительно доложилъ:

— Не мало нынѣ славныхъ самураевъ въ странѣ, но врядъ ли кто изъ нихъ сможетъ послужить эту службу, кромѣ Райко, сына Тада Мандзю изъ рода Минамото. Хорошо бы призвать его и дать царское твое повелѣніе уничтожить чорта.

Обрадовался царь.

— Да, до меня дошли слухи, что этотъ Райко извѣстный богатырь; такой, какъ онъ, отлично управится не только съ однимъ, но и съ двумя чертями — изволилъ изречь онъ и, призвавъ Райко, милостиво повелѣлъ ему отправиться и сокрушить чорта.

Недоумывая, зачѣмъ бы это его такъ спѣшно изволилъ требовать къ себѣ царь, немедленно прибылъ Райко во дворецъ и, удостоившись получить царское повелѣніе сокрушить

чорта, сейчасъ же оставилъ дворецъ, чтобы исполнить приказаніе.

— Но, подумаль онъ, противникъ этотъ совѣмъ не то, что противникъ изъ людей. Это самый страшный чортъ въ мірѣ. Самое лучшее — это не итти на него прямо съ цѣлымъ войскомъ, а выбрать нѣсколько человекъ самыхъ доблестныхъ витязей и, проникнувъ съ ними въ переодѣтомъ видѣ, чтобы онъ и подозрѣвать ничего не могъ, въ его жилище, напасть на него обманымъ образомъ и нанести ему ударъ врасплохъ.

Сейчасъ же призвалъ онъ своихъ четырехъ витязей: Цуна, Кинтоки, Садамицу и Суетаке, да еще пятого самурая Хиральтъ

Хосіо. Условившись насчетъ плана дѣйствія, всѣ они шестеро, начальникъ и пятеро подчиненныхъ, отправились въ походъ на логово Сютенъ Додзи въ Ое-яма. Передъ походомъ они рѣшили сходить на поклоненіе синтоистическимъ ⁴¹⁾ и буддѣйскимъ ⁴²⁾ божествамъ и помолиться имъ, чтобы они оказали свою божественную помощь и укрѣпили ихъ.

Райко и Хосіо отправились ко храму Хацимана ⁴³⁾ въ Отокояма; Цуна и Кинтоки въ синтоистическій храмъ въ Суміюси ⁴⁴⁾, а Садамицу и Суетаке пошли ко храму въ Кумано ⁴⁵⁾. Усердно молились самураи, прося чтобы воинское счастье и удача не покидали

ихъ. Затѣмъ Райко принялъ начальство надъ пятью остальными самураями.

Одѣты всѣ они были горными отшельниками. На головахъ у нихъ были надѣты монашескія шапочки; плащи грубаго холста покрывали тѣло. Шлемы, брони, налокотники поножи и прочіе доспѣхи были припрятаны въ дорожныхъ котомкахъ, которыя каждый несъ самъ на спинѣ. Въ одной рукѣ длинный и толстый монашескій посохъ, въ другой четки. На ногахъ грубая соломенная сандалии. Смирно и степенно двигались они, безобидные монахи. Кому могло прийти на умъ, что это идетъ на битву съ чортомъ тотъ самый Райко, которому нѣтъ равнаго по всей Японіи? Да! Лучше даже, чѣмъ черти, умѣютъ перемѣнять свой видъ и являться въ другомъ образѣ люди.

Весь отрядъ изъ столицы направился прямехонько въ Тамба. Разузнавъ, гдѣ находится жилище чорта, подошли воители къ подножію Оеяма. На этой горѣ жилъ чортъ, и, разузнется, крута и обрывиста была она до умопомраченія. Дорога безконечно уходила въ гору, и вся загромождена была утесами и скалами, такими громадными, такими крутыми, что шапка валится смотрѣть на нихъ. Густо, какъ лѣсъ, разросшіеся великаны деревьевъ, сплетаясь вѣтвями, нависали надъ головой непроходимымъ сводомъ, и было такъ мрачно, такъ темно подъ ними, что днемъ даже нуженъ былъ фонарь. Съ бѣшеннымъ ревомъ и грохотомъ неслись клокочущія воды по дну ущелій, и голова кружилась, если заглянуть въ ихъ бездонную глубину. Даже такимъ могучимъ богатырямъ, какъ Райко и его соратники, и тѣмъ бывало подчасъ не въ моготу.

Время отъ времени присаживались они на корняхъ деревьевъ пере- вести дыханіе и, почерпнувъ рукою воды изъ горнаго потока, промачивали свои пересохшія глотки. Ободрая другъ друга, проникали они шагъ за шагомъ все дальше и дальше въглубь.

Но вотъ на пути имъ стали вдругъ совершенно неожиданно, выступивъ изъ подъ нависшаго утеса, три дряхлыхъ старца. Райко обладалъ не только мощью и силой, но и умомъ, проницательностью; конечно, онъ сейчасъ же насторожился.

— Эге, — подумалъ онъ, — скоро же эти горные черти про- нюхали про нашъ походъ. Теперь они приняли образъ почтен- ныхъ старцевъ; думаютъ, должно быть, поймать насъ въ ловушку,

заставить насъ проглотить то самое угощеніе, что мы приготовили для нихъ. А ну-ка, глядите въ оба! — подмигнувъ онъ своимъ соратникамъ и пошелъ впередъ къ старцамъ, готовый каждый моментъ вступить въ бой. Старцы сейчасъ же замѣтили это.

Подойдя къ Райко, они отвѣсили ему низкій почтительный поклонъ, и одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Добро пожаловать, добро пожаловать. Не думай объ насъ чего нибудь такого. Одинъ изъ насъ изъ провинціи Сетцу, дру- гой изъ Киі, а я житель изъ окрестностей столицы. Были у насъ прежде нѣжнлюбимыя жены и дѣти, но похищены они чортомъ Сютенъ Додзи, что живетъ на этой горѣ. Отъ скорби, горя и печали стали мы такими, какъ видишь ты насъ, дряхлыми, не- мощными, ни на что негодными стариками. Давно уже находимся мы здѣсь, давно уже поджидаемъ прихода вашего. Смирненно просимъ неотступно молимъ мы тебя: сокруши ты этого Сютенъ Додзи, отомсти за женъ, за дѣтей нашихъ. — Много еще гово- рилъ старецъ, упрашивая Райко. Выслушавъ его внимательно Райко, сказалъ:

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло! Ну не скрою тогда отъ васъ и я ничего.

Мы удостоились высокой чести получить отъ божественнаго государя нашего повелѣніе отправиться и разгромить чертей. И не будь даже вашей просьбы, мы тогда только вернемся, когда со- вѣмъ сокрушимъ Сютенъ Додзи. Знайте то и не беспокойтесь; все будетъ, какъ должно быть. — Обрадовались старцы, слыша такія рѣчи.

— Благодаримъ тебя за отвѣтъ этотъ. А теперь вотъ что. Это вотъ вино называется симбенкидокусю ⁴⁾). Когда его пьютъ люди, то нѣтъ подкрѣпляющаго средства лучше его, но если выпьютъ его черти, то тутъ же сама собою пропадаетъ у нихъ вся сила ихъ. Оно потому и названо симбенкидоку, что имѣетъ свойство помогать людямъ, какъ богами ниспосылаемая помощь, и въ тоже время лютый ядъ оно для чертей, вино это. Мы преподносимъ его вамъ. Напайте имъ Сютенъ Додзи и легче легкаго управитесь вы съ нимъ. — Тутъ онъ изъ рукъ въ руки передалъ Райко кувшинчикъ съ виномъ.

Въ тотъ же мигъ распространилось отъ старцевъ сіяніе, и они всѣ три, какъ были исчезли въ облакахъ.

Ахнули только отъ изумленія Райко и его товарищи, увидѣвъ это. Всплеснувъ руками, Райко сказалъ:

— Какое чудо! Можно развѣ сомнѣваться, что эти три старца, такъ чудесно явившіеся намъ, никто иной, какъ тѣ самые боги, которымъ съ глубокой вѣрою молились мы передъ походомъ. Тотъ, что изъ Сетцу — это богъ храма въ Суміюси, старецъ изъ Кио — богъ храма въ Кумано, а тотъ, что говорилъ, будто живетъ въ окрестностяхъ столицы Киото, никто иной, какъ богъ войны, Хациманъ, изъ храма въ Отокояма. Да, такъ, совершенно такъ. И вотъ они пожаловали намъ это божественное вино, чтобы укрѣпить въ насъ бодрость и мужество. Преклонимъ же колѣна наши, возблагодаримъ ихъ. — Тутъ всѣ они пали ницъ и стали молиться, распростершись на землѣ. Затѣмъ взяли они кувшинчикъ съ виномъ, спрятали его въ котомку и съ бодрымъ духомъ, съ надеждой въ душѣ двинулись въ дальнѣйшій путь.

И безъ того мощный и сильный Райко, теперь получивъ такую поддержку, такую помощь боговъ, сталъ еще сильнѣе, еще мощнѣе. Онъ сталъ, какъ говоритъ пословица, словно «железная палица, которую и чорту не смѣять»!). Берегитесь, черти; гроза идетъ на васъ!

Шли такъ они себѣ помаленьку да помаленьку, и вотъ на берегу одной горной рѣчки увидели молодую, знатнаго на видъ рода, дѣвушку.

Заливаясь горячими слезами, не смѣя даже громко

плакать, полоскала она въ рѣчкѣ окровавленные одежды. Райко подошелъ къ ней.

— Послушай, дѣвица, сказалъ онъ, я слыхивалъ, что эта горалоговище чертей. Что дѣлаешь здѣсь ты, такая молодая?

Дѣвушка съ изумленіемъ посмотрѣла на Райко.

— Да, отвѣчала она, здѣсь на этой горѣ живутъ черти. Это вѣрно. И никто изъ людей по доброй волѣ не заходитъ сюда. Какимъ образомъ попали сюда вы сами? Райко не сталъ таиться.

— По повелѣнію царя нашего пришли мы сюда на битву съ чертями, сокрушить и уничтожить ихъ совсѣмъ. Не успѣлъ еще и договорить онъ всего, какъ дѣвушка радостно кинулась къ нему.

— О, благодарю, благодарю! Значить ты Райко, о которомъ слыхала я уже давно. Ну теперь я покойна. Я буду вамъ проводникомъ. Разгромите только этихъ злющихъ чертей. Она быстро пошла впередъ.

Воины шли слѣдомъ за дѣвушкой, этой одной, какъ они вѣрно угадали, изъ жертвъ Сютенъ Додзи. Стали подыматься по дорогѣ въ гору. Вдругъ прямо противъ нихъ показались желѣзные ворота. У воротъ стояли на часахъ, опираясь на желѣзные палицы, съ одной стороны красный, а съ другой черный, черти. Дѣвушка обернулась къ Райко и его витязямъ.

— Это и есть жилище чертей, вотъ то, что видится тамъ впереди.

Когда войдешь во дворъ, тамъ будетъ желѣзный теремъ. Назвать его царскимъ дворцомъ будетъ, пожалуй, много, но все же онъ такъ хорошъ, что не уступитъ любому дворцу. Вотъ тамъ то и собираетъ Сютенъ Додзи похищенныхъ имъ изъ столицы и другихъ мѣстъ насъ, молодыхъ дѣвушекъ, и пируетъ что ни день, что ни ночь. А его вино—дымящаяся людская кровь, а его закуска—теплое человѣчье мясо. Сколько пожралъ онъ до сихъ поръ моихъ подругъ, такъ я и счетъ уже потеряла. Я и сама тоже не рассчитывала уже остаться въ живыхъ, но вотъ встрѣчалась съ вами... жизнь свою обрѣла я теперь. Можетъ ли быть радость больше этой!

Разговаривая по пути, подошли они къ воротамъ. Дѣвушка съ самымъ простодушнымъ видомъ обратилась къ стоявшимъ на стражѣ чертямъ:

— Эти люди сбились въ горахъ съ дороги и сильно измучились. Мнѣ стало жаль ихъ; вотъ я и пригласила ихъ сюда, чтобы имъ отдохнуть немного.

Черти-стражники взглянули на пришедшихъ съ дѣвушкой людей. Имъ и въ голову не приходило, что это самъ Райко со своими богатырями.

— Эге, подумали они, да никакъ сама закусочка пришла къ намъ; да еще вонъ какой кучей привалили; ну будетъ надъ чѣмъ потѣшиться нашей братіи. Они только ухмылялись втихомолку. Что же! ты хорошо сдѣлала, что привела ихъ сюда. Ну, vedi ихъ въ палаты, да доложи старшинѣ, отвѣчали они.

— Идешь! подумалъ Райко и его воины, видя, что черти не сердятся. Переглянувшись, они безъ всякихъ дальнѣйшихъ препятствій прошли въ самое обиталище чертей.

Затѣмъ ихъ ввели въ палаты. Сютенъ Додзи, какъ и надо ожидать, сидѣлъ впереди на почетномъ мѣстѣ. Ростомъ онъ былъ въ косую сажень. Рыжіе волосы его похожи были на метлу, что дѣлается изъ коры пальмы скоро ⁴⁵⁾. На немъ была одежда изъ клѣтчатой матеріи и яркокрасные шаровары. Онъ сидѣлъ, опершись на подлокотники и медленно поглядывая кругомъ, вращая своими громадными, какъ тарелки, глазами. И такъ страшенъ былъ онъ видомъ, что, при одномъ только взглядѣ на него, волосъ становится дыбомъ у малодушнаго человѣка, и душа уходила въ пятки.

Увидѣвъ это чудовище, Райко сообразилъ, что это и есть самъ Сютенъ Додзи и, желая усыпить какъ можно больше, подозрѣнія врага, онъ смиренно отвѣсилъ ему нижайшій поклонъ. Надменню посмотрѣлъ на него Сютенъ Додзи:

— Кто вы такіе, я не знаю. Но уже если вы забрались на эту гору, добро пожаловать, — сказалъ онъ.

— Мы, отвѣчалъ почтительно Райко, отшельники съ горы Хапура въ Дево ⁴⁶⁾. До сихъ поръ мы безотлучно жили на вершинѣ горы, а теперь вздумали побывать въ столицѣ, да сбились какъ то съ пути и въ концѣ концовъ попали сюда. Извини, пожалуйста, что надѣлали тебѣ хлопотъ.

— Ну, что тамъ за хлопоты. А вотъ что съ дороги сбилось, такъ это дѣйствительно неприятно, жаль мнѣ васъ. Ну, успокойтесь, отдохните здѣсь хорошенько. Да вотъ хватите-ка по стаканчику. Извините только ужъ; чѣмъ богаты, тѣмъ и радъ.

Онъ отдалъ приказанія подручнымъ чертямъ. Тотчасъ же отодвинута была перегородка сосѣдней комнаты, и оттуда вышли похищенные изъ столицы и отовсюду красивая знатная дѣвушки. Они принесли кувшины съ виномъ, угощеніе, и поставили это передъ Райко. Райко рѣшилъ воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ. Доставъ изъ котомки кувшинчикъ съ чудеснымъ виномъ симбенкидоку, пожалованный тремя божественными старцами, онъ сказалъ обращаясь къ Сютенъ Додзи:

— Не изъ важныхъ вино это, совѣстно даже и предлагать его тебѣ, но мы постоянно пьемъ его въ пути для подкрѣпленія силъ. Боюсь, что оно не понравится тебѣ, но все же не откажи сдѣлать намъ честь выкушать стаканчикъ. Сдѣлай такую милость. — Додзи обрадовался.

— Благодарю на любезномъ угощеніи. Что же! отъ стаканчика не откажусь, отвѣчалъ онъ, подставляя громадную чару.

— Налей-ка! приказалъ Райко, подмигивая Хосіо; Хосіо до краевъ налилъ чару, которую Сютенъ Додзи осушилъ однимъ духомъ.

— Удивительно вкусно, сказалъ онъ, прищелкивая языкомъ. — А ну-ка еще пашечку! — Замѣтивъ, что вино ему понравилось, Райко очень обрадовался, но не подалъ и вида.

— Я счастливъ, что тебѣ по вкусу пришлось наше убогое угощеніе, а теперь мы повеселимъ тебя, сказалъ онъ, и на-

чалъ плясать передъ Сютенъ Додзи, заставивъ въ тоже время своихъ воиновъ пѣть пѣсни.

И Сютенъ Додзи и всѣ его подчиненные черти пришли въ восхищеніе. Ихъ очень забавляли эти неизвѣстно откуда взявшіеся весельчаки.

— Жалкіе люди! Они угощаютъ виномъ, поютъ пѣсни, пляшутъ, а того и не подозреваютъ, бѣдняги, что всѣ они будутъ убиты и сожраны, шушукались черти и, не переставая, тянули, да тянули вино.

Симбенкидокусю оказало свое дѣйствіе даже на такого, какъ Сютенъ Додзи; онъ началъ сильно клеветать носомъ. Остальные черти тоже. Одинъ свалился тутъ, другой тамъ. Храпѣли въ одномъ углу, храпѣли въ другомъ. Всespало, ткнувшись, гдѣ попало и какъ попало, словно сваленная въ беспорядкѣ рыба на рыбномъ торжищѣ.

— Пора! подмигнули другъ другу витязи, видя, что пришло время. Живо подоставали они изъ своихъ котомокъ племени, брони и быстро, безшумно облачились въ доспѣхи. Затѣмъ въ горячей молитвѣ богамъ покровителямъ преклонили всѣ они колѣна.

Вдругъ откуда ни возмись опять появились передъ ними тѣ самые три божественныхъ старца,

боги Суміюси, Кумано и Хацимана, которые являлись имъ уже разъ.

— Теперь Додзи скованъ по рукамъ и ногамъ. Нападайте на него безбоязненно. Ты, Райко, руби ему голову, а другіе пусть рубятъ руки и ноги. Затѣмъ уничтожайте до послѣдка прочую челядь.

Преподавъ подробныя наставленія, старцы тутъ же скрылись. Радостью преисполнилось сердце Райко. Ницъ палъ онъ и всѣ витязи, молясь вслѣдъ вознесшимся богамъ. Вставъ съ колѣнъ, смочили они слюною заклепки рукоятокъ у мечей, чтобы не

соскочили съ клинковъ, и одинъ осторожнѣе другого, тихохонько, на ципочкахъ стали подходить къ спящимъ чертямъ.

Теперь это были уже не прежніе смиренные отшельники. Грозно-мошными, блестящими витязями смотрѣли теперь всѣ они, съ ногъ до головы облеченные въ ратные доспѣхи. Самимъ небеснымъ дьяволамъ и тѣмъ не устоять бы передъ этой кучкой могучихъ богатырей.

Какъ не возрадоваться было плѣнницамъ при видѣ такой, точно съ неба, свалившейся помощи? Теперь Райко сокрушить чертей и вернуть насъ матерямъ нашимъ, въ столицу, — шептали онъ, молитвенно сложивъ руки, и слезы радости застилали глаза ихъ.

Тѣмъ временемъ Райко обнажилъ свой длинный, сверкающій каленый мечъ и подошелъ къ Додзи. Страшный взмахъ, и глубоко вонзился мечъ въ толстую, какъ бочка, шею чорта. Бѣшено заревѣлъ получившій неожиданный ударъ Сютенъ Додзи, и, вскочивъ, ринулся на Райко, готовый тутъ же пожрать его съ головою, не посоливши даже. Но чуднымъ свѣтомъ сверкнула звѣзда на шеломахъ Райко, и устранился Додзи грозновеличаваго вида могучаго витязя. Не смѣя приблизиться къ нему, онъ началъ изрыгать изъ пасти пламя. Еще взмахъ тяжелаго меча, и грузно рухнула на землю голова Додзи. Онъ испустилъ духъ.

На шумъ проснулись всѣ черти и заметались во всѣ стороны. Имъ некогда уже было схватиться за свои желѣзные палицы, и, какъ были, съ голыми руками кидались они на Райко и его богатырей, скаля клыки. Покряхтывали только витязи, разя чертей своими страшными мечами. Съ обычнымъ мужествомъ и мощью разили они ихъ направо и налево, и черти, черти даже, не могли устоять передъ этими грозными воителями. Еще немного, и отъ чертей не осталось ни одного. Въмѣсто чертей были здѣсь теперь только люди, плѣнные дѣвушки, не знавшія, какъ и выразить свою радость.

— Хорошо расправились съ чертями!

— Ахъ, Райко, Райко, Райко!

— Благодаримъ, благодаримъ!

— Какая радость! хоромъ восхваляли онѣ Райко, осыпая его благодарностями. Стоны чертей заглушались радостными человеческими голосами.

Сокрушивъ Сютенъ Додзи, Райко сейчасъ же, не медля ни минуты, вывелъ изъ Оеяма плѣнницъ, уцѣлѣвшихъ еще отъ зубовъ чертей и, возвратившись благополучно въ столицу съ головою убитаго имъ Сютенъ Додзи, которую несли четыре его вѣрныхъ самурая, предсталъ предъ свѣтлыя очи царя, сына, неба.

Несказанно радъ былъ божественный государь, а еще больше родители возвращенныхъ дѣвушекъ. Такое счастье имъ и во снѣ не снилось. Далеко пронеслась слава о Райко; имя его было на устахъ у всѣхъ; даже по заходустнымъ деревнямъ говорили о немъ; всѣ называли его первымъ витяземъ Японіи.

И теперь еще изображеніе его неизмѣнно украшаетъ собою высокопарящія въ небесахъ бумажные змѣи.

Воробей съ обрѣзаннымъ языкомъ.

Давнымъ давно жили-были въ одномъ мѣстѣ старикъ да старуха. Старикъ былъ добрейшей души. Давно уже приручилъ онъ къ себѣ воробья и, не имѣя дѣтей, привязался къ нему всей душою, любя его, какъ собственного ребенка.

Однажды старикъ, взявъ свой серпъ и плетушку, отправился въ горы нарѣзать хвороста для топлива, а въ его отсутствіе старуха занялась мытьемъ одежды у колодца. Задумавъ подкрахмалить одежду она пошла въ кухню за крахмаломъ, который нарочно заготовила для этого ⁵⁰). Глядь, а крахмала, какъ не бывало; отъ него остался одинъ только пустой горшокъ.

— Что за причта! — подумала она. — Куда же бы это онъ могъ дѣваться, кто могъ взять его? Столько возилась я надъ этимъ крахмаломъ.

Поди жъ ты! — Старуха не знала просто, что и дѣлать, и только съ недоумѣніемъ оглядывалась во всѣ стороны. Вдругъ изъ клѣтки, которая стояла тутъ же раздался голосъ воробья:

— Что ты ищешь, бабушка?

— Да вотъ крахмаль; только передъ этимъ былъ онъ здѣсь; ума не приложу, куда это могъ онъ дѣваться.

— Крахмаль?

— Да, крахмаль.

— Это я его съѣлъ.

— Ты съѣлъ? Мой крахмаль?

— Да, бабушка! Я совсѣмъ не зналъ, что онъ такъ тебѣ нуженъ. Онъ былъ въ томъ самомъ горшкѣ, въ которомъ дается

всегда мнѣ кормъ; я подумалъ, что, значить, можно его съѣсть ну, и прикончилъ его весь. Прости меня, бабушка. Право мнѣ такъ совѣстно, такъ стыдно, что это случилось. — Честный воробей откровенно сознался въ своемъ промахѣ и, почтительно склонившись головою до дна клѣтки, началъ просить прощенія.

Старуха была права строптивая. Она не только не любила воробья, но напротивъ давно уже считала его лишней обузой въ домѣ. Услышавъ теперь его признаніе, она такъ разсердилась, что глаза у нея готовы были выскочить на лобъ.

— Ахъ, ты негодная тваринка, этакая! Я такъ трудилась надъ этимъ крахмаломъ, а ты сожралъ его весь, до послѣдка. Ну ладно, проучу же я тебя. — Тутъ схватила она ножницы и вытщила изъ клѣтки воробья, который съ плачемъ все еще продолжалъ просить прощенія.

— Такъ ты ѣлъ клей вотъ этимъ самымъ языкомъ! — закричала она, и безъ всякаго сожалѣнія отхватила ему напрочь языкъ у самого корня. — Вотъ такъ; теперь хоть на душѣ все-же полегчало, — продолжала она. — Убирайся, куда знаешь съ глазъ моихъ, поганая!

Старуха выгнала воробья вонъ изъ дому.

Старику и во снѣ не снилось, что творится дома. Нарѣзавъ въ горахъ побольше хвороста, сдѣлавъ все, что ему надо было, онъ размечтался о томъ, какъ это онъ вернется домой къ своему любимцу воробью, составлявшему всю его утѣху. Наступилъ вечеръ, и старикъ торопливо зашагалъ домой. Пришелъ. Глядь-поглядъ; клѣтка пуста; любимца воробушки и слѣдъ простылъ. Старикъ удивился.

— Куда дѣвался воробей? — спросилъ онъ у старухи.

— Не знаю, право не знаю, — отвѣчала старуха съ самымъ невиннымъ видомъ.

— Да, вѣдь, его нѣтъ въ клѣткѣ.

— Развѣ? Ну, значить, удралъ куда нибудь. — Она была невозмутима.

Старикъ заволновался.

— Что ты мелешь? Какъ это могъ удрать самъ по себѣ воробей, который такъ привыкъ здѣсь. Ну, конечно, ты, значить, вытурила его, пока меня не было дома. Нечего заператься, признавайся. — Припертой къ стѣнѣ старухѣ оставалось только сознаться во всемъ.

— Да, правда Тутъ безъ тебя онъ сожралъ мой крахмалъ, который былъ мнѣ такъ нуженъ. Въ наказаніе я отрѣзала ему языкъ и выгнала изъ дому. — Старикъ пришелъ въ ужасъ.

— Эхъ ты! Зачѣмъ такъ жестоко? Ну, пусть съѣлъ онъ тамъ твой крахмалъ. Чего же ты хочешь отъ неразумной твари; вѣдь не съ умысломъ же сдѣлалъ онъ это. Конечно, надо было простить его.

А ты что сдѣлала? Отрѣзать языкъ и выгнать изъ дому! Какая жестокость! Будь я дома, конечно, ничего подобнаго не случилось бы. А вотъ меня не было, такъ ты и постаралась тутъ безъ меня изувѣчить его, вытурить.

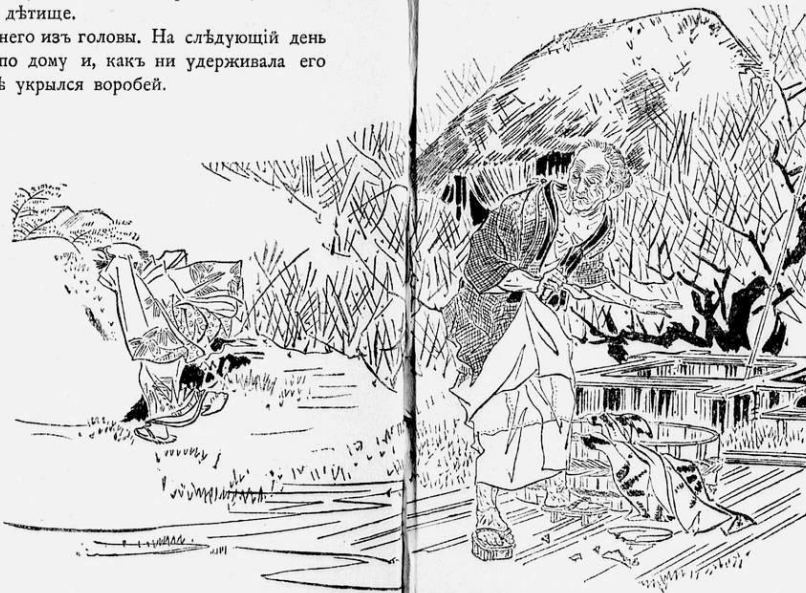
Что-жъ, теперь мнѣ остается только плакать по немъ. — Старикъ залился слезами и громко началъ причитать, словно оплакивая собственное свое дѣтище.

Воробей не выходилъ у него изъ головы. На слѣдующій день онъ бросилъ свою работу по дому и, какъ ни удерживала его старуха, пошелъ искать, гдѣ укрылся воробей.

— Гдѣ ты, воробушка съ обрѣзаннымъ языкомъ? Ципъ... ципъ... ципъ! — Выкрикивалъ онъ и шелъ все дальше и дальше. — Много лѣтъ уже пользовавшійся любовью и заботами старика, воробей сразу же узналъ голосъ своего стараго хозяина. Выпорхнувъ изъ своего жилища онъ вышелъ на дорогу, на встрѣчу старикъ.

— Добро пожаловать, дѣдушка! Какъ хорошо ты сдѣлалъ, что надумался провѣдать меня. — Старикъ обрадовался.

— Такъ вотъ ты гдѣ? Ты не можешь и представить себѣ, какъ я по тебѣ тоскую. Вотъ и пришелъ къ тебѣ.

— Благодарю, дѣдушка, благодарю. Что же мы стоимъ однако здѣсь на дорогѣ?! Неприглядна моя хижина, но милости прошу; не побрезгуй. — Взявъ любезно старика за руку, воробей повелъ его въ свое жилище.

Его обиталище, какъ воробьиное, находилось, конечно, въ рошѣ. Бамбуковые столбы, бамбуковая кровля... но все же оно было очень красиво, это воробьиное жилище. Подойдя къ дому, воробей выступилъ впередъ.

— Милости прошу; сюда пожалуйста! — сказалъ онъ, приглашая старика въ парадныя комнаты. — Ну-съ, — началъ онъ затѣмъ разговоръ, — благодарю тебя, что пожаловалъ ко мнѣ. Я

очень виноватъ передъ бабушкой, что съѣлъ ея крахмалъ, не спросивъ у нея позволенія; думалъ, что ты сильно разсердишься. Но ты не только не упрекаешь меня, а еще и пришелъ провѣдать. Я просто не знаю, какъ и благодарить тебя; плакать готовъ отъ радости; такъ ты обрадовалъ меня этимъ.

— Что ты, что ты! — замаялъ руками старикъ. — Другой можетъ и сталъ бы попрекать тебя, но я, вѣдь, люблю тебя больше, чѣмъ свое собственное чадло. Не ты скверно поступилъ, а моя старуха, отрѣзавшая тебѣ языкъ и выгнавшая тебя изъ дому за такой пустякъ. Съѣлъ крахмалъ... Важность, подумаешь, какая! И поругалъ же я ее вчера. Но ты не повѣришь, какъ я радъ, что вижу тебя въ

добромъ здоровьи. — Старикъ дѣйствительно радовался отъ души.

Воробей съ своей стороны былъ радешенекъ, что его старый благодѣтель пришелъ навѣстить его и всячески старался угодить ему. Сдѣлавъ распоряженіе своимъ домочадцамъ, воробьямъ, на счетъ угощенія, онъ изъ силъ выбивался, чтобы получше попотчевать старика, чѣмъ только былъ богатъ, и послѣ закуски угостилъ его воробьиными танцами, на которые воробы такіе мастера. Старикъ былъ въ восхищеніи.

— Сколько ни живу я на бѣломъ свѣтѣ, — говорилъ онъ, — а отродясь не видывалъ еще такой занятой штуки. — Онъ чувствовалъ себя просто, какъ въ раю. Тѣмъ временемъ стало вечерѣть. Старикъ засуетился.

— Ну, спасибо тебѣ. Я прямо таки помолодѣлъ сегодня. Однако смеркаетъ; пора мнѣ и домой — сказалъ онъ. Воробей началъ удерживать.

— Что ты, дѣдушка! Пусть себѣ смеркаетъ, развѣ ты не можешь остаться ночевать здѣсь. Правда, убога моя хижина, но если не брезгуешь, то оставайся, пожалуйста, живи сколько хочешь. Мнѣ даже совѣстно и говорить о такой ничтожной бездѣлицѣ по сравненію съ тѣми милостями, какими осыпалъ ты меня такъ долго. Останься пожалуйста. Прошу тебя.

— Ты очень любезенъ. Я тронутъ до глубины души, но не годится оставлять домъ безъ хозяина; мнѣ надо непременно вернуться домой сегодня. Я потомъ буду навѣщать тебя; не разъ еще побываю, и ты опять угостишь меня такими забавными шутками, какъ сегодня.

— Итакъ ты непременно хочешь уйти

сегодня. Жаль, очень жаль отпускать тебя. Но ужъ если такъ, то погоди минутку. — Воробей принесъ изъ кладовой двѣ корзины въ видѣ сундуковъ, сплетенныхъ изъ индѣйскаго тростника.

— Мнѣ очень совѣстно, дѣдушка, что я не могу принять и угостить тебя, какъ слѣдуетъ, но я не могу допустить, чтобы ты ушелъ отъ меня съ пустыми руками, безъ подарка.

Вотъ двѣ корзины; одна легкая, другая тяжелая. Возьми пожалуйста, которая тебѣ нравится. Прими этотъ подарокъ отъ меня.

— Что ты! угостишь ты меня честию, да еще подаркомъ. Это ужъ чересчуръ! Но если это доставитъ тебѣ удовольствіе, то съ твоего позволенія возьму.

— Такъ ты берешь вотъ эту, тяжелую?

— Куда тамъ тяжелую!

Годочки-то мои, слава тебѣ, гдѣ же донести мнѣ тяжелую; тутъ хоть бы съ легкой упрямиться, и то ладно.

— Ну, бери легкую. — Воробей взвалилъ старику на спину легкую корзину и пошелъ провожать его до самыхъ воротъ.

— Счастливо оставаться. Спасибо на угощеніи. Я зайду еще какъ нибудь. Прощай.

— Непремѣнно, непременно.

Буду ждать. Счастливаго пути. Будь здоровъ. — Обоимъ жаль было разставаться. Старикъ все оглядывался назадъ

на воробья, который долго, долго еще провожалъ его глазами.

Оставшаяся одна одинѣшенька, дома старуха начала уже сердито ворчать, что старика нѣтъ такъ долго.

— Вѣдь вотъ поди-жъ ты. Не говорила ли я? Ну съ чего, спрашивается, занудилось ему ити отыскивать, гдѣ шатается этотъ шелопаи воробьишка. Э-эхъ, дубовая голова, старикъ мой! Поругиваясь про себя, старуха вышла за ворота выглядывать старика. Вдругъ, впереди, легокъ на поминѣ показался онъ съ корзиной за плечами.

— Что это ты старикъ шатался такъ до поздна? — ворчливо сказала она. Старикъ началъ отирать потъ съ лица.

— Ну, ну, не ворчи. Я доволенешенскъ сегодня. Какъ же! побывалъ у воробья. А это видишь? Еще и подарочекъ получилъ. — Старикъ свалилъ съ себя корзину. — Тамъ было двѣ, — продолжалъ онъ, — одна тяжелая, другая легкая. Мнѣ предлагали любую изъ нихъ, но гдѣ же мнѣ донести тяжелую. Вотъ я и выбралъ себѣ легонькую. Надо открыть ее поскорѣе, да посмотреть, что тамъ такое, а ужъ что нибудь да есть.

— Вотъ какъ! — начала вдругъ ласково улыбаться старуха. — Ну, это ты хорошо сдѣлалъ. А ну, посмотримъ, что за подарокъ такой. — Не предложивъ уставшему отъ дальняго пути старику хоть бы чашечку, какого ни на есть, чая, старуха стремительно кинулась къ корзине и быстро распахла ее. — Есть, есть! — закричала она, заглянувъ внутрь. Чего только и не было въ этой корзине! Было тамъ и золото, было и серебро; были драгоценные камни; красивая одежда, разныя прекрасныя и драгоценныя вещи. Всего, всего было въ изобилии тамъ. При видѣ этого старикъ отъ удовольствія началъ приплясывать, словно передъ нимъ опять начались воробьиныя танцы, которые онъ только что смотрѣлъ; но старуха что-то придумалась и сердито надулась.

— Совсѣмъ ни на что не годишься ты, — сказала она; въ этой корзине и то есть такія прелести; почему не взялъ ты той тяжелой? Простотыля ты, больше ничего.

— Что за чепуху ты

городишь! — отвѣчалъ старикъ. И этого тутъ больше, чѣмъ надо намъ. Нечего жадничать.

— Дуракъ ты, да и только. Ты, значитъ, посмотрѣлъ только, что тамъ есть тяжелая, а взять, взялъ легонькую. Дуракъ, какъ есть дуракъ. Ладно же. Я сама пойду за тяжелой корзиной. Сколько старикъ ни удерживалъ ее, говоря, что она пройдетъ только попусту, что ничего хорошаго изъ этого не выйдетъ, старуха и слышать не захотѣла. Не долго думая, подоткнула она повыше подолъ платья, и, постукивая тростью старика, живымъ шагомъ пошла къ воробьиному жилищу, покрикивая, какъ и старикъ:

Гдѣ живетъ воробей съ обрѣзаннымъ языкомъ? Ципъ... ципъ... ципъ! А воробей, проводивъ старика, заперъ ворота и собравъ затѣмъ всѣхъ домохозяевъ сталъ держать имъ такую рѣчь:

— Славный человекъ этотъ старикъ, что былъ только что. Я ужъ право не знаю, какъ и принять, какъ и угостить, когда онъ еще придетъ. За то и злюка его старуха. Она не пожалѣла меня, обрѣзала языкъ и выгнала изъ дому за то только, что я съѣлъ ее крахмаль.

— Чхи, чхи! — раздалось въ это время снаружи, и кто-то постучалъ въ дверь, спрашивая, — эй! не тутъ ли живетъ воробей съ обрѣзаннымъ языкомъ?

— Кто бы это могъ быть? — подумалъ воробей, открывая дверь. Ба! легка на поминъ; никто больше, какъ сама старуха, рѣзательница языковъ. Какъ ни золь былъ на нее воробей за свой обрѣзанный языкъ, но вспомнивъ, что много лѣтъ онъ пользовался расположеніемъ, любовью и заботами старика, онъ вѣжливо поклонился ей и почтительно привѣтствуя сталъ приглашать ее войти въ домъ. Старуха отказалась.

— Не беспокойся пожалуйста. Я сплшу и сейчасъ же распрошусь съ тобой.

— Ужъ если ты изволила пожаловать ко мнѣ, такъ не откажи посидѣть здѣсь у насъ. Отдохни.

— Некогда мнѣ сидѣть. Угощеніе, воробьиныя танцы, это мы пропустимъ, а вотъ давай-ка сюда поскорѣе прощальный подарокъ; — приступила она прямо къ подарку, безъ всякихъ околичностей.

— Экая жадная баба! — удивился воробей, но конечно не высказалъ этого. — Коли такъ, такъ пусть такъ, — отвѣчалъ онъ, — я дамъ тебѣ подарокъ. Только, видишь ли, легкую корзину унесъ уже старикъ; осталась только одна тяжелая. Мнѣ жалъ...

— Ничего. Я вѣдь не чета старику. Годы мои не старые, сила есть. Это даже пріятно, что она тяжелая. Давай ее сюда скорѣе.

— Подожди; одну только минуточку. — Воробей съ трудомъ притащилъ изъ заднихъ комнатъ тяжелую корзину. Старухѣ этого только и надо было.

— Прощай воробей! И даже не кивнувъ ему, крихтя, взвалила она на спину претяжелую корзину и пошла изъ дома. А тяжеленька была корзина. Она была вдвое тяжелѣе того громаднаго, тяжелаго камня, который дома у себя клала она, какъ гнетъ, когда мариновала рѣдьку. Старуха только пыхтѣла; потъ лилъ съ нея въ три ручья и крупными каплями падалъ со лба.

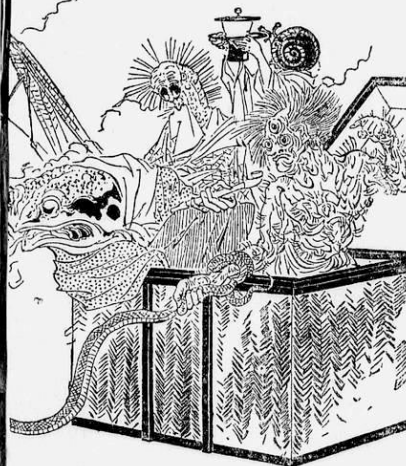
— Гм! — бормотала про себя старуха. — Ужъ коли въ ней такая тяжесть, такъ и добра же должно быть тамъ. — Она заранѣе предвкушала уже удовольствіе и тужилась изо всѣхъ силъ, крихтя подъ тяжелой ношей. Но, наконецъ, ей стало не въ терпежъ. А съ другой стороны ей и хотѣлось поскорѣе посмотреть, что тамъ такое въ этой корзинѣ. И вотъ она рѣшила заглянуть въ нее тутъ же на дорогѣ, не дожидая, пока еще дойдетъ до дома. Спустивъ скорехонько съ плечъ корзину подлѣ дороги, она отерла струившійся потъ и отбросивъ крышку заглянула внутрь. О, ужасъ! Вмѣсто ожидаемыхъ сокровищъ въ корзинѣ оказались страшные гномы ргады⁶¹⁾.

Трехглазый гномъ, огромныя жабы, ехидны, кикиморы, ядовитыя насѣкомыя. Сплетаая одно съ другимъ, кишмя кипѣло все это въ корзинѣ. Страшно вскрикнувъ, въ ужасѣ откинулась старуха назадъ. Услышавъ ея голосъ, гады тихо, медленно начали поднимать свои головы. Шипя вытянула ехидна свою шею и обвилась вокругъ старухи; жабы высунули языки и, чамкая, начали лизать ей лицо. Поднялась ужасная возня. Ни жива, ни мертва крича о помощи опрометью бросилась старуха бѣжать, не слыша подъ собою ногъ, и прикатила домой совсѣмъ почти безъ памяти.

Когда поразсказала она это старику, то онъ ничуть не удивился.

— Вѣдь я же предупреждалъ тебя, — сказалъ онъ. — Всегда такъ бываетъ, когда жадничаютъ. — И онъ принялся читать ей наставленія. Открылись тутъ глаза у старухи; нравъ ея перемѣнился, и стала она такою же доброй, такой же хорошей, какъ и старикъ.

Тавара Тода.

Въ давно минувшія времена былъ великій воинъ по имени Тавара Тода Хидесато. Собственно имя его было Фудзивара⁵²⁾ Хидесато и существуетъ интересное преданіе относительно того, почему его прозвали Тавара Тода.

Однажды Хидесато шелъ себѣ потихоньку по мосту Сета⁵³⁾. Вдругъ путь ему преградилъ огромнѣйшій, какъ срубленная сосна, змій, преспокойно спавшій на мосту, свернувшись клубомъ. Хидесато сначала оторопѣлъ было, но какъ великій, славный воинъ, онъ и не подумалъ испугаться. Спокойно перешагнувъ онъ черезъ змія и благополучно сталъ продолжать свой путь дальше. По пути онъ услышалъ, что его окликаютъ кто-то сзади. Хидесато обернулся. Глядя, а змія на мосту и въ поминѣ нѣтъ. Вмѣсто змія посреди дороги былъ какой-то человекъ, который, касаясь руками земли, отвѣчивалъ Хидесато почтительные земные поклоны. Хидесато удивился.

— Это ты окликалъ меня? — спросилъ онъ человекъ.
— Я самый. Есть у меня къ тебѣ настоящая просьба. Не откажи выслушать ее. — Хидесато кивнулъ головой.
— Выслушать, выслушаю. Но кто ты такой?
— Расскажу все откровенно. Я Драконъ, пребывающій въ этихъ водахъ, подъ мостомъ.

— А! ты Драконъ? Въ чемъ же твоя просьба?
— Да, вотъ въ чемъ. Давно уже живу я здѣсь, подъ мостомъ. У меня большая семья; многочисленное потомство и родственники. Жили мы себѣ припѣваючи, мирно, да тихо. Но вотъ за послѣднее время повадился ко мнѣ Стоногъ⁵⁴⁾, отвратительное чудовище, живущее на этой вотъ самой Микамияма⁵⁵⁾, что видится впереди.

Онъ врывается въ мое жилище и одного за другимъ похищаетъ моихъ сыновей и внуковъ. Я хочу во что бы то ни стало отомстить ему, уничтожить его совсѣмъ. Но это такой Стоногъ, какихъ нѣтъ во всемъ мірѣ. У него цѣлая сотня ногъ, и онъ семь съ половиною разъ обвивается вокругъ Микамияма. Гдѣ же мнѣ тягаться съ нимъ?! Но и оставить этого тоже нельзя. Тогда, вѣдь, онъ пожретъ всѣхъ насъ, всѣхъ родичей, всю мою семью, и меня самого. Положеніе ужасное. Остается одно только: просить помощи у людей. Порѣшивъ на этомъ, я давно уже началъ выходить на мостъ въ своемъ настоящемъ видѣ Дракона и все поджидалъ, не пройдетъ ли какой смѣлый, безстрашный витязь. Но такого не показывалось. Всѣ, кто

началъ выходить на мостъ въ своемъ настоящемъ видѣ Дракона и все поджидалъ, не пройдетъ ли какой смѣлый, безстрашный витязь. Но такого не показывалось. Всѣ, кто

ни проходилъ, въ ужасѣ и въ страхѣ бѣжали, завидя меня въ такомъ образѣ. Я совсѣмъ уже сталъ впадать въ отчаяніе. Вотъ сегодня только ты и не испугался меня, и, смѣло перешагнувъ черезъ меня, спокойно пошелъ дальше. Я замѣтилъ твоё мужество и безстрашіе, и, какъ ни неловко мнѣ затруднить тебя, я рѣшилъ обратиться къ тебѣ съ просьбой. Сжался надо мною, сокруши подлаго Стонога.

Выслушавъ его, Хидесато сказалъ:

— Жаль мнѣ тебя, Драконъ! Хорошо, я пойду на бой и уничтожу Стонога.

— Какъ мнѣ и благодарить тебя; какъ же ты выручилъ меня! Благодарю, отъ души благодарю.

— А гдѣ живётъ Стоногъ?

— Онъ живётъ на Микамияма, но онъ всегда приходитъ въ опредѣленное время. Пока онъ придетъ еще, соблаговоли пожаловать въ мое жилище отдохнуть немного. Драконъ сталъ впереди проводникомъ и, раздѣляя толщу водъ подъ мостомъ, повелъ слѣдовавшаго за нимъ Хидесато въ свой драконовъ дворецъ. Слышавшій о дворцѣ Дракона только по разсказамъ, но видѣвшій его своимъ глазами лишь впервые, Хидесато удивился всему и съ любопытствомъ поглядывалъ по сторонамъ. Тѣмъ временемъ Драконъ отдалъ приказанія своимъ придворнымъ рабамъ насчетъ угощенія и самъ поднесъ Хидесато чару вина.

— Стоногъ придетъ еще не скоро, — говорилъ онъ, — отдохни пожалуйста. Закусимъ. — Начался пиръ.

Собственно дворецъ Дракона ⁶⁶⁾ долженъ находиться на днѣ моря. Это прекрасный дворецъ лучше, даже чѣмъ знаменитый храмъ предковъ Отамая въ Никко ⁶⁷⁾. Столбы въ немъ коралловые, черепица на кровлѣ черепаховая. У всѣхъ обитателей дворца, мужчинъ и женщинъ, на головѣ у каждаго одна изъ морскихъ рыбъ или спрутъ, или камбала, или тай, или фугу. Этотъ же

дворецъ, куда попалъ теперь Хидесато находился подъ мостомъ Сета, или, что тоже, на днѣ озера Бива, и, конечно, долженъ былъ нѣсколько отличаться отъ того дворца, который на днѣ моря. Вмѣсто спрута, камбалы и другихъ, здѣсь расхаживали степенно карпы, пискарь, сомъ и сазанъ ⁶⁸⁾. Вотъ, пожалуй, и все.

Тѣмъ временемъ, пока Хидесато прохладился въ палатахъ дворца Дракона, стало смеркать. Наконецъ, перевалило за полночь. Наступилъ часъ коровы ⁶⁹⁾. Вдругъ впереди показались вдали два огненныхъ сверкающихъ шара, словно два рядомъ поставленныхъ блестящихъ зеркала и понемногу, понемногу стали приближаться ко дворцу. Завидѣвъ ихъ, Драконъ кинулся къ Хидесато.

— Идетъ, идетъ! Это глаза Стонога, вотъ эти огненные шары.

Убей его поскорѣе. Вотъ онъ, все ближе и ближе! — Онъ сильно волновался и совсѣмъ перемѣнился въ лицѣ. Но Хидесато былъ совершенно спокоенъ.

— Такъ это глаза Стонога, огненные шары? Однако не изъ маленькихъ же онъ. Но не зачѣмъ такъ волноваться. Я сейчасъ покоючусь съ нимъ. — Тутъ онъ взялъ въ руки заранѣе еще приготовленные лукъ и стрѣлы. Какъ полный мѣсяцъ, согнулъ онъ тугой рогатый лукъ и, прицѣлившись въ Стонога, спустилъ тетиву. Съ унылымъ свистомъ полетѣла смертоносная стрѣла. Высоко взвилась она въ воздухъ и угодила прямо, куда направлена была, въ темя Стоногу. Но тутъ случилось нѣчто необыкновенное. Со звономъ, безсильно отскочила стрѣла назадъ, не пробивъ даже покрововъ. Жаль! Вторую стрѣлу пустилъ онъ

изъ своего лука, но отскочила и вторая, а Стоногу хоть бы что. Драконъ на смерть перепугался.

— Пропало все, — рѣшилъ онъ, — ужъ если безсильны противъ Стонога даже стрѣлы такого великаго воина. — Полумертвый отъ страха онъ дрожалъ, какъ листъ. Хидесато самъ былъ пораженъ тѣмъ, что его стрѣлы отскочили, не сразивъ Стонога; но тутъ онъ вспомнилъ, что Стоногъ, какъ говорятъ, боится слюны.

— Ладно, — сказалъ онъ — третій разъ всему голова. Теперь не отскочить. — Онъ забралъ въ ротъ остріе стрѣлы и, смочивъ обильно слюною, наложилъ ее опять на тетиву. Призывая имя бога войны Хацимана, вымѣрилъ онъ глазами разстояніе и послалъ каленую стрѣлу въ Стонога. Прямо пошла пернатая и, угодивъ Стоногу въ самую середину темени, вонзилась въ него; только хрюснуло кругомъ.

И удивительное дѣло. Въ тотъ же моментъ загрохоталъ громъ, заревѣлъ и зашвиствѣлъ ураганъ. Поднялся такой сильный, такой ужасный шумъ, что, казалось рушатся и небо, и земля. Драконъ и его подданные въ страхъ только шептали заклинанія. „Кувабара, Кувабара!“⁽⁶⁰⁾, не переставая повторяли они, сбившись всѣ въ углу.

Междутѣмъ шумъ сталъ понемногу стихать; незамѣтно перешла ночь въ день. Разсвѣло и наступила тихая ясная погода. Впереди видна была Микамияма, но на ней не видно уже было огненныхъ шаровъ. Не было и признаковъ такого гада, какъ Стоногъ.

— О, какая радость; итакъ Стоногъ уничтоженъ? — говорилъ Драконъ, выйдя изъ угла и глядя на гору.

— Теперь можешь быть спокоенъ. Вотъ онъ сраженный моей стрѣлою. — Хидесато указалъ на громадный

плававшій на водѣ трупъ. Вся вода кругомъ была совершенно красная, словно тутъ разлили повсюду красную краску, бени⁽⁶¹⁾. Драконъ просто подскочилъ отъ радости и началъ отвѣшивать Хидесато глубокіе, земные поклоны, склоняясь головою до щановокъ, покрывавшихъ полъ.

— Ты отомстилъ за моихъ загубленныхъ родственниковъ. Ты избавилъ насъ и впередъ отъ несчастія, отъ горя. Что можетъ быть радостнѣе этого? Кланяюсь тебѣ, витязь, словъ не хватаетъ у меня выразить благодарность тебѣ! — Онъ плакалъ радостными слезами. И карпъ, и сомъ, и сазанъ, всѣ они подошли къ Хидесато и, почтительно кланяясь, благодарили его.

— Отецъ жизни нашей!

— Ками или хотоке⁽⁶²⁾ ты...

— Первый витязь Японіи! — благодарили, величали и прославляли они его. И не было никого, кто бы не удивлялся его мужеству и воинской удали. Но тутъ Драконъ спохватился.

— Что-же это, однако, мы угощаемъ только словами, — сказалъ онъ. — Ты такъ потрудился со вчерашняго вечера; усталъ навѣрное. Извини, чѣмъ богаты, тѣмъ и радъ. Разрѣши поднести тебѣ чарочку. — Живо отданы были приказанія, и начался пиръ, еще лучше, еще обильнѣе чѣмъ наканунѣ. Одно за другимъ подавались кушанья Хидесато, а въ концѣ пира

самъ Драконъ началъ плясать, чтобы повеселить гостя. Чѣмъ только могъ, старался онъ угодить своему спасителю.

Хидесато сдѣлалъ свое дѣло, сразилъ Стонога, и дѣлать ему здѣсь, во дворцѣ Дракона, больше было нечего. Улучивъ минуту, онъ отставилъ чарку и сказалъ Дракону.

— Неожиданно нагрянулъ я къ тебѣ гостемъ и удостоился такого пира. Но пора и честь знать. Надо мнѣ помаленьку и домой собираться. — Драконъ ужаснулся.

— Что ты! Куда такъ заторопился? Останься, пожалуйста, ну хоть на денекъ одинъ, упрасивалъ онъ; но Хидесато стоялъ на своемъ. Тогда Драконъ сказалъ:

— Ну, если ты непременно хочешь такъ, то насильно удерживать не буду. Только я не могу отпустить тебя такъ съ пустыми руками. Прими этотъ ничтожный знакъ моей благодарности. Это бездѣлица по сравнению съ тѣмъ, что ты сдѣлалъ для меня, но не откажи взять эти подарки для твоего дома. Извини только, что навязываю такую обузу тебѣ на дорогу. — Онъ приказалъ принести соломённый мѣшокъ, полный риса, штуку шелковой матеріи ⁶³⁾, котель и колоколь, и съ глубокой почтительностью вручилъ ихъ Хидесато, который, какъ полагается по приличіямъ, началъ отказываться.

— Ты такъ угощалъ меня, да еще одаривашъ теперь. Я просто скон-

фужень. Я беру ихъ только, чтобы доставить тебѣ удовольствие; беру потому, что такова твоя воля, — говорилъ онъ и, принявъ подарки, пошелъ изъ дворца. Драконъ приказалъ своимъ вассаламъ нести подарки за Хидесато, и самъ пошелъ провожать его до моста. Здѣсь онъ распрощался съ нимъ.

— Прощай, высокочтимый Хидесато. Жаль мнѣ разставаться съ тобою. Но что-же дѣлать, распростимся.

— Прощай, свѣтлѣйшій Драконъ. Благодарю за пріемъ, за все, что сдѣлалъ ты для меня.

— Въ добрый путь, будь здоровъ.

— И тебѣ желаю всякаго благополучія, счастливо оставаться. — Они распрощались.

Вернулся Хидесато со своими четырьмя подарками домой. И

вотъ случилось тутъ чудо. Всего одинъ только былъ мѣшокъ риса, тавара называется онъ, а стали мѣрить рисъ и конца ему нѣтъ; сколько ни высыпаютъ, а тавара все съ рисомъ. Одна только штука шелковой ткани, а сколько ни отрѣзаютъ, все не убываетъ отъ нея, все она уменьшается. Котель тоже; варить самъ по себѣ безъ всякаго топлива. Такія чудесныя, такіа драгоцѣнныя вещи! И Хидесато и всѣ домочадцы были рады и довольны.

Домъ ихъ сталъ богатымъ и знатнымъ.

Наконецъ, молва объ этомъ распространилась повсюду; всѣ заговорили о Хидесато, и за нимъ такъ и установилось прозвище Тавара Тода ⁶⁴⁾.

Изъ подарковъ не обладалъ чудеснымъ свойствомъ, повидимому, одинъ только колоколь. Но такъ какъ такой вещи не мѣсто въ обыкновенномъ домѣ, да и надобности въ немъ не было, то Хидесато пожертвовалъ его въ храмъ въ Міндера⁶⁵). Затѣмъ знаменитый Мусасибо Бенкеи⁶⁶) перетаскивалъ его, говорятъ, на Хіеидзанъ. Теперь онъ въ Міндера, гдѣ его и можно видѣть,

Таково преданіе о Хидесато, прозванномъ Тавара Тода; но о немъ, этомъ Хидесато, есть и другое преданіе.

Хейскій принцъ Масакадо⁶⁷), великій злодѣй, имѣвшій резиденцію на Сарудзима въ провинціи Симоса, задумалъ поднять возстаніе. Желая узнать, что за человѣкъ этотъ Масакадо, Хидесато притворился его сообщникомъ и прибылъ къ его двору. Масакадо былъ очень радъ этому и принялъ его радушно. Они стали обѣдать вмѣстѣ.

Какъ-то по неосторожности Масакадо просыпалъ немного риса изъ чашки, которую держалъ въ рукахъ, и началъ торопливо подбирать его пальцами и класть въ ротъ.

Замѣтивъ это, Хидесато рѣшилъ про себя:

— Такъ вотъ ты каковъ! Нетерпѣливъ и невыдержанъ. Ничего изъ тебя не выйдетъ. Надо удивляться только, что ты поднимаешь возстаніе. — Онъ оставилъ Масакадо и, ставъ послѣ этого въ ряды императорскихъ войскъ, сразилъ мятежника Масакадо стрѣлою изъ своего лука.

Стоногъ съ Микамияма былъ убитъ только третьей стрѣлою; Масакадо погибъ отъ первой же. Онъ оказался слабѣе даже стоножки.

Каци-Каціяма.

Давнымъ давно жили были въ нѣкоторомъ мѣстѣ старикъ да старуха. Неподалеку отъ нихъ жилъ старый, зловерный Тануки⁶⁸). Каждую ночь выползалъ онъ изъ своей норы и безжалостно опустошалъ стариково поле, портя ему тыквы и дыни, которыя онъ выращивалъ въ потъ лица. Какъ ни добродушенъ былъ старикъ, а и онъ не могъ стерпѣть этого.

— Погоди же! — погрозилъ онъ, и, наладивъ ловушку, изловилъ въ концѣ концовъ стараго Тануки. — Здорово! Попался таки. Наконецъ-то я избавился отъ напасти, — въ радости гонорилъ старикъ, шагая торопливо домой. Тамъ онъ скрутилъ Тануки всѣ четыре лапы и, подвѣсивъ его къ балкѣ въ амбарѣ, пошелъ опять на свое поле, наказавъ старухѣ:

— Смотри, старуха! не выпусти какъ-нибудь его. Удалось-таки изловить мнѣ эту зловерную тварь. Вотъ ужъ вечеркомъ похлебаю я супа изъ него; да кстати и чарочку пропущу.

Вися связаннымъ въ амбарѣ, Тануки изо всѣхъ силъ сталъ напрягать свой злой, изворотливый умишко, какъ бы это ему все-таки убѣжать. Вдругъ онъ что-то надумалъ и съ самымъ привѣтливымъ, участливымъ видомъ обратился къ старухѣ, которая неподалеку отъ него обмолачивала въ большой ступкѣ просо.

— Ой, бабушка, бабушка! Ты въ такомъ преклонномъ возрастѣ и молотишь просо такимъ тяжелымъ пестомъ. Не легко должно быть тебѣ. Давай-ка мнѣ пестъ; я помолочу за тебя. — Старуха отрицательно покачала своей сѣдой головою.

— Да что ты, милый! Какъ это можно пойти на такое дѣло, когда старика нѣтъ дома. А, поди, выйдетъ такъ, что, вѣдь, не

оберешься бѣды тогда. Заругаетъ меня старикъ совсѣмъ. Спасибо тебѣ на ласкѣ, но извини ужъ. — Старуха не поддалась на его рѣчи; но смѣя и изворотливъ Тануки. Еще ласковѣе, еще вкрадчивѣе сталъ онъ говорить старухѣ:

— Это вѣрно, конечно. Ты должна быть осторожна. Но, вѣдь, ты видишь, какъ я скрученъ, да кромѣ того я уже примирился со своей участію, не убѣгу. Ты говоришь, старикъ будетъ ругать тебя, если ты развяжешь уревки? Ну такъ вотъ что. Когда старикъ будетъ возвращаться домой, ты свяжи опять хорошенько меня, и я буду висѣть себѣ по прежнему какъ ни въ чемъ не бывало. А, какъ думаешь? Я не убѣгу, ни за что не убѣгу. Вотъ попробуй, сама увидишь, — умасливалъ на всѣ лады Тануки старуху. Старуха была доброй души. Она рѣшила, что не станетъ же обманывать ее Тануки, если такъ увѣряетъ; не зря же говорить онъ все это. Она развязала его.

Ну, помолоти малость, — сказала она, передавая Тануки пестъ. Получивъ пестъ, Тануки вмѣсто того, чтобы молотить, ударилъ старуху и убилъ ее на смерть. Затѣмъ онъ приготовилъ вмѣсто супа изъ себя, супъ изъ старухи, а самъ оборотился старухой и спокойненько сталъ поджидать прихода старика.

Старикъ, которому и въ догадку не приходило, что творится дома, съ наступленіемъ вечера пошелъ съ поля домой, радуясь и улыбаясь про себя, что не только избавился отъ давнишней напасти, но еще и полакомится дома вкуснымъ супомъ, котораго давно уже не ѣдалъ. Завидѣвъ, его старуха обра-

тилась къ нему съ такимъ видомъ, какъ будто совсѣмъ уже потеряла всякое терпѣніе ждѣть его:

— Что это ты запоздалъ такъ, старикъ? Я давно уже поджидая тебя къ ужину. Хочу угостить тебя супомъ изъ Тануки. Онъ уже готовъ давнымъ давно.

— Спасибо за ласку. Сейчасъ начнемъ ужинать, — отвѣчалъ предовольнешенный старикъ. Задержавшись лишь нѣсколько, чтобы снять свои сандалии, онъ тотчасъ же усялся за столикъ и, не подозрѣвая совсѣмъ, что онъ ѣстъ, началъ съ аппетитомъ, уплетать чашка за чашкой супъ изъ своей старухи, похваливая его и прищелкивая отъ удовольствія языкомъ.

Но вотъ, прислуживавшая ему все время за столомъ старуха⁴⁹) приняла свой настоящий видъ, оборотившись вдругъ въ Тануки.

— Ахъ ты старикашка, съѣвший свою старуху. Погляди-ка на кости въ кухонномъ водостокѣ! сказалъ онъ и, высунувъ старику свой языкъ, показавъ ему хвостъ, онъ моментально исчезъ, какъ въ туманѣ.

Старикъ отъ неожиданности только вскинулъ глаза на небо и застылъ неподвижно, остоленѣвъ отъ изумленія и ужаса. Наконецъ, онъ понемногу началъ приходить въ себя.

— Что я надѣлалъ, что я надѣлалъ! Я же еще и языкомъ прищелкивалъ, да похваливалъ, какой вкусный супъ. А это супъ изъ моей же старухи. И все это ты, негодяй Тануки. Берегись, подлая тварь! Жестоко отомщу я тебѣ. — Отъ горя и скорби старикъ готовъ былъ помѣшаться и, павъ ницъ, рыдалъ, какъ маленький ребенокъ. Вдругъ надъ головой его раздался чей то голосъ.

— О чемъ это плачешь ты, дѣдушка? — спрашивалъ кто-то.

Старикъ поднялъ голову; передъ нимъ былъ тоже живущій неподалеку, пожилой уже, жизнью умудренный, Бѣлый Заяцъ. Совсѣмъ не похожъ на Тануки былъ этотъ Заяцъ. Нравомъ онъ былъ добръ, кротокъ и привѣтливъ. Старикъ давно уже былъ знакомъ съ нимъ и не сталъ скрывать своего горя.

— А! Бѣлый Заяцъ? Спасибо, что зашелъ; большое у меня горе. Старый Тануки убилъ сегодня мою старуху. — Онъ подробно разсказалъ все, какъ было.

— Ахъ, какое несчастіе! — воскликнул Заяцъ. — Но, успокойся, дѣдушка. Я отомщу Тануки за старуху; тебѣ и пальцемъ не придется шевельнуть самому. Будь благонадеженъ; потерпи только малость. — Онъ началъ всячески утѣшать старика, и старикъ понемногу успокоился.

— Вѣдь вотъ же, — говорилъ онъ, — оба вы животныя, но какая разница. Ты такой добрый, сострадательный, опять же такая злая, подлая тварь, какъ этотъ Тануки. Но ничего; высокое небо наградитъ за добро и накажетъ за зло. Страшное возмездіе получить отъ тебя Тануки, а я только буду ждать да радоваться.

— Положись, дѣдушка, на меня. Даю тебѣ слово, въ нѣсколько дней расправлюсь я съ Тануки. Доволенъ будешь. — Давъ крѣпкое обѣщаніе старику, Заяцъ вернулся къ себѣ домой и сталъ слѣдить за Тануки.

Удравъ изъ старикова дома, Тануки сталъ прятаться, боясь попасться на глаза. Онъ заперся у себя въ норѣ и совсѣмъ не показывалъ носа. Тогда Заяцъ рѣшилъ, что такъ или иначе, а надо выманить его изъ норы. Воспользовавшись тѣмъ, что на слѣдующій день установилась чудная погода, онъ направился въ Танукину нору, попровѣдать его.

— Здравствуй, господинъ Тануки! Какъ поживаешь? Здоровъ-ли?

Такая чудная погода, а ты коптишься у себя въ норѣ. Неужели тебя не тянетъ погулять на воздухъ? Чѣмъ сидѣть тутъ, да задыхаться, пойдемъ-ка со мной въ горы прогуляться, да кстати и хворосту нарѣжемъ на топливо. А? Что скажешь? — Заяцъ былъ свой братъ, животное, и какъ разъ подходящий компаньонъ; Тануки съ удовольствіемъ согласился.

— Ты это хорошо придумалъ, — отвѣчалъ онъ, — мнѣ дѣйстви- тельно скучно сидѣть тутъ одному. Идемъ.

Тануки и Заяцъ, вдвоемъ, направились въ близлежащія горы. Заяцъ былъ доволенъ, что удалось выманить Тануки изъ норы. Цѣлый день бродили они по горамъ и, набравъ по пути хворосту, сколько каждый изъ нихъ могъ унести на себѣ, къ вечеру пошли они домой къ своимъ норамъ. Замѣтивъ дорогою, что Тануки идетъ себѣ совершенно безопасно, не остерегаясь, Заяцъ тихононько подкрался къ нему сзади и высѣкъ огня крем- немъ, который припасъ заблаговременно. Кацѣ, кацѣ, кацѣ — запокоталъ кремьнъ въ тишинѣ. Тануки насторожился.

— Господинъ Заяцъ! Что это покочетъ тамъ сзади меня?

— Ничего, ничего, — отвѣчалъ Заяцъ съ самымъ невиннымъ видомъ.

Эта гора называется Кацѣ-Каціямъ; такъ вотъ я и сказалъ: — кацѣ, кацѣ! Разговаривая съ Тануки, онъ поднесъ высѣченный огонь къ хворосту, которымъ навьюченъ былъ Тануки и поджегъ его. Бо, бо, бо — загудѣлъ вспыхнувшій разомъ хворостъ. Тануки, опять наставилъ уши.

— Господинъ Заяцъ! А что теперь бобочетъ такъ у меня за спиной.

— Ничего, ровно ничего. Эта гора называется Бо-яша; такъ вотъ я и произнесъ: — бо, бо! — Не успѣлъ онъ еще договорить, какъ хворостъ весь загорѣлся и заклокоталъ пламенемъ, словно самъ огненный Фудо⁷⁹⁾. Тануки перепугался на смерть.

— Ой, ж... ж... ж... жжеть! Бѣда пришла, — началъ онъ кричать во все горло, катаясь по землѣ. Далеко разно- силась вопли его по окрестности. Заяцъ съ испуганнымъ, какъ будто,

видомъ кинулся къ нему на помощь, незамѣтно раздувая огонь больше и больше. Не въ терпежъ стало Тануки. Съ дикимъ воплемъ, почти безъ сознанія, опрометью пустился онъ къ своей норѣ. Заяцъ ликовалъ, что ему удалось задать Тануки такую встрепку. На слѣдующій день, какъ ни въ чемъ не бывало, пошелъ онъ навѣстить Тануки. Тануки охалъ и стоналъ; вся голова у него была обвязана. Тогда Заяцъ досталъ принесенную имъ съ собою жгучую перечную сою и сказалъ Тануки:

— Да, большое несчастіе случилось съ тобою вчера. Но вотъ эта штука—отличное средство противъ ожоговъ. Правда, немножко пощиплетъ, но ты ужъ потерпи. Попробуй-ка приложитъ.—Тануки очень обрадовался.

— Это очень любезно съ твоей стороны принести лекарство. Неловко мнѣ утруждать тебя, но не откажи намазать меня, извини пожалуйста.

— Ладно; давай смажу.—Заяцъ густо намазалъ перечной соей Барсуку его ожоги, кожа на которыхъ потрескалась и поотставала. Тануки взвылъ отъ боли и ни живъ, ни мертвъ, невыносимо страдая, началъ кататься по норѣ.

Тануки оказался очень живучъ. Настраться онъ настрадался порядкомъ, но все же остался живъ и злого, коварнаго нрава своего ничуть не перемѣнилъ. Тогда Заяцъ рѣшилъ, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, покончить съ нимъ однимъ ударомъ и началъ обдумывать планъ дѣйствій.

Тѣмъ временемъ Тануки залечилъ свои ожоги и въ одинъ прекрасный день пришелъ къ Зайцу. Завидѣвъ его, Заяцъ закричалъ:

— А, господинъ Тануки! Милости просимъ. Какъ твоё здоровье? Поправился?

— Твоими пожеланіями. Благодарю. Теперь лучше.

— Отлично; значить, опять пойдемъ гулять куда нибудь; для моціона этакъ...

— Ну нѣтъ; я уже получилъ разъ вычку на прогулкѣ въ горахъ.

— Оставимъ тогда горы; мы вѣдь можемъ прогуляться и по морю.

— Это другой разговоръ. Интересно бы прогуляться по морю.

— Такъ я тогда начну дѣлать лодки. Какъ только будутъ готовы, такъ мы сейчасъ же и отправимся.

— Отлично; съ большимъ удовольствіемъ. Ты ужъ займись, пожалуйста, лодками.

На этомъ они и разстались. По уходѣ Тануки Заяцъ тотчасъ же принялся дѣлать лодки. У него былъ свой умыселъ, и свою лодку онъ сдѣлалъ изъ дерева, а для Тануки лѣпилъ лодку изъ земли.

Прошло два, три дня, и Тануки опять прикатилъ къ Зайцу.

— А что, готовы лодки, господинъ Заяцъ? — спросилъ онъ.

— Готовы, готовы. Вотъ онъ; прелесть одна, а не лодки.

— Да, лодки хороши. Значить, сейчасъ и отправимся.

— Ты умѣешь грести?

— Ну, еще бы!

— Тогда отправимся.

Они понесли каждый свою лодку къ ближайшему морскому берегу, спустили ихъ на воду и усѣлись — Заяцъ въ свою деревянную, а Тануки въ свою, слѣп-

ленную изъ земли. Затѣмъ они поплыли въ открытое море.

— Какіе чудные виды! Не правда ли господинъ Тануки? — заговорилъ Заяцъ.

— Да, погода чудная, и на водѣ не шелокнется. Удивительно хорошо.

— Скучновато только такъ пить. Машешь, машешь веслами. Давай-ка устроимъ гонку; помѣряемъ, кто гребетъ лучше.

— Я не прочь; отчего не позабыться. Подравнивай-ка хорошенько лодку. Ну, разъ, два, три! — Они разомъ налегли на весла.

И Заяцъ и Тануки, все еще съ обязанной головой, гребли изо всѣхъ силъ. Но лодка Тануки была изъ земли, и онъ началъ отставать. Чѣмъ больше онъ гребъ, тѣмъ больше размокала его лодка и, наконецъ, начала разваливаться. Тануки наконецъ, замѣтилъ это.

— Ой, несчастіе, бѣда! Господинъ Заяцъ, Заяцъ, подожди пожалуйста. Тону; спасательную лодку, лод... — вопилъ онъ во все горло. Заяцъ остановилъ свою лодку и обратился къ Тануки:

— Ага, старый хитрецъ! А что ты думалъ, когда убивалъ старуху, нашу сосѣдку, и варилъ изъ нея супъ? И огонь на Кац-Каціяма и перечная соя, всѣ эти муки твои лишь небесное наказаніе тебѣ за зло, которое дѣлалъ ты людямъ. А въ возмездіе за супъ изъ старухи самъ ты пойдешь теперь на супъ съ морскими водорослями. Ты даже не можешь и сердиться. Что посялъ, то и пожалъ. Кайся и готовься къ переходу въ тотъ, лучший міръ. — Взмахнувъ весломъ, которое держалъ, Заяцъ нанесъ ему ужасный ударъ по головѣ. Икнулъ только Тануки и, булькая, пошелъ ко дну.

Убивъ Тануки, и отомстивъ ему этимъ за старуху, Заяцъ тотчасъ же поскакалъ къ старику и сдѣлалъ ему подробный, обстоятельный докладъ. Старикъ очень обрадовался.

— Спасибо тебѣ. Теперь у меня на душѣ полегчало, — говорилъ онъ, расхваливая Заяца за его подвиги. Въ награду за его услугу старикъ хорошенько угостилъ его, а потомъ и совсѣмъ оставилъ его у себя въ домѣ, и полюбилъ его, какъ собственнаго сына.

Вотъ какое дѣло было въ старину.

Кобу-тори.

Въ давнія времена жилъ былъ въ нѣкоторомъ мѣстѣ старикъ. Онъ давно уже мучился большимъ наростомъ, ¹¹⁾ образован- шимся у него на правой шеѣ и страшно ему мѣшавшимъ. Старикъ пробовалъ обращаться и къ врачамъ, пробовалъ и разныя лекарства, но что онъ ни дѣлалъ никакъ не могъ онъ удалить нароста, который дѣлался все больше и больше. Однажды старикъ отправился въ сосѣднія горы за хворостомъ для топлива. Цѣлый день провозился онъ въ горахъ, рубя хворостъ то тамъ, то сямъ и съ закатомъ солнца собрался было уже итти домой, какъ вдругъ небо потемнѣло и заволокло тучами. Какъ ни молилъ старикъ, чтобы обошлось безъ дождя, дождь все-таки по- лилъ, какъ изъ ведра.

— Вотъ бѣда! Куда бы это спрятаться? — подумалъ ста- рикъ, оглядываясь кругомъ. На его счастье тутъ же около него оказалось большое дерево, между корнями котораго было громадное дупло. Рѣшивъ переждать дождь въ дуплѣ, старикъ, не долго думая, залѣзъ туда. А дождь все усили- вался и усиливался; онъ шелъ потоками, кромѣ того нача- лась гроза. При каждомъ ударѣ грома старикъ дѣлался ни

живъ, ни мертвъ, и, зажимая уши, только твердилъ не переста- вая: — кувабара, кувабара! Но ливень проходитъ обыкновенно скоро. Какъ и ожидалъ старикъ, онъ сталъ итти тише и тише, наконецъ, изъ-за противоположащей горы, сверкнувъ, выглянули послѣдніе лучи заходящаго солнца.

Старикъ понемногу началъ приходить въ себя; на душѣ у него стало веселѣе. Рѣшивъ, что теперь можно уже итти домой, онъ собрался было вылѣзть изъ дупла, какъ вдругъ снаружи послы- шался топотъ ногъ какой-то идущей мимо толпы.

— Ага — подумалъ старикъ, — должно быть это тоже какіе нибудь дровосѣки возвращаются домой. Это хорошо; вмѣстѣ итти веселѣе. Надо ихъ окликнуть. — Онъ быстро высунулъ изъ

дупла голову, глянулъ... и застылъ на мѣстѣ отъ ужаса. Мимо вмѣсто дровосѣковъ медленно шли одинъ за другимъ ужасныя чудовища, страшные гномы съ громад- ными факелами въ рукахъ. У каждого изъ нихъ было по три глаза, ротъ, какъ у крокодила, на головѣ рогъ, глаза, какъ у кро- вожаднаго сокола — медвѣ- жатника, носъ, какъ у коршуна. Красные черти были покрыты медвѣжьими шкурами, а зеленые тигро- выми.

Старикъ только ахнулъ и тутъ же шлепнулся на землю. Нѣсколько времени не могъ онъ опомниться, но по счастью черти не замѣтили его. Понемногу онъ при- шелъ въ себя и, затянувъ дыханіе, забился поглубже въ дупло.

Но вот снаружи около дупла началось какое то веселье; раздались голоса, распѣвающие пѣсни. Старикъ приподнял голову.

— Что за штука? Тамъ видимо веселятся. Надо посмотрѣть, что оно такое. — Онъ осторожно вылѣзъ изъ дупла и началъ всматриваться. Неподдалеку расположились тѣ самыя страшнѣйшія лица, которыхъ онъ только что передъ этимъ видѣлъ. Посрединѣ сидѣлъ громадный чертъ, видимо старшина, а справа и слѣва его окружали его подчиненные, обыкновенные черти. Пиръ былъ въ самомъ разгарѣ. Одни пѣли, другіе подпѣвали, кто танцевалъ, кто отбивалъ тактъ, хлопая въ ладоши. Черти веселились во всю.

— Вотъ, оно что, — подумалъ старикъ — сегодня, значить, вечеринка у гномовъ. Интересно. Сколько ни живу я на бѣломъ свѣтѣ, и каждый день почти хожу въ эти горы за хворостомъ, но еще въ первый разъ сегодня наткнулся на такую удивительную штуку. Старикъ такъ заинтересовался, что у него пропалъ весь страхъ. Понемножку, понемножку онъ сталъ подвигаться впередъ и началъ наблюдать.

Чертъ, старшина, тянулъ винище изъ громадной чары, и смотрѣлъ, какъ танцуютъ его подчиненные черти, но вдругъ онъ сказалъ:

— Ничего нѣтъ забавнаго въ вашихъ танцахъ; сколько я ни смотрю, все одно и то же; одни и тѣ же жесты, одни и тѣ же движенія. Неужели не найдется какого нибудь новаго ловкаго плясуна?

— Эге! — подумалъ старикъ, замѣтивъ, что черту хочется посмотрѣть новой пляски. — А не показать ли мнѣ свое искусство? Нѣтъ, нѣтъ! Они, вѣдь, сожрутъ меня всего съ головою, какъ только я высунусь; не спасешься ужъ тогда никакъ. Впрочемъ, что же? Они большіе любители танцевъ,

эти черти, пожалуй, и не сожрутъ, если я ловко пропляшу передъ ними. Э—э, будь что будетъ. А ну-ка посмѣлѣ! — Отъ такта, который отбивали черти, отъ плясовыхъ припѣвовъ у старика ноги просто ходуномъ заходили и, подхвativъ тактъ, приплясывая, онъ вскочилъ въ самую середину чертей.

Увидѣвъ человѣка, который съ пляской ворвался въ ихъ кружекъ, черти перетрусили.

— Что такое, что такое? — говорили они въ глубокомъ изумленіи, а старикъ, который понималъ, что неловкость можетъ стоить ему жизни, старался изо всѣхъ силъ. Словно во снѣ, отплясывая онъ, выкидывая одно за другимъ колѣнца, какіе только зналъ. Черти только дивились, глядя на него.

— Удивительно!

— Замѣчательно хорошо!

— Сколько лѣтъ уже устраиваемъ мы эти пирушки, а въ первый разъ еще видимъ такую ловкую пляску, — толковали они. Когда пляска была окончена, главный чертъ обратился къ старику:

— Спасибо тебѣ. Большое спасибо. Недурно позавилъ. На-ка,хвати чарочку за труды. — Старикъ боязливо взялъ поданную ему чарку саке.

— Благодарю, — сказалъ онъ. Я сдѣлалъ большую негѣжливость, помѣшавъ вашей пирушкѣ; да ужъ очень соблазнило меня ваше веселье и танцы; я прямо таки не могъ удержаться; но я очень счастливъ, что ты не только не ругаешь меня, а еще хвалишь даже.

— Чѣмъ же ты помѣшалъ пирушкѣ? Ничуть. Напротивъ, ты, еще прибавилъ веселья. Ты и потомъ заходи сюда когда некогда; опять попляшешь.

— Съ удовольствіемъ попляшу, если тебѣ нравится моя, не стоящая вниманія, пляска.

— Ну такъ приходи завтра.

— Хорошо приду.

— Непремѣнно придешь?

— Будь спокоенъ, не надую.

— А все же такъ тебѣ нельзя уходить, ты оставь что нибудь въ залогъ, чтобы ужъ намъ быть въ надеждѣ, что ты придешь непременно.

— Такъ-то, такъ; да что же, однако, оставить мнѣ вамъ въ залогъ?

— Какой лучше всего залогъ взять съ него? — обратился старшина къ подчиненнымъ чертямъ. Тогда выдвинулся третій въ ряду чертъ съ мудрымъ лицомъ и сказалъ:

— Въ залогъ вообще берутъ что есть самого цѣннаго. У старика вотъ есть на правой щекѣ громадный наростъ. Говорятъ, что эта штука приноситъ счастье, и люди очень берегутъ ее. Такъ вотъ, если взять у него этотъ наростъ, то, жалѣя его, онъ непременно придетъ завтра.

— Молодчина! Здорово подиѣтилъ, — заговорили кругомъ, и прежде чѣмъ перепуганный старикъ успѣлъ опомниться, гномы открутили ему наростъ и тутъ же пропали изъ глазъ. Старикъ просто не зналъ, во снѣ съ нимъ это происходитъ или на яву, такъ былъ онъ изумленъ. Онъ не только совсѣмъ избавился отъ давнишняго громаднаго нароста, который служилъ ему не малой помѣхой, но и то мѣсто, гдѣ онъ былъ на щекѣ, ничуть не болѣло.

— Ну, спасибо этимъ молодцамъ. Знай я это раньше, я давно бы уже пришелъ къ нимъ поплясать. — Съ удовольствіемъ поглаживая свою ставшую вдругъ легкой щеку, онъ быстро зашагалъ домой.

— Дома, его давно уже поджидала старуха.

— Наконецъ то ты вернулся. Намучился же должно быть ты, когда пошелъ дождь? Ну, иди скорѣе въ домъ, отдыхай, — говорила она, оглядывая старика, но вдругъ остолбенѣла отъ изумленія. То ли онъ обронилъ гдѣ, то ли потерялъ, но нароста, который былъ у него на правой щекѣ, еще сегодня утромъ, когда онъ уходилъ изъ дома, теперь нѣтъ какъ нѣтъ; щека совершенно гладкая.

— Старикъ, старикъ, а гдѣ же твой наростъ? — закричала она.

— Эге! Тутъ цѣлая исторія, — отвѣчалъ старикъ съ сияющимъ лицомъ, и затѣмъ онъ подробно разсказалъ ей, какъ онъ передъ возвращеніемъ домой, попалъ въ горахъ къ чертямъ, и какъ они отобрали у него наростъ. Старуха только ахала отъ удивленія.

— Какъ это хорошо вышло, — говорила она. Но зачѣмъ, однако, черти взяли его? На что онъ имъ сдался?... Старики начали пресвело болтать, и порядкомъ таки поохотали надъ всей этой исторіей.

— По сосѣдству съ ними жилъ другой старикъ такого же возраста. У него тоже былъ громадный наростъ, который его сильно мучилъ, но только на лѣвой щекѣ. Онъ съ завистью слушалъ про старикову исторію, и, наконецъ, пришелъ къ нему.

— А что старче, правду ли говорятъ, что ты рассказываешь, будто вчера ты повстрѣчался въ горахъ съ гномами, и они сняли тебѣ наростъ?—спросилъ онъ.

— Конечно, правда; что же я врать стану, что ли?

— Ну такъ я тоже, думаю, пойти къ нимъ, пусть они снимутъ и у меня. Да вотъ, гдѣ ихъ найти только?

— Конечно, попробуй пойти,—отвѣчалъ старикъ, и любезно рассказаль, гдѣ, какъ и когда найти чертей. Сосѣдъ остался очень доволенъ и, поддерживая руками свой наростъ на лѣвой щекѣ, скорехонько направился въ горы.

Прийдя на мѣсто, сосѣдъ, наученный старикомъ, залѣзъ въ тоже самое дупло и съ минуты на минуту сталъ поджидать гномовъ. Начало смеркать, и они тутъ какъ тутъ появились около дупла. По вчерашнему началась у нихъ опять пирушка.

— Уже пора бы и притти вчерашнему старику,—сказаль главный чертъ, оглядываясь кругомъ и видимо теряя терпѣніе. Сосѣдъ рѣшилъ, что теперь какъ разъ время выйти и, приплясывая, выскочилъ изъ дупла.

— Здравствуйте! А вотъ и я, ничтожный стариченка. Я давно уже васъ поджидаю,—сказаль онъ, распростираясь ницъ.

— А, вчерашній старикъ? Ну! пляши поскорѣе.

— Слушаю, — отвѣчалъ сосѣдъ, вставая на ноги. Распустивъ вѣеръ, запѣвъ какую то пѣсню, онъ пустился въ плясъ во всѣ нелегкія.

— Сосѣдъ отъ природы былъ очень неловокъ, и въ жизни своей никогда не плясалъ. Теперь онъ только подскакивалъ на удающую такъ, то этакъ, но у него ничего не выходило.

— Не годится, не годится!—кричали гномы.

— Какъ хорошо плясалъ вчера, и такъ плохо сегодня. Изъ рукъ вонъ плохо. Такого старика намъ не надо. Мы отдадимъ тебѣ твой наростъ, взятый вчера въ залогъ, и убирайся сейчасъ же отсюда. Тутъ они нацѣлились и приложили ему къ правой щекѣ вчерашній наростъ. И вотъ, бѣдняга сосѣдъ, расчитывавшій снять наростъ съ лѣвой щеки, получилъ теперь въ подарокъ другой огромный наростъ еще и на правую и съ печалью въ душѣ бѣгомъ пустился съ горы къ себѣ домой, поддерживая руками свое, какъ тыква, раздутое лицо.

Такъ, говорятъ, было въ старину.

Моногуса Таро.

Давно тому назадъ въ провинціи Синано, жилъ былъ одинъ парень, котораго звали Моногуса Таро. Моногуса была его кличка, а не фамилія, а прозвали его такъ, потому что отъ природы онъ былъ необычайно лѣнивъ; такъ лѣнивъ, что считалъ большимъ трудомъ для себя передвинуть какую нибудь вещь съ мѣста на мѣсто. Моногуса—древнее слово и значитъ лежебока ⁷²⁾.

Какъ ни лѣнивъ былъ Таро, а все же онъ очень мечталъ о томъ, чтобы ему жить въ хорошемъ домѣ, который былъ бы окруженъ со всѣхъ четырехъ сторонъ насыпью; чтобы ворота были на три стороны, чтобы кругомъ былъ прудъ, а на пруду островъ съ перекинутымъ на него гнутымъ мостомъ; чтобы въ саду были разные цвѣты, разныя птицы; чтобы комнаты были хоромами, да потолки въ нихъ были затянуты парчею, да столбы разукрашены серебромъ и золотомъ. Вотъ какой дворецъ нуженъ былъ

ему. Однако, мечтать то онъ мечталъ, да самого главного, денегъ, у него не было, и нечего дѣлать, пришлось ему помирится на томъ, что было. Воткнулъ онъ себѣ подлѣ проходной дороги въ землю четыре бамбучины; вмѣсто стѣнъ, повѣсилъ рогожку, на землю послалъ тоже рогожку и валялся лѣнливо на ней, лежа на боку съ утра до вечера, не торгуя, не работая, ровно-шенько таки ничего не дѣлая.

Однажды кто-то изъ сосѣдей далъ ему пять штукъ колобковъ. Обрадовался Таро и тутъ же за одинъ присѣстъ съѣлъ четыре изъ нихъ, но надъ пятымъ призадумался. Ему что-то стало жаль этого колобка.

— Оставить развѣ его на будущее, или съѣсть? Однако съѣмъ... нѣтъ оставлю лучше. Если съѣсть, такъ у меня ничего ужъ не останется; сберегу-ка, я его лучше, пока опять кто нибудь не дастъ мнѣ чего нибудь хорошаго, — думалъ онъ, валяясь въ своемъ шалашѣ и поигрывая колобкомъ, который держалъ въ рукѣ. Но вдругъ колобокъ какъ-то выскользнулъ изъ руки и покатился на дорогу.

Э — эхъ! Вотъ бѣда еще, — сказалъ Таро, жалобно по-

глядывая на колобокъ, но и не подумавъ по своей лѣни пойти подобрать его. — Не стоитъ трудиться, кто нибудь подберетъ мнѣ его—рѣшилъ онъ. — И сталъ наблюдать изъ своего шалаша, свистомъ и шиканьемъ прогоняя собакъ и воронъ, подбиравшихся къ колобку. Такъ прошло три дня.

Случилось, что на третій день мимо него проѣзжалъ возвращавшійся съ соколиной охоты правитель этой провинціи Сасемонъ-но-дзю ⁷³⁾, ѣхавшій верхомъ на лошади въ сопро-

вожденіи многочисленной свиты. Въ тѣ времена правитель провинці назывался дзито, а должность его была все равно, что теперешняго губернатора.

Вотъ это кстати,—подумалъ Моногуса Таро.— Мнѣ то, вѣдь, рѣшительно все равно, кто тамъ будетъ, дзито или дзато⁷⁴⁾; надо поскорѣе попросить его.—И, не долго думая, онъ закричалъ изъ своего шалаша.

— Эй, послушай! Вонъ тамъ валяется колобокъ; подыми его и дай сюда.— Никто не обратилъ вниманія на его слова, и всѣ быстро двигались впередъ, почти уже проходя его. Тогда Таро закричалъ громче, чтобы его могли слышать:

— Эхъ ты! Я такъ прошу, а ты не думаешь поднимать. И не вѣсть, вѣдь, что такое; всего только одинъ колобокъ. Не отвалились бы руки сойти съ лошади, да поднять. Такъ нѣтъ, ты стараешься пройти, какъ будто и не слышишь ничего. Ну и лѣнтяище же!—Таро дѣлалъ упреки, сваливая съ больной головы на здоровую.

Наговори онъ такихъ дерзостей кому другому, то врядъ ли бы это прошло ему даромъ: онъ тутъ же былъ бы убитъ; но правитель былъ человѣкъ очень добродушный. Услышавъ упреки Таро, онъ остановилъ лошадь и спросилъ:

— Не ты ли Моногуса Таро, о которомъ я давно уже слышалъ?

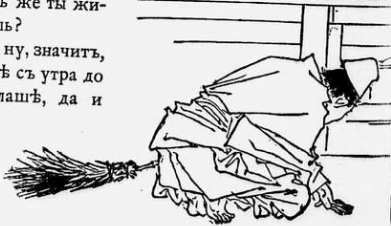
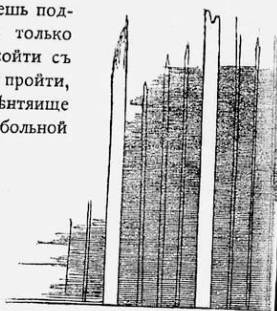
— Я самый,—отвѣчалъ Таро безъ малѣйшаго страха.

— Интересный малый. Какъ же ты живешь? Что собственно дѣлаешь?

— Я, вѣдь, Моногуса Таро; ну, значить, ничего и не дѣлаю. Валяюсь себѣ съ утра до вечера на боку въ этомъ шалашѣ, да и только.

— Но, вѣдь, питаешься же ты чѣмъ нибудь?

— А то какъ же! Дадутъ мнѣ что-нибудь, ну и поѣмъ въ

тотъ день, а если никто ничего не дастъ, то и такъ лежу себѣ; по пяти, по десяти дней даже лежу.

— Жаль мнѣ тебя. Ну хорошо. Я дамъ тебѣ поле, ты его обрабатывай, и приготовляй себѣ пищу.

— Благодарю за доброту твою. Однако, чѣмъ обрабатывать поле, да еще приготовлять пищу куда какъ пріятнѣе оставаться такъ, какъ сейчасъ. Извини, но уволь меня отъ этого, пожалуйста.

— Въ такомъ случаѣ, ты, можетъ, хочешь заняться какой нибудь торговлей? Я дамъ тебѣ денегъ.

— Охъ! это тоже большой трудъ. Нѣтъ, пусть ужъ лучше будетъ попрежнему.— Сасмонъ-но-дзю, былъ страшно изумленъ.

— Да, не ложная молва идетъ про тебя. Ты первый лѣнтяй во всей Японіи. А все же жаль бросить тебя такъ на произволъ. Съ голода вѣдь пропадешь. Ну, ладно, я кое что придумаю.— Вслѣдъ за тѣмъ онъ тутъ же написалъ на листѣ бумаги:

«Давать Моногуса Таро дважды въ день по три го⁷⁵⁾ варенаго риса и по одной порціи sake. Кто не исполнитъ этого распоряженія, тотъ будетъ удаленъ изъ подвѣдомственныхъ мнѣ владѣній». Написавъ такой приказъ, онъ поѣхалъ къ себѣ домой.

Хотя жители этихъ мѣстъ и находили страннымъ такой приказъ, но такъ какъ онъ исходилъ отъ всемогущаго правителя, то не оставалось ничего другого, какъ только подчиниться ему.

Какъ написано было въ приказѣ, они приняли Таро на содержаніе, выдавая ему ежедневно вареный рисъ и саке. Такъ прошло три года, и Таро, который нельзя сказать, чтобы поощалъ на даровыхъ кормахъ, жилъ да поживалъ себѣ припѣваючи.

Какъ разъ на третій годъ, Нидзію, владѣтельному даймю провинціи Синано, занимавшему постъ дойнагона⁷⁶⁾, и жившему постоянно въ столицѣ, понадобился слуга, и отъ него пришелъ приказъ съ вызовомъ молодого и крѣпкаго человѣка, который долженъ немедленно явиться къ нему.

Когда это стало извѣстнымъ, то кто-то сказалъ, что это былъ бы какъ разъ удобный случай сплавить Моногуса Таро на службу къ даймю.

Да на что онъ годится?—отвѣчалъ другой.—Онъ лѣнился даже поднять колобокъ, который обронилъ и просилъ правителя провинціи, чтобы тотъ поднималъ для него. Куда его, такого чурбана?

Тутъ подошелъ еще одинъ человѣкъ.

— Положимъ, — сказалъ онъ — съ дуракомъ и ножницами⁷⁷⁾ надо уметь обращаться, тогда и будетъ отъ нихъ толкъ. Теперь онъ такой лѣнтяище, а почему знать, можетъ, онъ и возьмется за умъ, начнетъ добросовѣстно работать, если попадетъ въ столицу. Во всякомъ случаѣ я попробую поговорить съ нимъ. Онъ отправился къ Моногусу Таро и началъ его убѣждать. Сначала Таро и такъ и сякъ отпѣкивался, но потомъ, видимо, сдался на увѣщанія.

— Ладно, — сказалъ онъ, — попробую пойти.

— Ну, такъ только надо итти поскорѣе, — сказалъ уговаривавшій его человѣкъ; обрадовавшись и снарядивъ Таро въ путь, отправилъ онъ его въ столицу.

И вотъ Моногуса Таро оставилъ провинцію Синано, въ которой онъ такъ привыкъ жить и отправился въ далекую столицу. Столица въ то время была

въ Кіото, и оттуда исходило все управленіе Японіей. Такъ какъ столица была резиденціей микадо, то и зданія въ ней были красивы, и люди изящны; однимъ словомъ, все ласкало и зрѣние, и слухъ. Отъ глухой, заросшей травами Синано, она отличалась, какъ луна отъ черепахи.

Взглянувъ на самого себя, Моногуса Таро немного смутился. Онъ былъ черенъ, платье грязно, волосы на головѣ росли лохмами, ногти на рукахъ и ногахъ запущены. Весь видъ его былъ жалокъ и убогъ. Впервые сознавъ онъ тутъ, какъ плохо онъ дѣлалъ, что былъ такимъ лѣнтяемъ до сихъ поръ. Перемѣнивъ платье, онъ отправился въ палаты дойнагона Нидзію и, явившись ему, доложилъ:

— Меня зовутъ Таро. По твоему вызову я явился изъ провинціи Синано къ тебѣ на службу. Располагай, пожалуйста, мной, какъ тебѣ угодно.

— Благодарю, что пришелъ. Ну, служи же вѣрой и правдой, старайся; смотри, чтобы все было хорошо, — сказалъ даймю, оглядѣвъ его.

Такимъ образомъ, Таро сталъ слугою у дойнагона Нидзію, и началъ исполнять разныя порученія. Удивительное дѣло! Съ этого времени онъ какъ будто совсѣмъ переродился. Утромъ онъ вставалъ рано и подчищалъ садъ; ночью до поздна сторожилъ у воротъ.

Если его посылали куда-нибудь, то онъ быстро исполнялъ порученіе; если даймю надо было выходить изъ дома, то онъ первый кидался помочь ему въ сборахъ. Онъ такъ старался, что даймю даже удивлялся ему.

Да, — говорилъ онъ, — и лотосы цвѣтутъ въ грязи, и драгоценные камни скрываются подъ пескомъ. Таро совсѣмъ не похожъ на дере-

веншину, удивительно смысленный малый. Я положительно нашель кладъ въ немъ. — Дайміо сталъ чувствовать къ Таро быстрое расположеніе. Онъ постепенно повышалъ и повышалъ его въ должностяхъ, и, наконецъ, назначилъ его для услугъ въ самомъ домѣ.

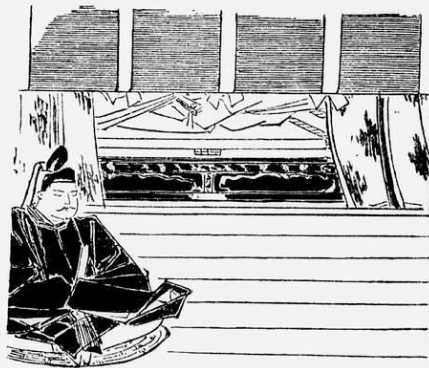
Однажды, Таро дѣлая что-то въ комнатѣ дочери дайміо, какъ-то по нечаянности переломилъ пополамъ кото ⁷⁸⁾, музыкальный инструментъ, которымъ она очень дорожила. Увидивъ это, дѣвушка опечалилась, и горестнымъ голосомъ сказала:

Теперь конецъ моей забавѣ,
Чѣмъ буду сердце улаживать?

Ахъ! Что я, надѣлалъ? — подумалъ Таро и тутъ же отвѣтилъ, заканчивая двѣ послѣднія строфы начатаго дѣвушкой стихотворенія:

Конечно, ты сердиться
вѣднѣ,
Что смѣлъ его я изломать.

Дайміо слышалъ все это изъ сосѣдней комнаты, и очень удивился, что Таро въ добавокъ ко всѣмъ прочимъ своимъ талантамъ оказался еще такимъ поэтомъ, какого онъ въ немъ и не предполагалъ. Какъ-то при случаѣ, онъ доложилъ объ этомъ, микадо. Микадо былъ удивленъ и желалъ посмотрѣть, что это за интересный малый, приказалъ какъ-нибудь

привести его во дворецъ. Исполняя приказаніе, дайнагонъ повелъ Таро во дворецъ микадо. Когда они пришли, микадо обратился къ Таро изъ-за бамбуковой занавѣски, которой былъ скрытъ:

Я слышалъ, что ты умѣешь хорошо слагать стихотворенія; сложи сейчасъ какое-нибудь ⁷⁹⁾.

Исполняя повелѣніе микадо, Таро оглянулся кругомъ. Какъ разъ въ саду распѣвалъ соловей ⁸⁰⁾, сидя на вѣткѣ сливого дерева. Таро сейчасъ же сложилъ на эту тему стихотвореніе:

Среди сливовыхъ цвѣтовъ
Соловей поетъ,
А сквозь нѣжный ихъ покровъ
Мелкій дождикъ летъ.

Выслушавъ стихотвореніе, микадо сказалъ:

— Я слышалъ что ты изъ Синано. Такъ это ты говоришь о синанскихъ сливовыхъ цвѣтахъ? — Не успѣвъ еще и дослушать до конца, Таро отвѣчалъ и опять же стихотвореніемъ:

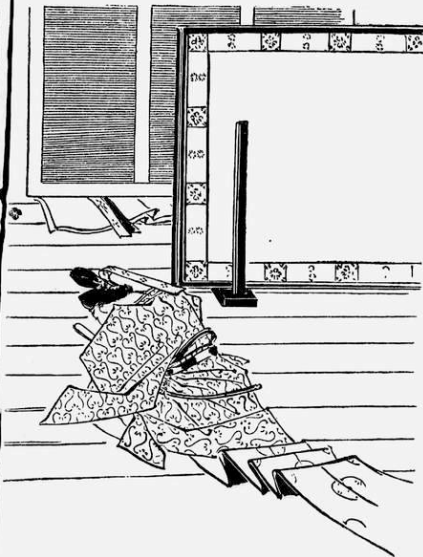
«Въ Синано есть сливовый
цвѣтъ,
Красивъ его нѣжный узоръ,
Но равныхъ цвѣтовъ въ мірѣ
нѣтъ,
Что нѣжать въ столицѣ нашъ
взоръ».

Микадо былъ чрезвычайно удивленъ.

— Да, — сказалъ онъ — искусенъ ты въ стихотвореніи. Должно быть ты знатнаго рода ⁸¹⁾. Скажи-ка, кто

твои предки?

— У меня нѣтъ предковъ. Ничего у меня нѣтъ, — отвѣчалъ Таро.

— Ну, такъ поручить правителю Синано навести справки, изрекъ милостивыя слова микадо. Сейчасъ же посланъ былъ гонецъ въ Синано за справками.

Ниточка за ниточкой, звено за звеномъ наводились справки, и что же оказалось? У пятьдесятъ четвертаго микадо человѣческой эры, Ниммеи тенно⁸²⁾, былъ младшій сынъ, Фукакуса тенно. Сынъ Фукакуса, военачальникъ второго ранга, былъ командированъ зачѣмъ-то въ Синано.

Горюя, что у него нѣтъ дѣтей, онъ принесъ горячія моленія буддійскимъ божествамъ въ Дзенкодзи⁸³⁾. Послѣ этого у него родился ребенокъ, именно этотъ самый Моногуса Таро. Когда ему было три года, родители его умерли, и не оказалось никого, кто бы взялъ его на воспитаніе, и сталъ бы заботиться о немъ. Такъ онъ росъ наравнѣ съ крестьянами, совершенно не зная о своемъ происхожденіи. Все это теперь было установлено разслѣдованіемъ. Микадо былъ пораженъ, узнавъ, кто такой Моногуса Таро. Сейчасъ же произвелъ онъ его въ военачальники и пожаловалъ его двумя провинціями Капъ и Синано.

Такимъ образомъ, Моногуса Таро неожиданно для себя сталъ въ ряды знати. Вернувшись въ Синано, онъ не забылъ никого изъ тѣхъ, кто въ прежнее время оказывалъ ему милости. Онъ щедро награждалъ и Сасмонъ-но-дзю, и того, кто снабдилъ его когда-то колобками, и тѣхъ, кто кормилъ его каждый день, а также и того, который снарядилъ его въ дорогу, когда онъ шелъ въ столицу. Самъ онъ сдѣлался владѣтельнымъ дайміо и зажилъ въ красивомъ дворцѣ, о которомъ когда то мечтали.

Онъ прожилъ до ста двадцати лѣтъ, и въ концѣ концовъ его стали чтить, какъ божество долготѣія.

Счастливый чайникъ.

Въ давнія времена, въ мѣстѣчкѣ Татебасия провинціи Кодзуке былъ буддійскій монастырь подъ названіемъ Мориндзи. Главный монахъ этой кумирни любилъ побаловаться чайкомъ и доставлялъ себѣ это удовольствие каждый день.

Однажды онъ купилъ себѣ гдѣ-то чайникъ. Глядя на него, онъ не могъ просто нарадоваться на свою покупку и очень гордился тѣмъ, что такого чайника, по его мнѣнію, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не найти. Чайникъ дѣйствительно былъ красивъ и изященъ⁸⁴⁾.

— Ну и хорошъ же чайникъ, — сказалъ монахъ какъ-то, доставая его. — Приглашу я теперь гостей и всѣхъ ихъ поражу своей покупкой. Думая объ этомъ, онъ вертѣлъ чайникъ въ рукахъ и такъ и сякъ, но

вдругъ ему что-то захотѣлось спать. Опершись на столикъ, монахъ безмятежно захрапѣлъ.

Храпѣть монахъ, а тутъ около него происходитъ удивительное дѣло. Стоявшій до сихъ поръ на ящикѣ чайникъ ни съ того ни съ сего началъ вдругъ двигаться. Храпѣть монахъ и ничего не знаетъ, а у чайника появилась голова, вслѣдъ затѣмъ выросли лапы и хвостъ. Онъ соскочилъ съ ящика и началъ ходить по кельѣ. Одинъ изъ бывшихъ въ это время въ сосѣднемъ помѣщеніи послушниковъ, услышавъ какой-то странный шумъ въ кельѣ монаха, потихоньку заглянулъ въ нее. О ужасъ! У чайника выросли ноги, и онъ прогуливается себѣ по кельѣ. Послушникъ перетрусилъ.

— Ой бѣда! Тамъ чайникъ-оборотень, — прошепталъ онъ.

— Какой тамъ оборотень-чайникъ? Что ты городишь вздоръ? — отвѣчалъ другой, заглядывая въ келью. — Вѣрно, — прошепталъ онъ въ изумленіи. — Это что-то небывалое. У чайника выросли ноги, и онъ ходитъ.

— Ой, ой, онъ направляется сюда! Я боюсь.

— Ну, бояться нечего. Это скорѣе забавно.

— Однако, его преподобіе спитъ; онъ и не подозреваетъ даже ничего этого.

— Надо поскорѣе разбудить его, да сказать.

— Отецъ, преподобный отецъ! Бѣда у насъ — начали они окликать монаха, быстро подойдя къ нему. Монахъ открылъ глаза.

— Что случилось? Что вы шумите тутъ? — спросилъ онъ.

— А вотъ изволь посмотреть, что случилось. У чайника выросли ноги и онъ ходитъ.

— Какъ? У чайника выросли ноги... Убирайтесь вы! — Монахъ сталъ оглядываться, протирая себѣ заспанные глаза; чайникъ въ это время сдѣлался опять обыкновеннымъ чайникомъ, и по прежнему спокойно стоялъ уже на ящикѣ. Конечно, монахъ не повѣрилъ послушникамъ.

— Ну что вы мелете такое, глупые парни! Вѣдь вотъ же онъ стоитъ себѣ на ящикѣ. — Послушники теперь только обратили вниманіе.

— Что за штука такая? Только что передъ этимъ онъ ходилъ. Вѣдь не ошиблись же мы, — отвѣчали они.

— Какъ же? Ходилъ! Не видите, что ли, что онъ смиренхонько стоитъ на своемъ мѣстѣ. Я слышалъ о многихъ диковинкахъ, но развѣ видано, чтобы у чайника выросли ноги?! Вы просто придумали предлогъ, чтобы разбудить меня, а я такъ хорошо спалъ. Ахъ вы шалопаи! Убирайтесь сейчасъ же вонъ отсюда! — Онъ хорошенько распекъ послушниковъ, которые понутивъ головы уныло пошли въ свою келью, удивляясь какъ все это вышло.

Послушники были убѣждены, что не ошиблись въ томъ, что у чайника дѣйствительно выросли ноги, и начали думать, какъ бы это показать его монаху въ его настоящемъ видѣ. Но вотъ въ этотъ самый вечеръ монахъ задумалъ самъ себѣ приготовить чай. Наливъ въ чайникъ воды, онъ поставилъ его на жаровню, чтобы вскипѣла вода.

— Ой, горячо, горячо! — закричалъ вдругъ чайникъ, и соскочилъ съ жаровни. Монахъ перепугался.

— Сюда, скорѣе! Чайникъ и взаправду оборотень. Иди сюда кто-нибудь, возьми его, — началъ онъ звать послушниковъ.

Послушники сейчасъ же прибѣжали и схватили чайникъ; но въ это время у него уже не было ногъ; онъ сталъ самымъ обыкновеннымъ чайникомъ. Сколько по немъ ни стучали, сколько его ни колотили, онъ только гудѣлъ и звенѣлъ, какъ настоящий чайникъ, и рѣшительно не хотѣлъ показаться въ своемъ другомъ видѣ.

— Ну, купилъ же я себѣ обузу.

Я такъ былъ доволенъ, что попался хорошій чайникъ, а имъ, оказывается, и пользоваться даже нельзя. Какъ же быть съ нимъ? — думалъ монахъ. Наконецъ, онъ пришелъ къ заключенію: — да, такую штуку никакъ нельзя оставить у себя. Лучше

всего поскорѣе продать его кому нибудь. Это будетъ самое лучшее. — На слѣдующій день онъ призвалъ старьевщика, который былъ вхожъ въ монастырь и предложилъ ему купить чайникъ.

— Что это ты, преподобный отецъ, продаешь такой прекрасный чайникъ. Развѣ тебѣ нисколько не жаль его? — сказалъ старьевщикъ, совершенно не подозрѣвавшій, что это за чайникъ.

— Да, конечно, жаль-то жаль, но я купилъ другой еще лучше, и этотъ мнѣ совершенно не нуженъ.

— Да? Вотъ какъ! Ну тогда я возьму его. — Старьевщикъ отсчиталъ монаху за чайникъ четыреста монъ⁸⁵⁾ и понесъ его къ себѣ домой. Купивъ неожиданно для себя чайникъ у монаха въ Мариндзи, старьевщикъ принесъ его домой и сталъ разсматривать. Чайникъ оказался дѣйствительно красивымъ, и чѣмъ больше смотрѣлъ онъ на него, тѣмъ прекраснѣе и прекраснѣе казался ему чайникъ. Довольный и радостный, что ему попался въ руки такая хорошая вещь, старьевщикъ легъ спать.

Вдругъ въ самую полночь кто-то сталъ окликать его у самага изголовья.

— Господинъ старьевщикъ, а господинъ старьевщикъ! — раздавался чей-то голосъ. Старьевщикъ проснулся и, оглянувшись, застылъ отъ изумленія. У чайника, который онъ купилъ сегодня въ Мориндзи, выросла голова, хвостъ, ноги и онъ тихонько похаживалъ себѣ по комнатѣ.

— Ты тотъ самый чайникъ, что я купилъ? — спросилъ перепуганный старьевщикъ.

— А что? Ты испугался, господинъ старьевщикъ? — сказала чайникъ, быстро подходя къ нему.

— Да какъ же не испугаться! До сихъ поръ я думалъ, что ты обыкновенный чайникъ, слѣланный изъ металла, а теперь я вижу что, у тебя выросли голова, хвостъ, лапы покрыты шерстью, и ты ходишь по комнатѣ. Кто угодно испугается тутъ. Но кто ты собственно, тануки⁸⁶⁾, или лисица? — спросилъ онъ. Чайникъ улыбнулся.

— Я собственно тануки, оборотившійся чайникомъ; а называюсь я Счастливый Чайникъ.

— Такъ ты, значить, не настоящій чайникъ.

— Хотя я и не настоящій чайникъ, но могу сослужить службу лучше всякаго настоящаго.

— Какъ такъ?!

— Видишь ли, я — Счастливый чайникъ, а вовсе не то, что какой-нибудь обыкновенный; кто хочетъ мною пользоваться, долженъ имѣть это въ виду и обращаться со мной бережно; тогда я принесу счастье, но, конечно, совершенно нельзя поступать такъ, какъ обошлись со мною въ Мориндзи, гдѣ монахи налили меня водою и поставили на огонь, а потомъ всѣ собрались и начали меня колотить, потому, молъ, что у меня хвостъ.

— Да, ты вполне правъ. Но въ чемъ же собственно должно заключаться бережное отношеніе къ тебѣ? Вѣдь нельзя же запереть тебя въ ящикъ и оставить тамъ. Что тебѣ собственно надо?

— Да вотъ что. Бережь меня, это не значить запереть меня въ ящикъ; я задохнусь тамъ. Я — живое существо, и мнѣ надо время отъ времени выходить наружу, а затѣмъ мнѣ надо давать и покушать чего-нибудь вкуснаго.

— Нелегко же должно быть пришлось тебѣ тамъ, въ кумирнѣ.

— Конечно.

Когда я жилъ въ кумирнѣ, я совсѣмъ отошаль и долженъ былъ время отъ времени ходить на поиски какихъ-нибудь остатковъ пищи, чтобы пропитаться. Наконецъ, я былъ замѣченъ послушниками, которые чуть не исколотили меня, а затѣмъ я попалъ въ твои руки. Такъ, должно

быть, ужъ предопредѣлено это. Прими, пожалуйста, меня на свое попеченіе.

— Что-жъ, я мужчина ^{а7}). Въ просьбѣ твоей не откажу; буду содержать тебя, буду заботиться о тебѣ, какъ смогу.

— Такъ согласенъ? Ну благодарю. Я же, съ своей стороны, не даромъ буду пользоваться твоими заботами. Въ благодарность за это я буду акробатомъ, буду показывать разныя штуки на сценѣ.

— Какъ? Ты знаешь это искусство? Забавно. Что же именно ты умѣешь?

— Знаю эквилибристику, танцы знаю.

— И эквилибристику, и танцы? Да ты просто молодчина! Въ такомъ случаѣ я брошу совсѣмъ свое ремесло старьевщика и начну лучше давать представленія. Ты будешь у меня актеромъ, акробатомъ.

— Конечно, конечно. Я буду стараться изо всѣхъ силъ, и ты увидишь, заработаешь куда больше, чѣмъ на своемъ старьѣ.

— А я буду угощать тебя, какъ можно лучше; старайся только, старайся.

— Будь спокоенъ, постараюсь ужъ. — Тутъ они стали совѣщаться о подробностяхъ и рѣшили начать давать представленія.

Съ слѣдующаго дня старьевщикъ началъ дѣлать приготовленія для представлений. Онъ выстроилъ балаганъ съ приспособленіями для акроба-

тическихъ фокусовъ; нанялъ музыкантовъ съ сямисеномъ ⁸⁸⁾ и барабаномъ; снаружи повѣсилъ раскрашенную вывѣску, и послѣ того, какъ у него все это было хорошо налажено, онъ одѣлся самъ въ парадное платье и, ставъ у входа, началъ звать публику:

— Пожалуйста смотрите, пожалуйста! Новое невиданное зрѣлище! Чайникъ въ роли актера-акробата. Это куда получше, чѣмъ собачій театръ или фокусы, которыя продѣлываютъ синицы. У чайника есть руки и ноги, и онъ танцуетъ. Такого чуда еще никогда не было. Пожалуйста, пожалуйста! Останетесь довольны. Удивительныя акробатическія фокусы! Показывается даромъ. Много потеряете, если будете медлить. Деньги послѣ того, какъ посмотрите.

А затѣмъ, въ балаганѣ уже, онъ началъ давать собравшейся публикѣ объясненія со сцены, какъ это всегда дѣлается передъ началомъ представленія.

— Сейчасъ начинается, и я позволю себѣ дать вамъ свои объясненія, прося извиненія за отсутствіе краснорѣчія. Сейчасъ вамъ будетъ показано искусство особой школы актера-чайника. Сначала хожденіе по канату, а затѣмъ разнообразныя танцы, все это будетъ вамъ показано одно за другимъ. Актеръ сейчасъ будетъ готовъ и предстанетъ предъ вами. Ударяя палочка объ палочку, старьевщикъ излагалъ программу представленія, а тѣмъ временемъ актеръ-чайникъ вышелъ быстро изъ уборной и, слѣлавъ поклонъ зрителямъ, началъ сейчасъ же хожденіе по канату. Когда зрители увидѣли этотъ удивительный чайникъ-оборотень съ четырьмя лапами, который не походилъ ни на какое обыкновенное животное, и который продѣлывалъ акробатическія фокусы и танцевалъ, они пришли въ изумленіе. Начались толки, разсужденія. Каждый высказывалъ свое удивленіе или восхищеніе. Затѣмъ слухъ объ этомъ началъ распространяться отъ одного къ другому. Каждому хотѣлось посмотреть, и передъ балаганомъ ежедневно собиралась такая густая толпа, сквозь которую трудно было пробраться.

Не даромъ же дѣйствительно этотъ чайникъ назывался Счастливымъ чайникомъ. Не

прошло еще и двадцати дней, а старьевщикъ уже заработалъ большую сумму денегъ. Но онъ не обладалъ большою жадностью, ему стало жаль заставлять работать каждый день безъ отдыха тануки, оборотившагося чайникомъ, и вотъ онъ однажды обратился къ нему съ такою рѣчью:

— Послушай, Счастливый! Съ твоей помощью я заработалъ очень много. Благодарю тебя, но я вовсе не жаденъ; больше мнѣ не надо, и такъ не мало получено. Ты тоже, навѣрное, усталъ показывая каждый день свое искусство. Не пора ли намъ прекратить все это?

— Какъ хочешь; я во всемъ согласенъ съ тобою, — выразилъ чайникъ свое согласіе.

— Ну, такъ пусть будетъ такъ, какъ я сказалъ. Послѣ этого представленія были прекращены, а затѣмъ старьевщикъ взялъ чайникъ, пошелъ въ Мориндзи и рассказалъ тамъ все, что съ нимъ произошло.

— Я заработалъ кругленькую сумму, благодаря чайнику, который ты мнѣ продалъ, и теперь приношу свою благодарность, — сказалъ онъ монаху, и пожертвовалъ въ монастырь чайникъ и половину вырученныхъ имъ денегъ.

Чайникъ остался въ кумирнѣ. Но теперь онъ уже пересталъ превращаться, и подъ именемъ Счастливаго чайника сдѣлался чтимымъ сокровищемъ кумирни.

Давно, давно это было.

Восьмиглавый змій.

Съ далекихъ, незапамятныхъ временъ, временъ глубочайшей древности, когда начиналась еще только Японія, сіяетъ съ высокаго неба великая богиня Ама-терасу. Дайдзингу называется находящійся въ Исе храмъ этого божества, главнаго и величайшаго божества всей Японіи ⁸⁹⁾.

У Дайдзингу былъ младшій братъ, богъ Сусаноо ⁹⁰⁾. Былъ онъ великъ тѣломъ, силенъ и необузданъ до крайности; то и дѣло выкидывалъ онъ разныя продѣлки, которыми приводилъ въ отчаяніе и свою сестру Дайдзингу, и всѣхъ другихъ боговъ. Неспokoенъ и буенъ былъ этотъ богъ, но злости въ немъ не было. Богиня Ама-терасу относилась къ нему снисходительно и обыкновенно прощала ему всѣ его выходки, не наказывая его особенно строго.

Но вотъ, однажды, Сусаноо выкинулъ злую продѣлку. Онъ раз-металъ до основанія красивый домикъ, который съ большимъ трудомъ и стараніемъ устраивала Дайдзингу для пряжи тканей и перебилъ всѣхъ бывшихъ тамъ пряхъ. Тутъ не выдержала даже и снисходительная Дайдзингу. Разсердившись, удалилась она въ Ама-но-ивато, каменную пещеру небесъ. Заперевъ за собою каменную дверь, заключилась она въ ней и совсѣмъ перестала показываться.

Случилось ужасное дѣло! Закатилась сіявшая на небѣ Ама-терасу въ каменной пещерѣ, и совсѣмъ, какъ въ глухую полночь, не стало нигдѣ свѣта. Непроницаемый мракъ объялъ всю Японію. Ужась проникъ въ сердца боговъ.

Что же теперь будетъ? Сотворилось страшное дѣло! Страшной вѣчной ночи станеть Японія, если богиня совсѣмъ не будетъ показываться. Какъ можно будетъ жить во тьмѣ?—говорили они, собираясь то тамъ, то сямъ, и страхъ и смятеніе царили между ними. Но тутъ нашелся въ средѣ ихъ одинъ догадливый богъ.

— Такъ или иначе, но непременно надо умиловить Дайдзингу, привести ее въ хорошее расположеніе духа, и тогда она покажется; а привести ее въ хорошее расположеніе духа лучше всего музыкой и веселыми кагура⁹¹⁾.

— Да [это хорошо придумано,—одобрили его другіе боги, и тотчасъ же занялись приготовленіемъ къ кагура.

Приготовивъ все, сонмомъ собрались боги передъ каменной пещерой небесъ, въ которой затворилась Дайдзингу, и по сигналу, данному крикомъ пѣтуха, начали веселую музыку на барабанахъ и флейтахъ, а богиня Удсуме⁹²⁾ и другіе боги, искусные въ танцахъ, стали плясать въ тактъ музыки. Было необычайно весело и оживленно. Изъ глубины своей пещеры Дайдзингу услышала шумъ музыки и пляски.

— А, должно-быть, тамъ творится что-нибудь интересное, надо взглянуть!—сказала она и чуть-чуть пріоткрыла дверь; и сверкнули оттуда божественные лучи, но въ тотъ же моментъ къ двери подскочилъ богъ силачъ, Тадзикарао⁹³⁾.

— Ага, попалась!—воскликнулъ онъ, быстро схватившись за дверь, и, крикнувъ отъ напряженія, рванулъ онъ ее и, вырвавъ совсѣмъ напроцъ, отбросилъ далеко въ сторону.

И снова вышла Дайдзингу въ этотъ міръ, и снова засіяла она на высокой равнинѣ небесъ. Улегся гнѣвъ ея, и радость охватила всѣхъ. Но причиною гнѣва были злые продѣлки бога Сусаноо, и не простили ему боги. Они схватили его, обрѣзали ему усы и бороду, вырвали ногти и послѣ такого страшнаго наказанія изгнали его совсѣмъ съ равнинъ высокаго неба.

Жестокимъ наказаніемъ находилъ Сусаноо свое изгнаніе, но долженъ былъ примириться съ нимъ, такъ какъ виноватъ былъ самъ. Понуривъ голову, съ печалью въ душѣ, пошелъ онъ съ высокаго неба и пришелъ въ концѣ концовъ въ одно мѣсто у верховьевъ рѣки Хи, въ провинціи Идзумо. Остановившись тутъ, онъ стоялъ нѣсколько времени на берегу рѣки, но, вдругъ взглянувъ на воду, увидѣлъ, что по ней плывутъ палочки⁹⁴⁾, употребляемыя для ѣды.

Палочки! Плывутъ палочки, которыми ѣдятъ; должно быть, тамъ выше по теченію живетъ кто-нибудь изъ людей!—воскликнулъ онъ, и пошелъ вверхъ по рѣкѣ на поиски. И дѣйствительно вскорѣ онъ наткнулся на группу людей. То были старикъ и старуха и съ ними молодая дѣвушка. Всѣ они горько плакали. Увидивъ это, Сусаноо спросилъ.

— О чемъ вы плачете?—Старикъ поднялъ голову:

— Не знаю я, кто ты, но благодарю тебя за участіе. Я житель Идзумо, Асинадзуси⁹⁵⁾ имя мое.

Старуху зовуть Тенадзүци ⁹⁶⁾, а дѣвушку, мою дочь, Инада химе ⁹⁷⁾. Восемь дочерей имѣлъ я прежде, но всѣхъ ихъ похитилъ чудовищный Восьмиглавый змій, обитающій въ истокахъ этой рѣки; одна только, вотъ эта, и осталась у меня теперь. Но сегодня ночью придетъ змій, чтобы пожрать и ее, послѣднюю. Бѣжать отъ него некуда, плакать только и остается намъ, — печально говорилъ старикъ, и глубокое горе было въ словахъ его. Молча слушала Сусаноо.

— Жаль мнѣ, безконечно жаль тебя, — сказалъ онъ наконецъ. — Я не знаю, что за тварь этотъ змій, но все же попытаюсь убить его, уничтожить совсѣмъ такую гадину.

— Нѣтъ, — отвѣчала старикъ, — страшное задумалъ ты дѣло. Будь онъ обыкновенный змій, то, можетъ, и управился бы ты съ нимъ, но у этого громаднаго змія восемь головъ; не даромъ же и зовется онъ Восьмиглавый, а длиною онъ больше восьми долинъ. Страшенъ, охъ какъ страшенъ, змійше этотъ, и не слобровать тебѣ, если свяжешься ты съ нимъ.

— Пусть будетъ у него восемь, пусть будетъ девять даже головъ у него, но вѣдь онъ всего только змій. Какой же онъ противникъ мнѣ! И потерплю ли я, сынъ боговъ, чтобы тварь эта одолѣла меня! Перестаньте же плакать. Я во что бы то ни стало сокрушу его. — Трепетъ объялъ старика и старуху, когда они узнали, что передъ ними сынъ боговъ.

— Сынъ боговъ! Ты? Но зачѣмъ ты здѣсь?

— Такъ ужъ случилось. Знайте: я младшій братъ великой богини Амаатерасу, богъ Сусаноо.

— Такъ ты богъ Сусаноо! Давно уже слышали мы о тебѣ. Ну, конечно, тебѣ легко управиться со змѣемъ, съ двумя, съ тремя даже. Какое счастье, что мы встрѣтились съ тобою! Теперь мы сохранимъ свою дочь. Охваченные безпредѣльной радостью, до земли склонились челомъ старики передъ Сусаноо и начали умолять его спасти имъ дочь.

Тогда Сусаноо приказалъ старику, чтобы онъ налилъ sake восемь сосудовъ до полна и поставилъ ихъ подъ утесомъ у рѣки, а на верху утеса посадилъ бы свою дочь, Инада химе, устройвъ такъ, чтобы лицо ея ясно отражалось на поверхности sake, налитой въ сосуды.

— Ты же, — сказалъ онъ дѣвушкѣ, — сиди здѣсь неподвижно и не бѣги, когда даже придетъ змій. — Наладивъ все хорошенько, онъ спрятался самъ за утесомъ и съ минуты на минуту началъ поджидать появленія змія.

Стало смеркать; за горы закатилось ярко сіяющее солнце, и глубокой мракъ наступилъ повсюду. Откуда ни возьмись, засвисталъ и загудѣлъ ураганъ, неся съ собою запахъ крови; потоками хлынулъ свирѣпый ливень. Уныло, мрачно и жутко было кругомъ. Но вотъ изъ-за противоложащей горы показалось что-то, словно громадная яркочерная вишня; ихъ было шестнадцать. Не вишни только были то, то были глазища змія, по два на каждой изъ восьми его головъ.

— Идетъ, идетъ, — прошептавъ Сусаноо, прячась за утесомъ, и обнажилъ свой короткий, въ десять обхватовъ руки длиною, мечъ. Зативъ дыханіе, сталъ

онъ поджидать змія, приготовившись напасть на него, какъ только онъ подойдетъ поближе.

Быстро подвигался впередъ змій, высунувъ языкъ въ надеждѣ полакомиться Инада химе, и ничуть не подозревая, что за угощеніе приготовлено ему. И вотъ подошелъ онъ, наконецъ, къ восьми расположеннымъ въ рядъ сосудамъ, въ которыхъ отражалось лицо дѣвушки.

Не обладалъ змій мудростью, не даромъ же онъ былъ гадъ. Ему и въ голову не приходило, что это ему устроено только такъ, что лицо дѣвушки отражается въ сакѣ. Принявъ ее изображеніе за настоящую Инада химе, онъ опустилъ всѣ свои восемь головъ въ восемь сосудовъ и съ удовольствіемъ началъ лакать сакѣ. А въ сакѣ положено было одуряющее зелье; противъ него не устоялъ даже такой, какъ змій. Онъ быстро опьянѣлъ и, свалившись тутъ же подлѣ сосудовъ, захрапѣлъ во всю.

— Пора теперь — прошепталъ Сусаноо, наблюдавшій за всѣмъ происходившимъ. Онъ вскочилъ изъ-за утеса и, кинувшись на змія, съ размаху рубнулъ его. Проснулся змій и, оскаливъ клыки, съ грозной бранью устремился на Сусаноо, чтобы пожрать его. Но онъ былъ пьянъ; противникомъ его былъ сынъ боговъ, и не могъ тягаться съ нимъ змій. Черезъ нѣсколько мгновений онъ былъ уже убитъ. Убитъ былъ громадный Восьмиглавый змій, и излилась кровь его въ воды рѣки Хи, и покраснѣли воды рѣки, словно не вода текла тамъ, а красная краска, бени.

Боясь, чтобы змій не ожилъ опять, Сусаноо началъ рубить на куски его мертвое тѣло отъ головы до хвоста. Онъ рубилъ уже хвостъ; но вдругъ зазвенѣлъ его мечъ и выкрошилось лѣзвие его. Удивился богъ и началъ рѣзать хвостъ вдоль по длинѣ его. Тамъ оказался красивый мечъ. Необычайно обрадовался Сусаноо такой находкѣ. Тщательно обмывъ мечъ, онъ взялъ его себѣ, а потомъ преподнесъ его сестрѣ своей, богинѣ Дайдзингу. Муракумо-но-цуруги⁹⁸⁾, названъ былъ этотъ мечъ; и понинъ составляетъ онъ одно изъ трехъ священныхъ сокровищъ Японіи⁹⁹⁾. Впослѣдствіи, когда божественный Яматотакэ¹⁰⁰⁾ покорялъ восточныхъ варваровъ, онъ удалилъ отъ себя пущенный ими огонь, выкинувъ вокругъ себя траву мечомъ, который названъ былъ Кусанаги-но-цуруги; это и есть тотъ самый мечъ.

Покончивъ со змѣемъ, сокрушивъ его, Сусаноо остался въ Идзумо. Онъ построилъ себѣ дворецъ, взялъ Инадо химе въ жены и жилъ съ нею въ любви и согласіи.

Тотъ храмъ въ Идзумо, что называется нынѣ Идзумо-но-Оясино¹⁰¹⁾, есть именно храмъ бога Сусаноо; тамъ поклоняются ему, тамъ приносятъ ему жертвы.

Заяц и крокодилы.

В давния времена жилъ былъ въ провинціи Инаба бѣлый заяцъ. Сначала онъ жилъ на о. Окиносима, но у него явилось непреодолимое желаніе попасть непременно въ Инаба; и вотъ каждый день выходилъ онъ на морской берегъ и устремлялъ свои взоры въ сторону Инаба. Случилось, что однажды подплылъ къ этимъ мѣстамъ громадный крокодилъ. Заяцъ тотчасъ же замѣтилъ его.

— Вотъ и отлично! — подумалъ онъ. — Не попросить-ли крокодила перевезти меня въ Инаба. Впрочемъ, нѣтъ. Онъ, пожалуй, не согласится, если начать просить его такъ прямо. Лучше обмануть его какъ-нибудь. — Придумавъ какой-то планъ, заяцъ закричалъ:

— Какая чудная погода! Неправда-ли, господинъ крокодилъ? —

Крокодилу въ его одиночествѣ было скучно, а заяцъ говорилъ такъ любезно, такъ привѣтливо... Онъ сейчасъ же подплылъ поближе.

— Э, да это ты, господинъ заяцъ! Скучно, должно быть, тутъ тебѣ одному?

— Нѣтъ, нельзя сказать чтобы такъ ужъ скучно. Погода стоитъ хорошая, вотъ я и пришелъ сюда прогуляться. Пойдемъ, пожалуй, погулять вмѣстѣ! Они вдвоемъ стали гулять по песочку. Такъ прошло нѣсколько времени; наконецъ, заяцъ обратился къ крокодилу.

Послушай-ка, господинъ крокодилъ! Ты живешь постоянно въ морѣ, а я въ горахъ; видѣться намъ приходится рѣдко, и

другъ про друга знаемъ мы мало. Скажи на милость, у кого изъ насъ больше товарищей? Кого больше, крокодиловъ или зайцевъ? — Крокодилу, конечно, не хотѣлось уступать.

— Это само собой разумѣется, — отвѣтилъ онъ.

— Что само собой разумѣется?

— Ну, конечно, у меня больше товарищей, крокодиловъ. Ты самъ, вѣрно, поймешь это, если только подумаешь. Для васъ, зайцевъ, и есть всего, только, кажется, что одинъ этотъ островъ, а мы живемъ въ моряхъ, всѣ же моря сообщаются между собою, такъ что одно составляетъ продолженіе другого. Если я созову только отовсюду крокодиловъ, своихъ товарищей, то вашему брату, зайцамъ, нечего и думать сравняться по количеству съ нами. — Крокодилъ говорилъ съ гордостью и хвастовствомъ. Зайцу этого только и надо было. Онъ замѣтилъ, что крокодилъ легко попался на удочку, но не подаль и вида.

— Да, — сказалъ онъ, — если такъ, то чего добраго, пожалуй, васъ хватить отсюда до Инаба, если вы расположитесь въ рядъ одинъ подлѣ другого.

— Конечно хватить! — отвѣчалъ крокодилъ, немного подумавъ.

— А, ну-ка, покажи это, а я попробую пересчитать всѣхъ по одному, начиная отсюда и до самой Инаба.

— Что-жъ! можно; положи только малость, пока я созову всѣхъ. Совершенно не подозревая, что заяцъ обманываетъ его, крокодилъ тутъ же прыгнулъ въ море, и отправился сзывать своихъ товарищей. Заяцъ остался ждать на пескѣ. Спустя немного времени, его окликнулъ, откуда ни возьмись, крокодилъ, явившійся въ сопровожденіи безчисленнаго множества другихъ крокодиловъ.

— Взгляни-ка, господинъ заяцъ! — сказалъ онъ. — Что ужъ тамъ говорить объ Инаба. Если хочешь, то тебѣ можно бы показать одну непрерывную линію изъ крокодиловъ отсюда и вплоть до самаго Китая, до Индіи даже. — Онъ сталъ во главѣ, и всѣ остальные крокодилы размѣстились по порядку одинъ подлѣ другого на волнахъ, вытянувшись въ одну линію, какъ на маневрахъ. Отъ Окиносима до Инаба протянулся настоящій мостъ изъ крокодиловъ.

— Дѣйствительно, есть чему удивляться! — сказалъ заяцъ, взглянувъ на нихъ. — Ну, теперь я начну считать. Не шеве-

литесь же, а то я упаду! — и онъ началъ вести счетъ имъ по спинамъ.

— Одинъ, два, три, четыре, ... девять, десять, одиннадцать... Осторожниѣ! Не шевелитесь! Развѣ можно тутъ считать, когда вы двигаетесь, — бормоталъ заяцъ, перескакивая съ одного на другого, и такимъ образомъ, по крокодилимъ спинамъ, доскакалъ онъ скоро до провинціи Инаба. Тутъ онъ живехонько началъ выбираться на берегъ и, обращаясь въ тоже время къ крокодилямъ, сталъ ругательски ругать ихъ:

Э-эхъ! И дурачье же вы крокодилы! Вамъ и не вдомекъ, что я васъ обманулъ. Ловко переправили вы меня сюда. Благодарю, что явились изъ далека! Кланяйтесь отъ меня вашимъ, когда вернетесь домой! — Осыпавъ ихъ ругательствами, онъ хотѣлъ было убѣжать, но осwirѣвшіе отъ неожиданнаго оскорбленія крокодилы кинулись вслѣдъ за нимъ.

— Ахъ ты, негодная тварь! Здорово ты насъ отдѣлалъ. Погоди же, покажемъ мы тебѣ! — кричали они и, быстро догнавъ зайца, схватили его.

— Простите, простите! — завопилъ заяцъ.

— Ага! жидокъ на расправу! Нѣтъ ужъ теперь не отдѣлаешься. Собравшись вокругъ зайца, крокодилы выщипали ему до-

гола всю шерсть и бросили его на песокъ.

— Полюбуйся теперь на свою красоту! — закричали они, и съ громкимъ побѣднымъ кличемъ поплыли въ глубокое море.

Невесело пришлось бѣднягѣ зайцу. Съ горькими стонами валялся онъ на пескѣ, не находя

себѣ мѣста, сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ самъ виною тому, что у него повыдергали шерсть и бросили въ такомъ видѣ. Какъ разъ въ это время проходили мимо, идя путемъ дорогою, Ясоками, восемьдесятъ боговъ, братьевъ Окунинуси микото; увидѣвъ зайца въ такомъ положеніи, они удивились.

— О чемъ такъ горько плачешь, заяцъ? — спросили они.

Заяцъ поднялъ голову.

— Какъ же мнѣ не плакать! — отвѣчалъ онъ. У меня произошла ссора съ крокодилами, и вотъ они повыдрали у меня всю шерсть. Объ этомъ и плачу я. — Одинъ изъ Ясоками былъ золъ и жестокъ по характеру. Выслушавъ зайца, онъ сказалъ ему:

— Да, жалъ тебя, бѣднягу. Ну, да ничего, я дамъ тебѣ хороший совѣтъ. Отправляйся ты сейчасъ въ море и погрузись въ соленую воду, а потомъ вылезай на сушу, и пусть тебя хорошенько обдуетъ вѣтромъ. Когда ты продѣлаешь это, то шерсть у тебя вырастетъ сейчасъ попрежнему. — Преподавъ съ серьезнымъ видомъ зайцу такой совѣтъ, онъ пошелъ дальше своей дорогой. Обрадованный заяцъ сейчасъ же

въ точности выполнилъ все, чему его научили. Онъ вошелъ въ море, выкупался хорошенъко въ соленой водѣ, потомъ вылѣзъ на берегъ и далъ вѣтру хорошенъко обдуть себя, но легче ему отъ этого не стало ничуть. Напротивъ, по мѣрѣ того какъ высыхала на немъ соль, кожа у его стала трескаться и лупиться. Стала ощущаться невыносимая боль, и бѣдный заяцъ попавшій изъ одной бѣды въ другую, худшую, катался только по песку, жалобно вскрипывая. Случилось, что какъ разъ въ это время шелъ мимо него опять-же-таки одинъ изъ боговъ съ громаднымъ мѣшкомъ на спинѣ.

Увидя плачущаго зайца, онъ остановился.

— О чемъ плачешь, заяцъ? — спросилъ онъ; но заяцъ, наученный уже только что передъ этимъ горькимъ опытомъ, ничего не отвѣчалъ и продолжалъ плакать. Тогда богъ сказалъ съ участливымъ видомъ.

— Э-э, да ты ошипанъ весь догола! Какая жалость! Кто же это обработалъ тебя такъ безжалостно? — Онъ говорилъ очень ласково и привѣтливо, и на душѣ у зайца стало легче.

— Видишь ли, сквозь слезы отвѣчалъ онъ. Я, собственно, жилъ на Окиносима, но давно уже задумалъ перебраться сюда, въ Инаба, однако добраться сюда не такъ то легко. По счастью я догадался ловко надуть крокодиловъ и отлично перешелъ сюда по нимъ, какъ по мосту. Крокодилы обозлились и выпихали мнѣ всю шерсть догола. Я сидѣлъ тутъ на пескѣ и плакалъ. Въ это время тутъ проходили мимо меня толпа боговъ, и одинъ изъ нихъ очень участливо научилъ меня, что лучше всего пойти въ море, выкупаться въ соленой водѣ, а потомъ вылѣзть на берегъ и дать вѣтру хорошенъко обдуть себя. Я повѣрилъ этому, продѣлалъ въ точности, какъ меня научили, но мнѣ не только не стало лучше, а наоборотъ еще хуже; теперь кожа у меня вся лупится, и боль такая, что я не знаю, куда и дѣваться. Будь добръ, если есть у тебя хоть сколько нибудь милосердія, научи меня, дай мнѣ какое нибудь лекарство, чтобы унять эту нестерпимую боль.

— Жаль тебя, — сказалъ богъ выслушавъ зайца. — Боги, что проходили здѣсь, это мои спутники; плохому же научили они тебя. А все-таки самъ ты виноватъ! Самъ ты, вѣдь, началъ съ того, что обманулъ крокодиловъ. Вотъ, теперь и расплачиваешься.

— О, я вполнѣ сознаю это. Никогда уже теперь не сдѣлаю больше, ничего подобнаго; но, пожалуйста, присовѣтуй мнѣ какое нибудь средство; прошу тебя!

— Ну, если такъ, если ты общаешься, то хорошо; я посовѣтую тебѣ. Ступай вотъ въ этотъ прудъ, смой съ себя хорошенъко всю соль, а затѣмъ нарви цвѣтовъ ириса, которые цвѣтутъ у пруда, настели ихъ на землѣ, и поваляйся на нихъ. Послѣ этого у тебя сейчасъ же вырастетъ шерсть, и весь ты станешь такимъ, какимъ былъ раньше. — Заяцъ обрадовался. Сейчасъ же отправился онъ къ пруду, смылъ съ себя соль, повалялся на цвѣтахъ ириса и дѣйствительно, какъ говорилъ богъ

у него тотчасъ же выросла по всему тѣлу совершенно бѣлая шерсть, и вся боль, всѣ мученія прекратились, какъ будто ихъ и не было. Радехонекъ былъ Заяцъ. Скокъ, скокъ, скокъ, — подскокилъ онъ къ богу.

— Отъ души благодарю тебя. Теперь я совершенно поправился, а поправился благодаря именно тебѣ. Не забуду я этого, отблагодарю какъ нибудь! Но скажи мнѣ, кто ты таковъ, и гдѣ изволишь пребывать? — спросилъ онъ.

Богъ ласково улыбнулся.

— Я богъ, Окунинуси, а тѣ, что проходили раньше, все это мои братья. Теперь они идутъ взять въ жены, кому изъ нихъ придется, Яками химе, божественную принцессу, страны Инаба. Вотъ почему они и проходили здѣсь. Я провожатымъ, слугою у нихъ и иду самымъ послѣднимъ, вотъ съ этимъ мѣшкомъ. Выслушавъ разсказъ бога, заяцъ сталъ еще почти-тельнѣе къ нему.

— Такъ ты богъ Окунинуси! И такіе злые, жестокие братья у тебя милосердаго и сострадательнаго! У тебя, который проявилъ такую глубину доброты и участія, спасти меня! Такъ вотъ же что я тебѣ скажу:

— Не только мнѣ потерпѣвшему уже отъ твоихъ братьевъ противенъ ихъ злой нравъ, но не понравится онъ и Яками химе; и хотя ты провожатый, слуга только, но нѣтъ сомнѣній, что она выберетъ тебя. Я ручаюсь за это! — Спасенный богомъ заяцъ былъ переполненъ радостью и всѣми силами старался угодить Окунинуси. Богъ не придалъ особеннаго значенія его словамъ.

— Прощай, заяцъ! Увидимся еще — сказалъ онъ и, тронувшись въ путь, пошелъ вслѣдъ за Ясоками. Такъ онъ пришелъ въ то мѣсто, гдѣ жила Яками химе.

Какъ и говорилъ заяцъ, Яками химе и слушать не стала ни кого изъ Ясоками.

Я пойду за Окунинуси, сказала она. И дѣйствительно въ концѣ концовъ она стала его супругой.

Храмъ, посвященный богу Окунинуси,¹⁰²⁾ находится въ провинціи Идзумо, и называется Идзумо но Оясиро¹⁰³⁾. Заяцъ тоже причтенъ къ лику божествъ подъ именемъ Бѣлаго зайца изъ Инаба. А что сталося съ крокодилами, это неизвѣстно.

Расіомонъ.

Это было въ давно минувшія времена. Въ древней столицѣ Японіи, Кіото, по всему городу сталъ ходить слухъ, что въ Расіомонъ¹⁰⁴⁾, въ девятомъ кварталѣ столицы, каждый вечеръ появляется страшный чортъ, который хватаетъ и пожираетъ проходящихъ людей. На всѣхъ напалъ страхъ, и, какъ только закатывалось солнце, никто уже не рѣшался проходить въ этихъ мѣстахъ. Въ тѣ же времена проживалъ въ столицѣ великій военачальникъ Минamoto Райко. Это былъ тотъ самый, всѣмъ извѣстный, доблестный герой, который вѣдѣлъ съ четырьмя своими витязями: Усуи Садамицу, Урабе Суетаке, Саката Кинтоки, Ватанабе Цуна и неустраслимымъ воиномъ, Хираи Хосіо, сокрушилъ незадолго передъ этимъ Сю-тенъ Дадзи Оеяма.

Однажды вечеромъ эти витязи Райко собрались въ одной изъ комнатъ дворца своего начальника и, попивая пожалованное имъ Райко sake, болтали по пріятельски о томъ, да о семъ. Во время бесѣды Хираи Хосіо обратился къ своимъ собесѣдникамъ:

— А слышали вы, что болтають, будто въ Расіомонъ, въ девятомъ кварталѣ, появляется чортъ?

— Что за чепуху ты рассказываешь? Теперь во всей Японіи не найти нигдѣ чертей, послѣ того какъ они уничтожены недавно на Оеяма — возразилъ ему Ватанабе Цуна.

— Странно! Однако толкуюте же вѣдь, что есть.

— Ну, это только молва, не больше. Если даже тогда и уцѣлѣлъ какой нибудь изъ нихъ, такъ отъ одного только страха передъ грознымъ Райко онъ забѣжалъ не то пожалуй въ Китай, не то въ Индію.

— Очень ужъ легко относишься ты къ моимъ словамъ, почтеннѣйшій Ватанабе. Что-же ты думаешь, надуваю я тебя, что-ли?

— Да ничуть не бывало; а только несуразно ужъ очень все это.

— Если ты сомнѣваешься, такъ самое простое пойти и посмотреть. Нѣтъ ничего лучше непосредственной пробы.

— Ты, господинъ Хираи, думаешь, можешь, что я не рѣшусь пойти?

— А можешь пойти, такъ походи и посмотри.

— Конечно, пойду! Съ твоего позволенія я вѣдь Ватанабе Цуна; не кто-нибудь иной. Могъ ли бы я называться витяземъ Райко, если бы сталъ пугаться какого-то тамъ чорта! Вотъ сейчасъ же, немедля ни минуты, и пойду, и посмотрю.

И безъ того мужественный и храбрый Ватанабе, подвыпивъ въ этотъ вечеръ, сталъ еще смѣлѣе, еще отважнѣе; не теряя ни минуты, онъ снаряжился въ путь.

— Ну такъ, — сказалъ онъ — дай же мнѣ что-нибудь такое, что могло бы служить нагляднымъ доказательствомъ того, что я дѣйствительно ходилъ туда.

— Ладно! Да вотъ эта дощечка; ты поставь ее тамъ въ доказательство, того что ты дѣйствительно ходилъ туда.

— Такъ, значить, я поставлю эту дощечку у воротъ, какъ доказательство! А ты завтра утромъ пойди посмотреть, и узнаешь, ходилъ я или нѣтъ. Какъ! Я Цуна! Да чтобы я не захватилъ живьемъ одного какого-то тамъ, или двухъ даже чертей? — Захвачу и покажу тебѣ ихъ. — Сѣвъ на коня, онъ смѣло и безстрашно выѣхалъ изъ дворца.

На бѣду въ этотъ вечеръ какъ разъ лилъ дождь, да вдобавокъ еще поднялся вѣтеръ; тьма стояла такая, что просто зги не видно; прохожихъ не было ни души. И было такъ мрачно кругомъ, такъ уныло, такъ страшно, что волосъ сталъ бы дыбомъ у всякаго другого, кто вздумалъ бы только высунуть носъ изъ дому, но Ватанабе Цуна извѣстенъ былъ, какъ отчаянный смѣльчакъ. Не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на дождь, ни на вѣтеръ, онъ подгонялъ только впередъ, да впередъ своего коня, стараясь поскорѣе добраться до Расіомона.

— Вотъ и Расіомонъ. А ну-ка, гдѣ же тутъ этотъ чортъ? — заговорилъ онъ самъ съ собою и началъ повсюду искать; но сколько ни искалъ чорта и признаковъ нѣтъ;

— Ловкій малый этотъ Хираи, здорово потѣшился надо мною. Ну, что-же! Поставлю вотъ тутъ дощечку, да и поѣду себѣ потихоньку домой, — продолжалъ онъ разговоръ самъ съ собою и, поставивъ дощечку на каменную плиту у воротъ, хотѣлъ было уже направиться въ обратный путь.

— Не спиши, молодецъ! — раздался вдругъ позади его чей-то голосъ, и въ тотъ же моментъ кто-то схватилъ его за натыльникъ шлема.

Цуна изумился такой неожиданности, но ничуть не испугался.

— Кто это? — спросилъ онъ и дотронулся до схватившей его руки. Что за ручища! Съ добрый чурбанъ толщиною и вся мохнатая. Цуна сообразилъ, что это не кто иной, какъ тотъ самый чортъ. Моментально выправилъ онъ свой мечъ и наотмашь рубнулъ снизу по рукѣ. Крякнулъ только чортъ и сейчасъ же выпустилъ шлемъ, за который держался; но вслѣдъ за тѣмъ онъ заскочилъ спреди и кинулся на Цуна, чтобы пожать его за одинъ разъ. Глянулъ на него Цуна: а ростомъ онъ выше городскихъ воротъ, а глаза сверкаютъ, какъ зеркала, а изъ пасти пышетъ пламя, точь точь, какъ изъ громадной печи.

Начался у нихъ тутъ бой, у Цуна съ чортомъ. Нѣсколько времени сражались они, то насакивая одинъ на другого, то отсакивая, но наконецъ такой даже, какъ чортъ, и тотъ пришелъ въ ужасъ отъ силы и смѣлости Цуна. Улучивъ моментъ, онъ опростомею кинулся бѣжать.

— Ага, бѣжишь? Не уйдешь! — крикнулъ Цуна и бросился въ догонку за чортомъ. Но чортъ былъ очень великъ, и Цуна не могъ равняться съ нимъ въ бѣгѣ; въ концѣ концовъ чортъ скрылся съ глазъ и убѣжалъ отъ него.

— Экая досада! Ну, что-же! убѣжалъ, такъ убѣжалъ. Ничего не подѣлаешь; придется возвращаться домой съ пустыми руками, поду-

малъ Цуна, но вдругъ онъ замѣтилъ, что внизу у каменной плиты воротъ что-то лежитъ. Недоумѣвая, что это такое, онъ нагнулся, чтобы поднять, и тутъ только разглядѣлъ, что это та самая рука чорта, по которой онъ рубнулъ мечемъ.

— Эге, такъ это я ее-то и отрубилъ. Ладно, ужъ коли самый чортъ ударилъ, такъ и это годится, — сказалъ онъ, и, зажавъ бережно руку, въ охалку тотчасъ же направился домой.

Тамъ онъ показалъ эту руку всѣмъ, начиная съ Хирии. Показалъ ее и вельможному Райко. Всѣ до единого удивлялись, и слава о его подвигѣ шла изъ устъ въ уста. Слухи о немъ распространились скорѣ по всей столицѣ, и имя доблестнаго Ватанабе Цуна стало еще знаменитѣе, еще славнѣе.

Цуна возвратился въ свой собственный домъ, куда и перенесъ руку чорта, но предполагая, что оставшійся самъ въ живыхъ чортъ можетъ явиться за ней, онъ положилъ ее въ крѣпкій ящикъ, закрылъ наглухо крышкой и, поставивъ ящикъ въ своей комнатѣ, рѣшилъ не показывать ее рѣшительно никому.

Прошло нѣсколько времени, и вотъ однажды вечеромъ кто-то постучалъ въ наружную дверь дома. Вышедшій на стукъ слуга увидѣлъ стоявшую передъ дверью благообразную старушку; кромѣ нея, никого больше тамъ не было.

— Кто ты такая? — спросилъ слуга.

— Я бывшая кормилица вашего господина; своей грудью вскармливала его, когда онъ былъ младенцемъ. Если онъ дома, то я хотѣла бы повидаться съ нимъ — отвѣчала старуха, ласково улыбаясь.

— Ну, такъ подожди, пожалуйста, немножко — сказалъ слуга и пошелъ доложить объ этомъ Цуна, который, выслушавъ докладъ, задумался.

— Что такое? Кормилица... въ такое время? — удивился онъ. Какъ ни суровъ былъ Цуна, но его охватило теплое чувство, чувство привязанности, когда онъ услышалъ о кормилицѣ, вскормившей нѣкогда его своей грудью.

— Просить ее сейчасъ же въ комнаты! — приказалъ онъ и самъ торопливо пошелъ на встрѣчу входившей старухѣ.

— Здравствуй, матушка! Давненько таки не видались мы съ тобой! — привѣтствовалъ онъ ее. Кормилица видимо обрадовалась.

— Здравствуй, здравствуй, благородный Цуна! Какъ живешь, можешь? Какъ я рада, что вижу тебя въ добромъ здоровьи.

— Ну а ты какъ поживаешь? Здорова ли?

— Благодарю, хорошо. — Когда они обмѣнялись взаимно привѣтствіями, кормилица сказала:

— А кстати, Цуна, нынѣ толкуютъ по всему городу, что недавно въ Расіомонъ ты изволилъ отрубить чорту руку. Вѣдь это подвигъ, славный подвигъ!

— Ну, ужъ будто! Я рассчитывалъ захватить его живьемъ, да ничего видно не подѣлалъ, далъ таки ему въ концѣ концовъ убѣжать. Ужасно досадно; такого далъ я маху!

— Помилуй! Хотя самъ онъ и ускользнулъ, но за то ты вѣдь

добылъ же его руку; мало развѣ это? Подумать только! Тотъ самый баричъ, котораго я вскормила, теперь выросъ уже и отрубилъ у чорта руку! Когда я услышала объ этомъ, то такъ обрадовалась, такъ обрадовалась, какъ будто сама я отрубила голову чорту. Да, да, ну, а кстати не покажешь ли ты эту руку своей матушкѣ-кормилицѣ?

— Нѣтъ, показать никакъ нельзя.

— Какъ такъ? Почему нельзя?

Видишь ли? — чортъ, малый настойчивый и упрямый. Почемъ знать, не придетъ ли онъ когда нибудь за

своей рукою? Такъ вотъ я и заперъ ее накрѣпко въ ящикъ и не показываю рѣшительно никому.

Да, ты правъ. Тебѣ надо быть осторожнымъ. Но вѣдь я не то, что кто-нибудь иной; ты смѣло можешь показать ее мнѣ, твоей старой кормилицѣ.

— Нельзя, право же нельзя. Ты ставишь меня въ затруднительное положеніе.

— Значитъ, ты считаешь меня должно быть развѣдчикомъ подосланнымъ чортомъ.

— Что ты? И въ голову не приходило мнѣ ничего подобнаго.

— Тогда, значитъ, можно и показать. Мнѣ такъ хочется, такъ хочется посмотреть, что это за штука, рука чорта. Покажи; пожалуйста покажи. — Она такъ приставала, такъ настойчиво просила, что даже непреклонный Цуна не могъ не уступить ей.

— Не слѣдуетъ собственно показывать ее какъ есть никому, сказалъ онъ, но ужъ пусть будетъ по твоему; я покажу, но потому только, что это именно ты, а не кто нибудь другой. Пойдемъ со мной.

— Такъ ты согласишься показать? Благодарю. — Слѣдомъ за Цуна кормилица вошла въ его комнату. Въ комнатѣ стоялъ простой ящикъ. Подойдя къ нему, Цуна сказалъ:

— Она лежитъ въ ящикѣ; внимать ее отсюда нельзя. Подойди къ ящику и можешь посмотреть ее. — Съ этими словами онъ поднялъ крышку ящика.

— Посмотримъ, посмотримъ, что оно такое! — радостно заговорила старуха и, подойдя поближе къ ящику, внимательно стала разглядывать, ...но вдругъ она ухватилась за лежавшую въ ящикѣ руку.

— Ага, удалось! Вернулъ таки свою руку! — воскликнула она и въ тотъ же моментъ совершенно преобразилась. Въмѣсто старухи оказался страшный чортъ въ своемъ настоящемъ видѣ. Онъ тутъ же пустился на утекъ.

— Вотъ такъ штука! Ловко же меня провели! Такъ ты вернулся, значитъ? — закричалъ Цуна и, обнаживъ мечъ, бросился на чорта. Чортъ увертывался изо всѣхъ силъ, отскакивая то вправо, то влево и, выбравъ удобный моментъ, проломилъ когтями потолокъ и, проскочивъ на крышу, въ одинъ мигъ исчезъ совсѣмъ изъ глазъ.

Второй разъ уже выпустилъ Цуна чорта изъ рукъ. Онъ просто скрежеталъ зубами отъ ярости, и тѣмъ досаднѣе было ему, что онъ не могъ даже отправиться доконать чорта, такъ какъ не зналъ, гдѣ онъ обитаетъ. Но на нѣтъ и суда нѣтъ. Послѣ этого Цуна принялъ всѣ мѣры, чтобы быть готовымъ ко всему и не попасть опять въ просакъ; онъ былъ увѣренъ, что теперь ужъ не сорвется, и гдѣ бы ни попался ему чортъ, не ускользнетъ онъ теперь изъ рукъ его.

Но и чортъ видимо не на шутку сталъ бояться Цуна и послѣ этого совсѣмъ пересталъ появляться въ столицѣ.

А затѣмъ и всѣ жители понемногу успокоились и безбоязненно стали ходить по ночамъ.

Обезьяна и Медуза.

Давнымъ давно тому назадъ на днѣ моря-океана жилъ былъ Драконъ. Онъ былъ владыкою надъ всѣми, что ни на есть въ мѣрѣ рыбами; могущественнѣе и главнѣе его не было въ океанѣ никого и его чтили подлѣ имени Дракона-царя, Дракона-бога ¹⁰⁸⁾.

Драконъ былъ одинокъ, супруги у него не было. Какъ никакъ, а непригоже было оставаться безъ супруги владыкѣ надъ всѣмъ рыбнымъ царствомъ. Холостому и почета меньше, и величіе и важность—все это то, да какъ будто не совсемъ то. Такъ вотъ, выбралъ себѣ Драконъ невѣсту Дракониху и порѣшилъ сыграть свадьбу. Ну, конечно, разъ женится Драконъ-царь, то и свадьба значить царская. Въ морѣ поднялась страшная суета. Все, что жило въ океанѣ, начиная съ громаднаго кита и кончая мелко-плавающей рыбешкой, всѣ до единой отправились съ поклономъ во дворецъ Дракона, поздравили его, поднесли дары и пропѣли Дракону многолѣтіе.

А затѣмъ Драконъ и молодая супруга его зажили себѣ, какъ нельзя лучше; миръ и согласіе были между ними, все шло по хорошему. На удивленіе счастливая жизнь была у нихъ.

Такъ прошелъ мѣсяцъ или два. Но вотъ случилось, что молодая новобрачная, царица-Дракониха, ни съ того, ни съ сего заболѣла вдругъ и слегла.

Слегла ненаглядная супруга Дракона, души въ которой онъ не чаялъ, и беспокойство и тревога охватили его. Призвавъ онъ во дворецъ врача, бородавчатого Осьминога-отшельника, и приказалъ ему лечить больную; а кромѣ того назначилъ безотлучно бодрствовать и дежурить при ней фрейлинъ и дворцовую прислугу.

Но какъ ни ухаживали за больной Драконихой, какъ ни старались, а она все не поправлялась. И не только не поправлялась, но наоборотъ ей становилось все хуже и хуже. Драконъ совсемъ потерялъ голову. И вотъ какъ-то обратился онъ къ врачу Осьминогу съ такой рѣчью:

— Послушай, Осьминогъ! Вѣдь ты же врачъ! А если врачъ, такъ почему не лечишь ты, какъ подобаетъ настоящему врачу? Ты, я вижу, умѣешь только покачивать своей огромной головой, да глубокомысленно вытягивать губы, а знаній и умѣнья у тебя,

видно, нѣтъ ровно таки никакихъ—говорилъ Драконъ съ сердцемъ. Осьминогъ перетрусилъ.

— Виноватъ — почтительно и смиренно отвѣчалъ онъ.—Я и самъ отъ всей души желаю излечить болѣзнь какъ можно скорѣе, но что я ни дѣлаю, какъ ни стараюсь, выходить совсемъ не такъ, какъ мнѣ хочется; болѣзнь не излечивается. Я просто не знаю, что и дѣлать. Виноватъ, очень виноватъ! А при всемъ томъ еще здѣсь въ

нашихъ мѣстахъ нѣтъ къ несчастью того лекарства, которое можетъ излечить эту болѣзнь.

— Что такое? Здѣсь нѣтъ того лекарства, которое нужно именно противъ этой болѣзни? — прервалъ его Драконъ недо-
вольнымъ тономъ.

— Такъ точно!

— Что же это за лекарство такое?

— Самая обыкновенная вещь; живая печень обезьяны.

— Что? Живая печень обезьяны? Ну, конечно, ее не найти здѣсь, въ нашихъ мѣстахъ.

— А будь только она, пресвѣтлѣйшая супруга твоя сразу же вылезла бы.

— Неужели? Ну, если это такое хорошее лекарство, то непременно надо достать его. А гдѣ же его можно бы найти?

— Вотъ гдѣ! На югъ отсюда есть островъ Саругадзима¹⁰⁶⁾. На этомъ островѣ живетъ множество обезьянъ. Надо только отправиться туда и захватить одну изъ нихъ. Вотъ и все.

— Такъ! Но вѣдь обезьяны живутъ на сушѣ, а наши подданные таковы, что имъ не совсѣмъ то по себѣ безъ воды. Врядъ ли найдется изъ нихъ кто-нибудь такой, что могъ бы отправиться на островъ для захвата обезьяны.

— Да, если такъ, то я ужъ не знаю, какъ и быть... Впрочемъ, вѣдь, у тебя такъ много подданныхъ! А, можетъ, и найдется кто-нибудь, способный ходить по сушѣ? По моему, непременно надо поискать кого-нибудь подходящаго и поручить ему это дѣло. — Осьминогъ говорилъ отъ всей души, съ преданностью и почти-
тельностью.

— Ладно, такъ и сдѣлаемъ! — сказалъ Драконъ и потребо-
валъ къ себѣ министра двора, краснаго Тай, съ которымъ сталъ держать совѣтъ. Долго думалъ Тай, склонивъ на бокъ голову. Вдругъ его осянула мысль.

— Да что же! — воскликнулъ онъ. — А вѣдь у насъ какъ разъ есть подходящій малый для такого дѣла. Медуза Хопенаи, кто-же больше, какъ не она! Безобразна Медуза на видъ, это правда, но за то она, какъ сама же издавна хвастается, можетъ свободно двигаться по сушѣ, потому-моль, что у нея четыре лапы, какъ у черепахи все равно. Вотъ, вотъ! Ей именно и поручить это! — Драконъ кивнулъ головою.

— Прекрасно! Ей и прикажу я, — сказалъ онъ и повелѣлъ призвать къ себѣ Медузу. Явилась Медуза и, недоумѣвая, зачѣмъ бы это ее потребовали во дворецъ, предстала передъ Дракономъ. Драконъ приказалъ ей отправиться на островъ Саругадзима и захватить тамъ живьемъ одну изъ обезьянъ, живая печень которой необходима для лекарства отъ болѣзни его супруги. При этомъ Драконъ пообѣщалъ щедро наградить Медузу, если она выполнитъ порученіе толково и успѣшно. Не отличающаяся умомъ и сообразительностью Медуза пришла въ замѣшательство отъ такого порученія.

— Слушаю — отвѣчала она, — но мнѣ никогда еще до сихъ поръ не приходилось захватывать живьемъ того, что называется обезьяной. Какъ это сдѣлать, чтобы захватить ее живьемъ? — Тутъ выступилъ Тай.

— Видишь ли? Какъ бы ты тамъ ни старалась, но захватить живьемъ обезьяну при помощи одной только силы — дѣло трудное. Надо какъ-нибудь обмануть ее, — сказалъ онъ.

— Обмануть? А какъ же обмануть?

— Вотъ какъ; когда ты доберешься до обезьяны, привѣт-
ствуй ее вѣжливо и почтительно, наговори ей кучу любезностей, и когда она придетъ въ хорошее расположеніе духа, когда ты расположишь ее къ себѣ, ты скажи ей: А кстати, г-жа обезьяна, не хочешь ли ты прогуляться со мною въ наши края. У насъ есть тамъ дворецъ Дракона. Ужъ и штука же это скажу я тебѣ! Что и за красота, что и за прелесть! Одно заглядѣнь, да и только. Я покажу тебѣ конечно весь его. — Вотъ расхваливая такъ на разные лады дворецъ, завлечи ты ее и до-
ставь сюда.

— Но вѣдь обезьяна, кажется, не умѣетъ плавать?

— Что-жъ дѣлать; придется тебѣ везти ее на своей спинѣ.

— Тяжела, пожалуй, будетъ очень.

— Вотъ въ этомъ то и вся штука. Тяжеленька-то она тя-
желенька. Ну, перетерпи ужъ!

— Хорошо! Я все такъ и сдѣлаю; доставлю ее сюда.

— Смотри же, будь внимательна; не промахнись на чемъ-
нибудь!

— Постараюсь! — Медуза хорошенько заучила преподанныя ей наставленія. — Ну, я отправлюсь, — сказала она и, всплывъ на волны,

и легонько покачиваясь на них, направилась прямехонько къ Саругадзима.

Долго ли, коротко ли, но вотъ прибыла она на Саругадзима, оглядѣлась хорошенько кругомъ. Глядя! А какъ разъ противъ нея, на соснѣ, тутъ-какъ тутъ огромная обезьяна.

— Ага! Есть, есть обезьяна. Прекрасно! Ну-ка попробую прежде всего наговорить ей любезностей, какъ училъ меня Тасомонъ¹⁰⁷⁾, польстить ей, — заговорила сама съ собою Медуза, увидавъ обезьяну и нетерпливо, безшумно пододвинулась въ подножію дерева, на которомъ сидѣла она.

— Здравствуй, госпожа обезьяна! — сказала она громко. — Удивительно хороша погода сегодня.

— Мое почтеніе! Да, погода дѣйствительно прекрасная. Но я, какъ будто, не видала тебя никогда прежде на нашемъ островѣ. Откуда ты собственно пожаловала сюда?

— Я? Я изъ подданныхъ Дракона; зовутъ меня Медуза Хоненаи. Слышала, что этотъ островъ, Саругадзима, на которомъ ты живешь, такое хорошее, такое ужъ хорошее мѣсто! Ну вотъ и собралась нарочно поглядѣть его.

— Вотъ какъ? Добро пожаловать; милости просимъ, — отвѣчала обезьяна съ дерева.

— Благодарю. Ну а ты, госпожа обезьяна! Приходилось ли тебѣ видѣть когда-нибудь дворецъ Дракона, въ которомъ я живу?

— Нѣтъ; слышать я слышала о немъ, но видѣть не приходилось.

— Дачто ты? Какая жалость! Дворецъ Дракона... Да знаешь ли, какъ ни хорошо рисуютъ его на картинахъ, но куда же всему этому до того, настоящаго дворца! Нигдѣ во всемъ свѣтѣ не сыщешь такой прелести.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ужли такъ онъ хорошъ?

— И... и, да что и говорить! Красота то ужъ, такая-то красота! Возьмемъ садъ: тамъ и персики, тамъ и каштаны, тамъ и каки. Да и какъ же много ихъ; спѣютъ себѣ круглый годъ безъ перерыва; рви сколько хочешь. Эхъ, хорошее, чудное мѣсто дворецъ этотъ! — Медуза нахваливала дворецъ, какъ только умѣла, и мало-по-малу обезьяна начала итти на приманку. Она спустилась съ дерева на землю и съ удовольствіемъ внимательно слушала медузу, стараясь не проронить ни слова. Медуза сообразила, что наступилъ подходящий моментъ и обратилась къ обезьянѣ.

— Ну, такъ вотъ, госпожа обезьяна, я сейчасъ отправляюсь

обратно, домой къ себѣ. Если ты не видала еще никогда дворца, такъ это какъ разъ удобный случай. Я могу быть тебѣ проводникомъ. А, какъ думаешь?

— Да, видишь ли... отправиться, отчего не отправиться? Я бы съ удовольствіемъ; только я, вѣдь, не умѣю ходить по водѣ.

— Ну, это пустое, тебѣ и думать не стоитъ объ этомъ; я отлично доставлю тебя туда на своей спинѣ.

— Совѣстномнѣправо, утруждать тебя.

— Ничего; тяжеленька ты, правда, новсе равно, перетерплю ужъ какъ-нибудь.

— Если ты такъ любезна, то я съ удовольствіемъ, хотя право мнѣ и совѣстно... Тутъ обезьяна усѣлась медузѣ на спину, и онѣ тронулись въ путь по морскимъ волнамъ.

— Не шевелись, обезьяна! Свалишься.

— Осторожи! Плыви, пожалуйста, потихоньку. — Понемногу, да понемногу все подвигались онъ впередъ; вотъ уже и половина пути. Тутъ медуза обратилась къ обезьянѣ.

— А что Обезьяна, есть у тебя штука, которая называется живой печенью? — Такой неожиданный вопросъ очень удивилъ Обезьяну.

— Есть то есть. Да что тебѣ вздумалось спрашивать объ этомъ? — отвѣчала она.

— А какъ же! Это очень важно; потому и спрашиваю.

— Очень важно?

— Ну конечно! Да ты сама скоро узнаешь.

— Скоро узнаю? Но это ужасно! Скажи, пожалуйста, въ чемъ дѣло? Я очень беспокоюсь.

— Такъ ужъ и быть, скажу; разжалобилаты меня. Дѣло въ томъ, что у насъ опасно заболѣла супруга Дракона. Какъ тамъ ее ни лечили, она все никакъ не можетъ поправиться, и вотъ врачъ рѣшилъ, что единственнымъ лекарствомъ противъ этой болѣзни можетъ быть живая печень обезьяны. Онъ говоритъ, что будь только эта печень, такъ болѣзнь мигомъ можно излечить совершенно. Поэтому-то мнѣ и приказано захватить тебя живьемъ и доставить во дворецъ. Теперь, значитъ, когда ты придешь во дворецъ Дракона, врачъ схватитъ тебя и выр-

ветъ у тебя заживо печень. Жаль мнѣ тебя бѣднягу, право жаль! — Въ ужасъ пришла обезьяна, прослушавъ рассказъ Медузы. Она вся стала дрожать отъ страха при мысли объ ожидавшей ее участи.

— Такъ вотъ оно что! — подумала она. — Такой страшный замыселъ! Значить медуза явилась единственно съ цѣлю завлечь меня обманомъ? — Но что дѣлать теперь? Какъ выйти изъ этого положенія? Вѣдь я какъ разъ на срединѣ моря. Ладно же! Надо взять себя въ руки. Спастись можно только при помощи какой нибудь хитрости. Посмотримъ, чья возьметъ. — Рѣшивъ на этомъ, она приняла спокойный, хладнокровный видъ и сказала медузѣ:

— Только и всего? Благодарю, что сказала. Но отчего все-таки не сказала ты мнѣ объ этомъ раньше?

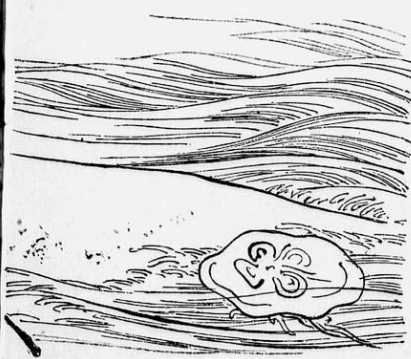
— Какъ бы не такъ! Скажи я тебѣ раньше, ты ни за что не отправилась бы со мною.

— Глупости говоришь! Такая ли я обезьяна, чтобы пожалѣть одну или двѣ изъ своихъ печеней? А тутъ тѣмъ болѣе, что дѣло касается болѣзни супруги Дракона. Да я сама стала бы просить, чтобы мнѣ позволено было преподнести ей печень. Жаль, жаль, что не сказала раньше! Я, вѣдь, оставила всѣ свои печени на деревь.

— Какъ такъ? Ты оставила печени?..

— Очень просто! Таскать ихъ постоянно съ собою, такъ онѣ мѣшаютъ мнѣ. Ну вотъ я и вынимаю ихъ на день, и вѣшаю на вѣтвяхъ дерева. Знай я только раньше, что нужна печень, я, конечно, захватила бы ее при отправленіи, но ты молчала, а мнѣ самой не пришлось это въ голову, и я совсѣмъ позабыла о нихъ.

— Вотъ бѣда еще! Ну зачѣмъ я привезу тебя туда, если при тебѣ нѣтъ печени? На что ты сдалась безъ ней?

— Что же дѣлать. Видишь, какъ вышло. Какъ ни жаль мнѣ тебя, но придется вернуться назадъ.

— Еще разъ на островъ?

— Да еще разъ. Иначе, вѣдь, и печени никакъ не достанешь.

— Э-эхъ! Ну ладно; вернемся ужъ! А вѣрно, что онѣ тамъ на прежнемъ мѣстѣ?

Тамъ, тамъ. Тамъ есть прекраснѣйшая огромная печень.

— Такъ ты ее именно и захвати.—Глупая медуза! Не мало труда стоилъ ей и передній путь, а она опять повернула назадъ, опять поплыла къ Саругадзиму. Добрались они, наконецъ, опять до прежняго берега. Въ одинъ моментъ вскарабкалась Обезьяна на сосну и насмѣшливо глядя съ вершины дерева на Медузу сказала:

— Спасибо, спасибо тебѣ, госпожа медуза, за труды! Кланяйся, пожалуйста, отъ меня Дракону, когда вернешься домой.

— Что ты говоришь, обезьяна! А печень? Какъ же такъ?

Обезьяна презрительно засмѣялась.

— Да также. Неужели я-таки соглашусь, чтобы у меня заживо вырвали печень?

— А условіе наше?

— Чепуха, конечно!

— Какъ чепуха?

— Да такъ. Печень внутри меня, какъ и надо ей быть; и если ее вырвать, то я должна умереть. Нѣтъ, извини пожалуйста! Не согласна я на это, не отдамъ. Если ужъ такъ хочешь тебѣ ее, полѣзай сюда на дерево. Не залѣзть только тебѣ, къ сожалѣнію.— Повернувшись къ медузѣ своей

красный задъ и похлопывая по немъ, обезьяна начала насмѣхаться и издѣваться надъ медузой, которая тутъ только поняла, что она попала впросакъ, обманута обезьяной. Въ бѣшенствѣ билась она о берегъ, но обезьяна сидѣла на высокомъ деревѣ и ничего съ ней нельзя было подѣлать.

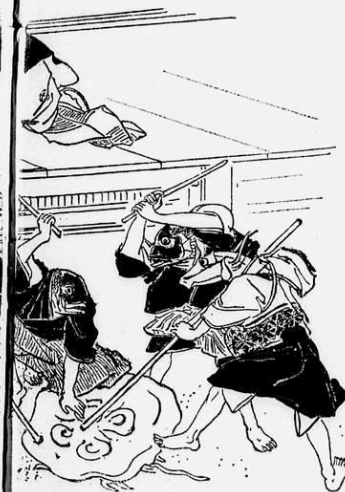
— Тварь ты, негодная тварь! Ловко меня обманула. Ладно же! помнишь ты меня. Я нажалуюсь на тебя Дракону, какъ только вернусь домой!—кричала медуза и со слезами на глазахъ, съ печалью въ душѣ, направилась въ обратный путь во дворецъ Дракона.

А тамъ, во дворцѣ, Драконъ совсѣмъ потерялъ терпѣніе, давно уже ожидая медузу. Вытянувъ шею, выглядывалъ онъ ее, рассчитавъ, что уже давно бы пора ей вернуться. Но вотъ появилась медуза, грустная, унылая.

— А, медуза! Благодарю, благодарю! Захватила обезьяну, привезла? Гдѣ же она, гдѣ?—заговорилъ Драконъ, торопясь и волнуясь. Медуза пала ницъ предъ нимъ.

— Сначала я очень ловко обманула обезьяну и довезла, было, ее уже до половины пути, но тутъ она въ свою очередь обманула меня, наговоривъ мнѣ будто она позабыла захватить свою печень и разное такое...—отвѣчала медуза, доложивъ подробно все, какъ было. Въ бѣшенство пришелъ Драконъ. Оскалилъ онъ клыки свои и грозно зарычалъ.

— Всѣ кости изъ тебя вышибить! Такимъ идиотамъ, какъ ты, можно жить и безъ костей. Эй, слуги, сюда! Вышибить всѣ кости изъ этой твари и раздробить ихъ, а ее вышвырнуть вонъ!—Мигомъ сбѣжались на грозный окрикъ слуги и окружили медузу.

— Пошадите, пошадите меня! — кричала она.

— Драконъ приказалъ. Крѣпись, мужайся! — Собравшіе вокругъ медузы, они выколотили изъ нея всѣ кости и начали дробить ихъ дубинками, такъ что только хряскъ пошелъ. А затѣмъ выбросили медузу вонъ изъ дворца.

Сама виновата медуза! Своей собственной несообразительностью и глупостью вызвала она гнѣвъ властелина своего Дракона. И съ этого времени стала она дѣйствительно Хоненаи, т. е., безъ костей. Нѣтъ у нея ни глазъ, нѣтъ у нея ни рта; вся она, какъ гладко-бритая голова бонзы.

Такъ съ тѣхъ поръ и плаваетъ она, вѣчно колыхаясь, на морскихъ волнахъ.

Адацигахара.

Давнымъ давно, какъ передаетъ молва, жила - была въ нѣкоторомъ мѣстѣ, по имени Адацигахара¹⁰⁸) провинціи Осю, страшная, престрашная вѣдьма, которая хватала проходившихъ поблизости путниковъ и пожирала ихъ.

Случилось, однажды, что забрелъ въ Адацигахара странствующій буддѣйскій монахъ. Солнце какъ разъ уже садилось, наступали сумерки; дулъ холодный вѣтеръ. Дороги впереди еще много, а ноги уже устали, голодъ донимаетъ. Что тамъ ни будь, а итти дальше нельзя никакъ! И бонза сталъ подумывать о томъ, чтобы попроситься на ночлегъ въ первомъ же домѣ, какой только попадется ему. Но, къ несчастью, онъ находился какъ разъ на самой серединѣ огромнаго пустыря, и кругомъ не было ни гостиницъ, ни вообще какого нибудь человѣческаго жилья. Бонза былъ въ отчаяніи и совершенно не могъ придумать, какъ ему выпутаться изъ этой бѣды. Но, вотъ, вдругъ далеко, далеко впереди показался огонекъ.

— Ага! — подумалъ бонза — должно быть тамъ есть какое нибудь жилье. Отлично! Ну - ка, поскорѣе туда; попробую попроситься на ночлегъ! — И онъ поплелся на своихъ усталыхъ ногахъ, налегая на посохъ и направляясь на огонекъ. Плелся, плелся и наконецъ, таки дошелъ. Глянулъ... А одинъ одинѣшенекъ стоитъ себѣ посреди 'пустыря домишко! Заборъ поломанъ; столбы покривились и покосились. Грязный, унылый, запустѣлый домишко! Въ домикѣ оказалась благообразная, привѣтливая на видъ старушка. Она, не покладая рукъ, пряла пряжу, сядя около поломаннаго свѣтильника.

Осмотрѣвшись, бонза окликнулъ старуху черезъ заборъ:

— Эй, бабушка! Я путникъ. Заблудился я въ этой пустынь; не знаю просто, какъ и быть теперь. Пусти, пожалуйста, отдохнуть, переночевать ночку.

— Да, неприятно твое положеніе; это вѣрно! Но, видишь ли, это одинокая, бѣдная хижина, и нѣтъ здѣсь ни мягкой постели... да и ничего вообще нѣтъ. Такъ что ужъ извини, пожалуйста; нельзя здѣсь остановиться! — отвѣчала старуха. Бонза пришелъ въ ужасъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не надо мнѣ постели. Ничего не надо. Разрѣши только мнѣ помѣститься подъ кровлей; больше ничего и не прошу. Пожалуйста не отказывай; пусти переночевать! — Бонза просилъ такъ настойчиво, такъ убѣдительно, что старуха видимо смягчилась.

— Ну, коли ты такъ просишь, пусть такъ и будетъ. Ладно ужъ! Если не пренебрегаешь моею убогой хижинкой, заходи пожалуй.

Располагайся, какъ тебѣ удобнѣе; отдыхай! — ласково и приветливо заговорила старуха. Бонза обрадовался.

— Большое тебѣ спасибо! Такъ ты значить позволяешь? Благодарю, благодарю! — отвѣчалъ онъ, снимая тутъ же свою шляпу и дорожные сандалии.

— Да-а! Изъ большой бѣды выручила ты меня, бабушка. Я иду путемъ-дорогою; мѣстъ этихъ не знаю, ну и заблудился на пустырь. Не знаю прямо-таки, что и дѣлалъ бы я дальше, не прими ты меня такъ радушно. Вотъ ужъ, правда, неожиданная помощь. Какъ только и благодарить тебя. Наму амида буцу! Наму амида буцу!¹⁰⁰⁹

Продолжая разговаривать, бонза вошелъ въ хижину.

Старуха ласково улыбнулась, отставила въ сторону свою прялку и подошла къ очагу¹¹⁰⁹.

— Вонъ какой холодище! Тяжеленко же должно быть пришлось тебѣ. Ну, ничего. Подсаживайся сюда, погрѣйся у огонька!

— Какъ-же, какъ-же! Благодарю. А-а! хорошо, тепленько! Вотъ ужъ прямо совсѣмъ, какъ возродился.

— А навѣрно ты такъ-таки и не ѣлъ ничего?

— Да, по правдѣ сказать, я порядкомъ голоденъ, поотощалъ совсѣмъ.

— Какая жалость! Ну, погоди малость, я наложу тебѣ чегонибудь перекусить. Старуха отправилась въ кухню, изготовила ужинъ и угостила бонзу. И такъ-то ужъ была она ласкова, такъ-то ужъ была приветлива, что бонза весь растаялъ и не зналъ, какъ и благодарить свою благодѣтельную.

Послѣ ужина они оба опять усѣлись подлѣ огня и повели разговоръ о томъ, да о семъ. Но вотъ, пока они калякали, топливо въ очагѣ сгорѣло, и огонь понемногу, да понемногу угасъ совсѣмъ. Такъ было хорошо, тепло, а тутъ опять наступилъ холодъ.¹¹¹

— Ой! — воскликнула старуха. — Вотъ бѣда еще! Топливо сгорѣло все. Не оставаться же такъ въ холодѣ. Ну ладно! Я пойду на гору, пособиру малость валежника. А ты ужъ побудь дома. Придется малость поскучать тебѣ, ничего не подѣлаешь.

— Ты хочешь итти? Зачѣмъ же тебѣ трудиться? Я вѣдь и самъ могу пойти набрать. Непростительно будетъ мнѣ допустить итти тебѣ, такой старухѣ! — отвѣчалъ простодушно монахъ. Старуха отрицательно покачала головой.

— Ну нѣтъ! Ты гость! Сиди себѣ спокойно. Такая жалкая заброшенная хижина, никакого угощенія, да если еще я не позабочусь, чтобы хоть огня было вдосталь!.. Ну, однимъ словомъ, оставайся себѣ спокойно дома. Прошу тебя! — сказала она и вышла, было, изъ дома, но вспомнивъ, должно быть, что-то вернулась назадъ.

— Я хочу кое-что сказать тебѣ. Я скоро вернусь. А пока я буду въ отлучкѣ, ты сиди здѣсь смиренненько и не отходи отъ этого мѣста. Да кромѣ того: тамъ въ глубинѣ дома... тамъ моя спальня. Такъ вотъ, никоимъ образомъ не вздумай заглядывать туда! На это у меня есть свои причины. Если же ты не послушаешь меня, если вздумаешь посмотреть, то, такъ ужъ и знай, не жди отъ меня ничего хорошаго! Она нѣсколько разъ повторила съ настойчивостью свое требованіе. Бонза отвѣчала:

— Ладно, ладно! будетъ по твоему. Разъ ты говоришь не смотреть, такъ чего же ради стану я смотреть. Не буду, не буду; не беспокоюсь!

— Помни же! Ни подъ какимъ видомъ не смотри!

— Конечно, не буду; и не подумаю.

— Ну, такъ я надѣюсь. Однако, надо поторапливаться. — Съ этими словами старуха вышла изъ дома и быстро направились къ горѣ. Бонза остался въ домѣ одинъ. Онъ въ раздумьи сидѣлъ подлѣ очага. Но вотъ онъ сталъ ощущать какъ будто какое-то безпокойство, и беспокоить его начали именно недавнія слова старухи.

— Старуха такъ настойчиво повторяла: «Во время моего отсутствія, не сходи съ этого мѣста и никоимъ образомъ не вздумай заглядывать во внутреннія комнаты». Что же бы это могло значить такое? — думалъ бонза. И чѣмъ дальше думалъ онъ, тѣмъ непокойнѣе и непокойнѣе становилось на душѣ у него.

У человѣка вообще сильно развита склонность поступать наперекоръ. Если сказать ему: «Не дѣлай этого», то ему непременно захочется сдѣлать именно это. Сказать ему: «Не смотри на это», то непременно явится желаніе смотреть. Такъ точно и бонза. До этого времени онъ не думалъ ни о чемъ такомъ, но когда старуха запретила ему заглядывать во внутреннія комнаты дома, то у него сразу же явилось желаніе непременно посмотреть, что тамъ такое.

— Немножко только... мелькомъ взглянуть; вѣдь право же это ничего, — подумалъ онъ и медленно началъ подниматься съ мѣста.

— Нѣтъ, нѣтъ! Хорошо развѣ будетъ, если я посмотрю, послѣ того, какъ она такъ наказывала не смотреть? А кромѣ того... кто знаетъ, что можетъ приключиться со мною? Вѣдь она такъ строго на строго наказывала, предостерегала! Вотъ же ся слова: «А если вздумаешь заглянуть, то такъ и знай, не жди отъ меня хорошаго». Нѣтъ боязно! Ну его подальше совсѣмъ! — Онъ опять сѣлъ на свое мѣсто.

— Положимъ, что-же? Оно, конечно, такъ. Но, вѣдь, опять же... Ея здѣсь нѣтъ; если я сейчасъ и взгляну малость, то объ этомъ не будетъ знать рѣшительно — таки никто, развѣ только не скажу я самъ...

Однако, посмотреть?.. Нѣтъ лучше не смотреть?.. Такъ не смотреть?.. А ну, возьму, да и посмотрю! — Онъ нѣсколько разъ то вставалъ, то опять садился. Наконецъ, рѣшился окончательно.

— А-а! была не была! Посмотрю, пока ся нѣтъ

дома, — рѣшилъ онъ и, не раздумывая больше, осторожно пробрался во внутренние покои въ глубинѣ дома. Заглянулъ туда...

О, ужасъ! Тамъ цѣлыми горами нагромождены были останки поѣденныхъ людей. Въ одномъ углу головы, въ другомъ ноги. Повсюду залито кровью; невыразимо противный запахъ ся ударилъ въ нозь. Бонза оцпенѣлъ отъ ужаса. Ахнулъ только онъ и тутъ же присѣлъ на чѣмъ стоялъ.

Ой! Б... б... б... бѣда, бѣда! — лепеталъ онъ, потерявъ всякую способность двигаться. Безпомощно вертѣлся онъ на одномъ мѣстѣ, все тѣло у него дрожало, и колѣни стучали, но предпринять что либо отъ страха онъ былъ не въ состояніи. Понемногу, наконецъ, онъ оправился, пришелъ въ себя.

— Эге! Такъ вотъ оно, въ какой домъ попалъ я на ночлегъ.

Это, значитъ, и есть обиталище той самой вѣдьмы, рассказы о которой я слышалъ уже давно. И, вѣдь, поди же! Какой радушной, какой привѣтливой старушкой прикинулась она! А вотъ оно, какова она въ своемъ настоящемъ видѣ!

Ну, конечно! Такая страшная вѣдьма пожретъ меня за одинъ разъ. Ахъ ты бѣда какая! Какъ же быть тутъ? Какъ никакъ, а, однако, нечего прохлаждаться въ такомъ мѣстѣ. Сейчас вернется вѣдьма. Что только и будетъ тогда со мной?

Попаду въ бѣду. Ой попаду! Нѣтъ, коли такъ, то нельзя терять ни одного момента. Будь, что будетъ! Поскорѣ только бѣжать отсюда!

Бонза живо изладился, выскочилъ за дверь и безъ оглядки пустился на утекъ.

— Эй! Стой, погоди! — окликнулъ его сзади кто-то, неизвестно кто.

Не слышитъ какъ будто бонза; больше и больше только прибавляетъ бѣга.

— Стой, погоди! Стало раздаваться все ближе и ближе за нимъ и, наконецъ, ясно послышался голосъ старухи, его хозяйки. — А! Негодный монашишко! Какъ ни наказывала я тебѣ, заглянуть-таки ты, значить, въ мою спальню. Ну погоди же, дамъ я тебѣ знать!

— Ай! Ай! Бѣда моя пришла! Пропалъ я, если она схватитъ меня! — лепечетъ бонза и стрѣлой несется, забывъ совсѣмъ про свои усталыя ноги. Летитъ монахъ, что есть духу и, «Наму амида буцу!» — шепчутъ его губы святую молитву.

— Стой, погоди! — раздается сзади.

— «Наму амида буцу!» — слышится впереди.

Такъ бѣжали они добрую часть времени, и перемѣшивались между собою молитва бонзы и оклики вѣдьмы. То жалобное «Наму, амида буцу», то грозное «Стой, погоди», — оглашали одно за другимъ мертвую тишину ночи.

Но вотъ на счастье монаха стало разсвѣтать. Ночь окончилась. Всѣ нечистые, всѣ оборотни боятся свѣтлаго солнца и не смѣютъ показываться при немъ.

Какъ только разсвѣтаетъ, они сразу же слабѣютъ и не могутъ уже ничего сдѣлать.

Такъ и эта вѣдьма. Чуть только разсвѣло, она тутъ же куда-то пропала, какъ будто ея никогда и не было. Монахъ съ облегченіемъ перевелъ дыханіе.

— Ну, ну! Попался же я въ передѣлку; вѣдь едва-едва спасся только! И это, конечно, благодаря божественной помощи, заступничеству святаго Амида, въ котораго я сыздавна вѣрую. Благодарю тебя, Амида. Наму Амида буцу! Наму Амида буцу!

И не разъ, и не два вознесъ бонза свою горячую молитву Буддѣ. А потомъ... Потомъ не мало еще постранствовалъ онъ по бѣлу свѣту, переходя изъ одной провинціи въ другую.

Такое, говорятъ, было дѣло въ старину.

Урасима Таро.

Въ давно минувшія времена, сѣдой глубокой древности, жилъ былъ въ провинціи Танго, въ мѣстечкѣ Мидзуное, рыбакъ по имени Урасима Таро.

Какъ-то вечеромъ, когда онъ, выйдя по обыкновенію на рыбную ловлю, направлялся, было, уже обычнымъ своимъ путемъ дорогою съ морского берега домой, онъ наткнулся на группу дѣтей въ возрастѣ восьми—десяти лѣтъ приблизительно. Самому старшему изъ нихъ было развѣ что лѣтъ одиннадцать—двѣнадцать.

Собравшись кучей, дѣти таскали взадъ и впередъ пойманную ими молоденькую черепаху. Они терсели ее, забавляясь ею, какъ игрушкой, наконецъ, начали бить ее камнями, колоть палками, муча бѣднягу, какъ только могли.

Доброй души былъ Урасима; сострадателенъ былъ онъ. Увидѣвъ, какъ дѣти мучать черепаху, онъ проникся жалостью къ ней.

— Эй вы, вы! Что вы такъ мучите ее... Вѣдь умереть смотрите, коли вы такъ ее... — обратился онъ къ дѣтямъ.

Но шаловливы, непослушны дѣти въ этомъ возрастѣ. И слушать не захотѣли они рѣчи его.

— А и пусть помираетъ себѣ! Намъ любо это — вотъ и все. А ну-ка ее! Ну!... И они начали мучить ее еще больше, еще безжалостнѣе. Урасима призадумался.

— Слушайте! — сказалъ онъ имъ. — Право, вы вѣдь хорошіе ребята. Не отдадите ли вы мнѣ черепаху?

Эге, что выдумалъ! Ни за что! Развѣ не мы сами поймали ее?

— Ну, конечно, конечно! Это вѣрно. Что и говорить! Только вѣдь я вовсе не прошу ее у васъ даромъ. Я дамъ вамъ малость деньжатъ за нее. Ну такъ что же? Отдадите ее мнѣ? Ладно, что ли? А на эти деньги вы можете купить себѣ, что сами захотите. Недурно вѣдь это! Право недурно! Ну рѣшайтесь же, рѣшайтесь! Я вѣдь знаю, вы славные ребята! Идетъ что ли?

Безхитростны дѣти. Какъ только Урасима заговорилъ съ ними ласково, привѣтливо, они сейчасъ же послушали его.

— Ладно, дядя! Мы отдадимъ тебѣ черепаху. Ну а ты дай намъ денегъ за это. — Мѣна совершилась тутъ же. Дѣти отдали черепаху и въ свою очередь получили малость мелочи.

— Ну ребята! Валимъ теперь! — закричали они и моментально куда то скрылись. Урасима остался одинъ. Поглаживая рукою панцырь черепахи, онъ заговорилъ въ раздумьи:

— Да-а! жалъ тебя бѣдную. Говорятъ, что папила живеть тысячу, а черепаха десять тысячъ лѣтъ. Тебѣ суждена самая долгая жизнь во всемъ этомъ мѣрѣ. Однако, недалеко же была ты отъ смерти, когда поймали тебя эти балованные дѣтишки. Но вотъ, видишь, вышло такъ, что я какъ разъ случился тутъ, выручилъ тебя изъ бѣды горючей. Оно и вѣра правду, значитъ, суждено тебѣ-таки долготѣ.

Ну, ну! Я отпущу тебя. Возвращайся-ка ты поскорѣе домой къ себѣ, пока не захватили тебя опять. — Онъ нарочно вернулся опять на берегъ моря и, спустивъ черепаху въ воду, самъ отправился къ себѣ домой.

На слѣдующій день Урасима усѣлся по обыкновенію въ свою лодку и, отплывъ подальше въ открытое море, прилежно занялся рыбной ловлей.

Ловить да ловить онъ себѣ рыбу... какъ вдругъ кто-то окликнулъ его:

— Господинъ Урасима! А, господинъ Урасима!

Перепугался Урасима.

— Что за диво! Лодки по близости нѣтъ, людей ни души. Кто же могъ бы звать меня? — подумалъ онъ и пытливо началъ оглядываться кругомъ. Но вотъ откуда ни возмись, около лодки показалась черепаха. Урасима пришелъ въ изумленіе.

— Да неужто ты это звала меня? — спросилъ онъ.

— Я, я! — отвѣчала черепаха, высунувъ голову изъ подъ чешуи и почтительно склоняя ее. Вчера вызволилъ ты меня изъ бѣды, спасъ отъ смерти. Глубоко благодарю тебя за это и, вотъ, явилась я теперь сюда выразить свою благодарность, свою почтительную признательность.

— Вотъ оно что! Это очень мило съ твоей стороны. Ну что же? Полѣзай сюда въ лодку. Предложилъ бы я тебѣ, курнуть малость да ты, вѣдь, черепаха. Не куришь, пожалуй? Ха, ха, ха!

— Хе, хе, хе! Нѣтъ не курю. Будь водочка, ... ну, дѣло другое! Водочки я не прочь бы! А табаку? Нѣтъ, не потребляю я табаку.

— Вишь, ты какая! Ну извини ужъ; водочки, сама знаешь, тутъ нѣтъ. Залѣзай, однако. Все же подсушишь свою чешую передъ тѣмъ, какъ отправляться отсюда.

Такъ обмѣнивались они любезностями и шутками какъ вдругъ среди разговора черепаха обратилась къ Урасима съ вопросомъ: — А что, господинъ Урасима! Доводилось ли тебѣ когда нибудь видѣть дворецъ Дракона? ⁽¹¹⁾

Урасима отрицательно покачалъ головою.

— Нѣтъ! — отвѣчалъ онъ. Хотя цѣлые годы провожу я на морѣ изъ года въ годъ, но видѣть дворецъ мнѣ не случалось. Да, вѣдь, далеко гдѣ-то онъ тамъ!

— Такъ, такъ! Ну, что далеко, такъ это другой разговоръ. Какъ ни будь тамъ далеко, а со мною близко окажется. Если хочешь поглядѣть его, то я могла бы проводить тебя туда.

— Да что ты? Ты берешься проводить? Спасибо; большое спасибо! Одно только видишь ли? Тебѣ-то оно въ привычку, а я, вѣдь, не умѣю плавать по твоему, такъ что... — Черепаха и договорить не дала.

— Помилуй, Урасима! Что ты говоришь такое? Тебѣ вовсе не зачѣмъ плыть самому. Сядешь мнѣ на спину и отличнѣйшимъ образомъ будешь доставленъ туда.

— Вотъ тебѣ и разъ! Да развѣ я помѣшусь на твоей, такой маленькой спинѣ. Какъ это такъ?

— А такъ-же! Усядешься, да и только. Смѣйся потомъ, сколько хочешь. Вещи пробой узнаются. Попробуй-ка! Садись, не смущайся! — А пока она говорила, ея панцирь, чудное дѣло, тутъ же на глазахъ сталъ дѣлаться все больше и больше и сдѣлался такимъ, что на немъ свободно могъ умѣститься человекъ.

— Чудеса да и только! Удивительная ты штука! — молвилъ Урасима. — Ну, съ твоего позволенія. А ну-ка! Гопъ! — воскликнулъ онъ, забираясь на щитъ къ черепахѣ. Черепаха не шелохнулась.

— Ну, значить, отправимся помаленьку, — сказала она и смѣло пустилась по бурнымъ волнамъ, держа свой путь ко дворцу Дракона.

— Долго ли, коротко ли они плыли, но вотъ впереди показались красивые ворота.

— Черепаха! А что оно такое тамъ впереди? Я какъ будто вижу что-то вродѣ большихъ замковыхъ воротъ.

— Это? Да это и есть ворота дворца Дракона. А вонъ тамъ большая кровля, что видится дальше, это самый дворецъ.

— Эге! Такъ мы, значить, и прибыли уже ко дворцу Дракона?

— Прибыли, прибыли! А что, скоро небось? — За разговорами незамѣтно они добрались до самыхъ воротъ.

— Ну вотъ мы и на мѣстѣ. А теперь уже потрудишься пожалуйста пройти немножко пѣшкомъ! — сказала черепаха и пошла впереди Урасима проводникомъ.

— Эй стражи, привратники! — закричала она. — Я привела гостя изъ Японіи, господина Урасима Таро. Доложите, пожалуйста.

Привратникъ Дабохадзе¹¹²⁾ тотчасъ же нырнулъ во внутренніе покои и доложилъ, какъ было вѣрно.

Вслѣдъ затѣмъ вышли на встрѣчу Урасима главнѣйшіе придворные чины: Тай, Хираме, Карей¹¹³⁾ и другіе и степенно, по церемониалу, начали привѣтствовать его:

— Добро пожаловать къ намъ изъ далекихъ мѣстъ, почтеннѣйшій Урасима Таро! За честь считаемъ принимать тебя здѣсь у насъ. А тебѣ, благородная госпожа черепаха, большое спасибо, что взяла на себя трудъ привести гостя сюда къ намъ. — Затѣмъ они повели его во внутренніе покои.

Хотя Урасима и не могъ дать себѣ отчета, что такое творится вокругъ него; хотя и не могъ представить себѣ, что его ожидаетъ впереди, но смутиться не смутился и спокойно, принявъ равнодушный видъ, прослѣдовалъ въ палаты.

Тамъ навстрѣчу ему вышла въ сопровожденіи громадной свиты придворныхъ дамъ сама хозяйка дворца, богиня Отохима, пишно разодѣтая въ богатая парадныя одежды. Завидѣвъ ее, Урасима собирался было привѣтствовать ее по всѣмъ правиламъ, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ сдѣлать это, Отохима подошла къ нему, взяла за руку, повела и усадила его на почетное мѣсто.

— Благодарю, что соизволили пожаловать, господинъ Урасима! — сказала она. — Вчера ты спасъ жизнь черепахѣ; сердечно благодарю тебя. И вотъ, чтобы выразить свою благодарность, я завлекла тебя сюда. Невѣжливо это по отношенію къ тебѣ, но извини, прошу! Сдѣлано это только для того, чтобы предложить тебѣ здѣсь угощеніе и отъ всего сердца высказать благодарность свою. Бѣдна моя хижина, ничего нѣтъ здѣсь особеннаго; но будь, какъ дома; располагайся здѣсь, какъ лучше находишь, отдыхай себѣ!

Такъ говорила Отохима, и понявъ Урасима, что онъ желанный гость здѣсь, что нечего стѣсняться и смущаться ему.

Что ты, что ты? — заговорилъ онъ. Я только могу благодарить тебя. Никогда въ жизни не бывалъ я во дворцѣ Дракона, и все здѣсь въ диковину мнѣ. Такого удивительнаго, такого интереснаго отъ роду еще не видывалъ я ничего.

— Ну и хорошо! Я довольна, что это такъ. Отъ души рада! — отвѣчала Отохима.

А тѣмъ временемъ, пока они разговаривали, подано было, какъ приказано, должно быть, раньше, угощеніе. Поданы были яства, подано было вино. Начались пѣсни, началась веселая пляска. И разыгрался, зашумѣлъ, на славу пошелъ веселый пиръ, пошло ликование.

Отродясь не видалъ Урасима пиршества такого, и любо было ему, и буйная радость, хмѣльное веселье охватили его; и чудилось ему, что во снѣ видитъ онъ все это.

Но конченъ пиръ; замолкли пѣсни. И пошли они гулять, пошли осматривать дворецъ, весь смотрѣть отъ конца до края. Велеть Отохиме гостя своего, Урасима, велеть и туда, и сюда и показывать ему все, что есть во дворцѣ только. А тамъ повсюду кораллы, а затѣмъ вездѣ жемчугъ. Разубрано, разукрашено все ими до послѣдка. И словъ не хватаетъ пересказать все это. Но что самого удивительнаго, такъ это садъ! Передъ изумленными очами были разомъ и весна, и лѣто, и осень, и лютая, суровая зима. На восточной сторонѣ, тамъ распускались, тамъ цвѣли вишни и сливы, мѣшая цвѣты свои. Забивался тамъ соловей въ чащѣ; порхали мотыльки и бабочки.

Лѣто было на южной сторонѣ сада. Густо

росли зеленые листья и стрекотали цикады въ темной зелени ихъ, и звенѣли кузнечики.

Осень ласкала глазъ на западной сторонѣ. И тихо шептались багряные листья клена; пышно распятали хризантемы. А затѣмъ на сѣверѣ. Зима лютая зима, стояла на сѣверѣ. Гладко залегали тамъ снѣга, сверкая своей непорочной бѣлизной; и льдомъ, какъ панциремъ, одѣты были всѣ рѣки тамъ.

Восторгъ наполнилъ душу Урасима, никогда въ жизни своей не видѣвшаго ничего подобнаго, впервые попавшаго въ такіа чудныя, удивительныя мѣста.

Забывъ онъ о домѣ своемъ; забывъ совсѣмъ о немъ. И незамѣтно, какъ волшебный сонъ, пронесли для него два-три дня здѣсь. Но опомнился Урасима.

— О, о! Да что же дѣлаю я! — подумалъ онъ. Вѣдь, тамъ дома у меня отецъ, мать у меня тамъ! Ушелъ я изъ дома тогда и до сихъ поръ не возвращаюсь. Какъ же томятся они, поджидая меня! Нѣтъ, нѣтъ. Скорѣе отсюда, скорѣе домой! Быстро собрался онъ въ путь и такую рѣчь молвилъ онъ Отохиме:

— Не мало времени уже гощу я подъ радушнымъ кровомъ твоимъ. Но надо идти мнѣ. Прощенія прошу; отпусти ты меня! — И стала удерживать его Отохиме, останавливать стала его.

— О, господинъ мой, господинъ! Не люблю развѣ тебѣ здѣсь? Хотя день одинъ побудь еще! — просила она. Но непреклоненъ былъ Урасима Таро. И уступила Отохиме.

— Ну что-жъ! Должно быть, ужъ такъ и быть должно, — сказала она. Я отпущу тебя, сегодня же отпущу. Но если такъ, то дамъ тебѣ я даръ, прощальный мой. Бери его; возьми съ собою! — Она принесла красивую шкатулку. Отказываться началъ Урасима Таро.

Да какъ-же можно взять мнѣ еще и даръ этотъ? Твоимъ радушіемъ, твоимъ гостепріимствомъ такъ пользовался я, а тутъ еще и даръ! Ну можно ли это? Но я беру его, беру потому лишь, что хочешь такъ ты. Возьму его съ собой! Но скажи ты мнѣ, что за шкатулка это такая?

— Таматебако¹¹⁸⁾ имя

ея, и чудная вещь, драгоценная вещь содержится въ ней. Но ты, мой господинъ, не подумай открывать ее. И что бы ни случилось, чтобы ни было съ тобой, никогда, ни за что не вскрывай ты ее. Берегись же, смотри, быть бѣдѣ, если вскроешь ее. — И еще повторяла, и еще напоминала такъ строго наказывала, Отохиме.

Ну вотъ, принявъ таматебако, прощальный даръ Отохиме, простился Урасима съ нею и, опять помѣстившись на спинѣ у черепахи, вернулся на свой прежній берегъ.

Но что такое?! Берегъ, какъ будто и по прежнему. Тотъ же самый берегъ; то-же взморье! Но среди людей, что ходить на этомъ берегу,

нѣтъ ни одного, рѣшительно ни одного знакомого, прежде видѣннаго, лица.

— Странно что-то, — подумалъ Урасима и быстро зашагалъ къ своему дому.

— Я вернулся, отецъ! — воскликнулъ онъ и хотѣлъ, было, уже войти въ домъ, но въ домѣ оказались какіе-то незнакомые ему люди.

— Ага! — подумалъ онъ. — Развѣ что переѣхали мои куда-нибудь во время моей отлучки? — Непокойно стало на душѣ у него. — Извините, пожалуйста! — обратился онъ къ тѣмъ лю-

дямъ: — Я Урасима Таро.

До этого времени я жилъ въ этомъ самомъ домѣ. Куда переѣхали во время моей отлучки мои родные?

Съ удивленіемъ начали вглядываться въ лицо Урасима Таро бывшіе въ домѣ люди при такомъ вопросѣ его.

— Что? Что? Ты говоришь, что ты Урасима Таро?

— Ну-да! Я Урасима Таро.

Ха, ха, ха! Шутникъ же ты. Что за чепуху ты мелешь!

Здѣсь дѣйствительно жилъ человѣкъ, котораго звали Урасима Таро. Это вѣрно! Давно только было это; очень давно. Семьсотъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Мудрено ему быть въ живыхъ теперь. — Урасима ослѣбнѣлъ отъ изумленія.

— Слушайте, слушайте! Сами вы чепуху городите. Ну, что это такое? Я и есть самый Урасима Таро. И каких там семьсот лѣтъ? Что за бессмыслица такая! Три-четыре дня всего только тому назад жилъ я въ этомъ домѣ. Зачѣмъ вы издѣваетесь надо мною? Расскажите лучше хорошенько, о чемъ прошу!

— Не знаемъ мы, дѣйствительно ли ты тотъ самый Урасима Таро, но навѣрно знаемъ, что былъ такой семьсотъ лѣтъ тому назадъ. И если такъ, то ты пожалуй призракъ его, — отвѣчали ему люди съ глубокой искренностью.

Нѣтъ, вы говорите просто что-то невѣроятное. Я живой, настоящий человѣкъ. Развѣ ноги у меня не ноги живого чело-вѣка? — И въ доказательство онъ гулко стукнулъ нѣсколько разъ ногою объ землю.

— Да! Но что же прикажешь дѣлать? Урасима Таро жилъ семьсотъ лѣтъ тому назадъ. Вѣрно говоримъ! — Они ни за что не хотѣли вѣрить, и это угнетало Урасима, причиняло страданія ему. Безпомощно началъ онъ тутъ оглядываться кругомъ. И вѣрно! Все какъ будто значительно измѣнилось по сравненію съ тѣмъ, что было прежде, въ его время. И правы пожалуй люди тѣ, если судить по этому. А, можетъ, они и вѣрно говорятъ! Не могъ онъ рѣшить, такъ это или нѣтъ, не могъ добиться, гдѣ же истина. Какъ во снѣ, съ тяжестью на сердцѣ безотчетно пошелъ онъ опять на взморье, унылый, грустный, угнетенный. Но вдругъ онъ вспомнилъ о бывшей при немъ шкапулкѣ.

— Тогда, давая мнѣ въ даръ ее, говорила Отохима, что драгоценная вещь заключена въ ней, не открывать, ни за что не открывать наказывала она. Но нѣтъ дома у меня теперь; никого нѣтъ у меня. Одинокъ я! Тяжко, невыносимо тяжело мнѣ! Не снести мнѣ этого. И что дѣлать, куда кинуться мнѣ? Открою я ее. А, можетъ, и сослужить службу она? Да, такъ! Да такъ! — говорилъ онъ самъ съ собою.

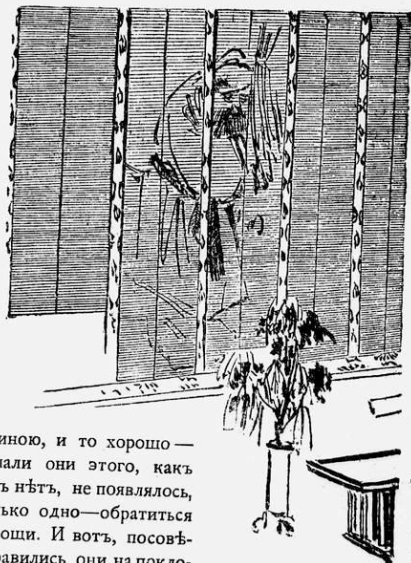
Ой быть бѣдѣ, Урасима Таро! Но началъ онъ развязывать шнуры таматебако, поднялъ онъ крышку, заглянулъ во внутрь...

И совершилось диво! Тремя струйками потянулось изъ шкапулки фіолетовое облако вверхъ и коснулось лица его, и въ тотъ же мигъ обратился онъ, двадцатичетырехъ-пяти лѣтній Урасима Таро, въ немощнаго, морщинами покрытаго, старца, и одряхлѣлъ онъ тутъ же, и вдвое согнулась спина его, чтобы не разгибаться никогда уже болѣе, и ослабѣло дыханіе жизни его.

Давно, давно то было.

Иссумбоси.

Много времени тому назадъ въ провинціи Сетцу, въ деревнѣ Нанива, которая превратилась нынѣ въ городъ Осака, жили-были старики да старуха. Жили себѣ старики вдвоемъ, да поживали; одна только бѣда и была у нихъ: дѣтей не имѣли они, ни одного. Они только и думали объ одномъ, только и желали одного, чтобы у нихъ появилось дитя. Неважно тамъ, какое дитя, хоть бы съ кончикъ пальца величиною, и то хорошо — думали они. Но какъ ни желали они этого, какъ ни мечтали, а дитя, нѣтъ-какъ нѣтъ, не появлялось, да и только. Оставалось только одно — обратиться къ божеству, просить его помощи. И вотъ, посоветовавшись между собою, отправились они на поклоненіе къ Суміюскому божеству ¹¹⁴⁾, которое оба чтили и, преклонивъ колѣна, вознесли ему горячія молебны свои.

— Хотя бы совсѣмъ маленькое, съ кончикъ пальца величиною, дитя, но ниспошли, даруй его намъ, боже! — молились

они, распростершись передъ божествомъ. И, пожалѣвъ, очевидно, ихъ, отвѣчалъ имъ Суміюскій богъ:

— Вы такъ страстно желаете имѣть дитя! Хорошо, я дарую вамъ дитя, милое дитя на утѣху вамъ! — Радость охватила стариковъ, и довольные, веселые пошли они назадъ домой къ себѣ.

Послѣ этого у старухи ровно на десятый мѣсяцъ появилось дитя, появился младенецъ; но удивительное, странное дѣло! Онъ былъ величиною ничуть не больше тѣхъ маленькихъ фигурокъ людей, что бывають въ игрушечныхъ миниатюрныхъ садикахъ ¹¹⁵⁾. Старикъ и старуха изумлены были до крайности. Но сами же они просили, въ молитвѣ къ богу, хотя бы маленькое, съ кончикъ пальца величиною, дитя; сами они были виноваты, и нечего дѣлать, должны были теперь примириться со своей участью.

Они дали ему имя, назвавъ его Иссумбоси ¹¹⁶⁾, что какъ разъ и подходило къ нему, и стали любить и холить его, стали воспитывать. Время шло да шло, а младенецъ все оставался такимъ, какимъ появился на свѣтъ; не росъ больше, да и только.

Прошло двѣнадцать—тринадцать лѣтъ, а Иссумбоси все такой же, ничуть не растетъ. Недовольство на бога появилось у стариковъ; уменьшилось уваженіе ихъ къ нему.

— Ну пусть даже и сами мы просили даровать намъ, хотя бы маленькое, хотя бы съ кончикъ пальца, дитя. Но ниспослать намъ такого уродца, чуть не оборотня какого-то!.. Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! Пересердствовалъ ужъ очень богъ! — говорили они, и ненавистенъ сталъ имъ въ концѣ концовъ богъ этотъ, злобувозымѣли они противъ него. А тутъ еще и сосѣди! Они всячески издѣвались и потѣшались. — Ага! Иссум-

боси плачешь!.. Вот, вот идет она, горошинка эта! — говорили они. Старикамъ, наконецъ, стало не втерпѣжъ. Посоветовавшись однажды другъ съ другомъ, они рѣшили, что самое лучшее будетъ отослать Иссумбоси изъ дома куда-нибудь подальше, изгнать его совсѣмъ. Позвали Иссумбоси.

— Слушай Иссумбоси! — сказали они, — что это значить? По какой такой причинѣ не растешь ты нисколько? Вѣдь время идетъ да идетъ, а ты ничуть не вырастаешь. Какъ твои родители, любимъ, конечно, мы тебя, жалѣемъ, но, надо правду сказать, силъ нѣтъ имѣть постоянно на глазахъ такого уродца, и нельзя оставить тебя въ домѣ. Какъ ни жаль намъ тебя, но съ сегодняшнего же дня оставь насъ; уходи отъ насъ куда-нибудь самъ, куда знаешь. — Почтительный, послушный, покорный сынъ былъ Иссумбоси.

— Слушаю, отецъ! — отвѣтилъ онъ. — Если такъ изволишь приказывать ты, я уйду, уйду немедленно. Но соблаговоли, отецъ, пожаловать мнѣ одну изъ иглокъ, которая матушка употребляетъ для шитья.

— Что такое? Дать тебѣ иглоку?.. Да на что сдалась она тебѣ, иглока эта?

— Она будетъ служить мнѣ мечемъ.

— Вотъ оно что! Ну, конечно, такой мечъ какъ разъ по тебѣ. — Отецъ далъ иглоку. Иссумбоси сдѣлалъ изъ соломинки рукоятъ и ножны и заткнулъ этотъ мечъ себѣ за поясъ, а затѣмъ обратился къ матери.

— А у тебя, матушка, попрошу я маленькую деревянную чашку и палочки употребляемая при ѣдѣ.

— Чашку и палочки? Зачѣмъ тебѣ это?

— Чашка будетъ мнѣ лодкой; въ ней и отправлюсь я.

— Такъ! это какъ разъ годится для тебя, такая лодка. — И она тутъ же передала Иссумбоси и чашку, и палочки. Онъ очень обрадовался.

— Ну, такъ прощайте, батюшка и матушка! Счастливо оставаться!.. сказалъ онъ и, распростившись съ родителями, навѣки покинулъ свой отчий домъ.

Обративъ въ лодку полученную отъ матери чашку, а палочки въ весла, онъ усялся въ нее и

началъ грести вонъ изъ Нанивской бухты; началъ грести, самъ не зная, куда ему направиться, не имѣя никакой опредѣленной цѣли передъ собою. Но плыть такъ, куда глаза глядятъ, безъ всякой цѣли не было смысла, и Иссумбоси началъ раздумывать. — Я слышалъ, что есть городъ Кіото; это столица всей Японіи.

Интересно бы отправиться туда. Да, конечно! Такъ я и сдѣлаю! — рѣшилъ онъ. И, разспрашивая дорогу къ столицѣ, онъ поплылъ въ Кіото, поднимаясь вверхъ по большой рѣкѣ. Не могъ, конечно, плыть впередъ быстро крохотный Иссумбоси въ своей

крохотной лодочкѣ-чашкѣ. Онъ ночевалъ, приткнувшись къ мостовымъ столбамъ останавливался на отдыхъ, въ разсѣлинахъ прирѣчныхъ камней. Такъ прошелъ мѣсяцъ, и прибылъ онъ, наконецъ, въ столицу.

Кіото тогда былъ то-же, что Токио теперь, и въ то время пребывалъ въ немъ микадо, сынъ боговъ. Это была столица всей Японіи. Шумъ, движеніе и оживленіе, красота и величественность... ничего похожего на то, что было въ Нанива. Иссумбоси былъ очарованъ. Въ восхищеніи, не замѣчая времени, бродилъ онъ по улицамъ и вотъ подошелъ къ большому, красивымъ воротамъ. Это были палаты знатнаго вельможи, перваго министра по имени Сандзю. Иссумбоси вошелъ въ ворота и изъ воротъ пробрался прямо въ сѣни дома.

— Виновать! — провозгласил онъ. Министръ случайно находился какъ разъ по сосѣдству съ передней и услышалъ возгласъ.

— Что за странный, удивительный голосъ! — подумалъ министр и самолично вышелъ посмотреть, кто тамъ такой. Но никого не оказалось.

— Странно, — подумалъ онъ, и началъ осматривать повсюду. И вотъ, видить онъ внизу какъ разъ, тамъ гдѣ ставятся асиды¹¹⁷⁾, стоитъ крохотный мальчикъ, величиною не больше миниатюрной фигурки игрушечнаго ящика-сада.

— Ого! Да это что-то курьезное, удивительное забралось сюда! Мальчикъ, а мальчикъ! — окликнулъ онъ, ты это подавалъ голосъ только что?

— Я, я самый!

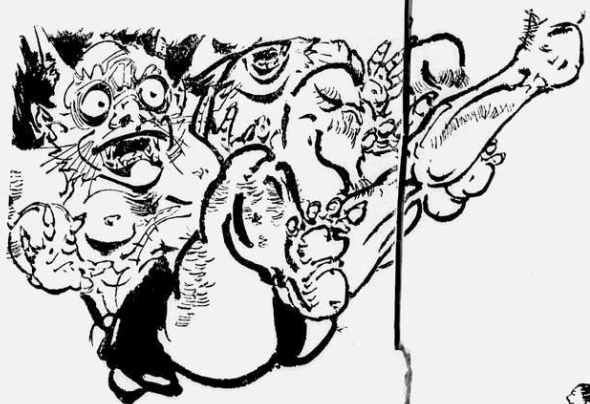
— Ну и малышъ же! Да кто же ты собственно такой?

— Зовутъ меня Иссумбоси, а прибылъ я изъ Нанива.

— Какъ? Иссумбоси? Да действительно ты какъ разъ Иссумбоси. Но зачѣмъ прибылъ ты сюда?

— Я изгнанъ родителями изъ дома. Безпріютенъ я теперь, некуда дѣваться мнѣ. Разрѣши, пожалуйста, позволю мнѣ остаться въ домѣ у тебя. — Министръ немного подумалъ, подумалъ, а потомъ сказалъ:

— Жаль тебя, конечно, жаль. Но и малышъ же ты, однако! Такого маленькаго, не найти действительно нигдѣ, хоть весь свѣтъ обыскать. Ладно! Забавно это ужъ очень. Я согласенъ; оставайся у меня! — сказалъ онъ на просьбу просто изъ любопытства больше, и оставилъ Иссумбоси у себя въ домѣ.

Но этотъ крохотный Иссумбоси тѣломъ, фигурой только былъ малъ, умомъ же, сообразительностью онъ былъ очень и очень гораздъ. Что бы ему ни поручили, чтобы ни заставили сдѣлать, онъ выполнялъ, какъ нельзя лучше, внимательно и усердно. И всѣ въ домѣ полюбили его, и всѣмъ онъ былъ утѣхою. Только и слышно было: Иссумбоси да Иссумбоси!

Но изъ всѣхъ наиболѣе полюбила его дочь министра, дѣвушка. И куда бы ни шла она всегда неизмѣнно брала она съ собою Иссумбоси. Разъ какъ-то дѣвушка, взявъ съ собою по обыкновенію Иссумбоси, отправилась на поклоненіе въ храмъ богини Каннонъ въ Кіюмидзу¹¹⁸⁾. И вотъ, когда она пошла, было, уже назадъ домой, ей устроили засаду два громадныхъ чорта, спрятавшихся и подстерегавшихъ ее у подножія наружной каменной лѣстницы. Незнавшая объ этомъ, дѣвушка спускалась совершенно спокойно въ сопровожденіи Иссумбоси. Какъ вдругъ съ грознымъ кликомъ выскочили передъ ней изъ засады черти.

На смерть перепугалась дѣвушка и, вскрикнувъ, кинулась бѣжать, но черти пустились за ней и вотъ вотъ готовы уже были схватить ее совсѣмъ. Но тутъ выскочилъ впередъ Иссумбоси и загородилъ дорогу чертямъ.

Сбросивъ соломинку-ножны со своего заткнутого за поясомъ меча-иголки и потрясая имъ, онъ закричалъ:

— Эй вы, слѣпые черти!

Не видите развѣ? Да знаете ли, кто я? Я извѣстная персона, Иссумбоси изъ палатъ министра Сандзіо. Я провожаю дочь министра, пришедшую на поклоненіе Каннонъ. И у васъ хватаетъ смѣлости приставать еще? Это совсѣмъ изъ рукъ вонъ, что такое! Не смотрите! Берегитесь, если

хоть пальцемъ прикоснетесь къ этой дѣвушкѣ, которая подѣ охраной у меня. Я, Иссумбоси, распорю громадные, какъ насыпь, вздутые животы ваши, вотъ этимъ самымъ мечемъ-иглокою. Онъ кричалъ во всю мочь и величался передъ чертями, какъ только могъ. Захохотали черти, услышавъ рѣчь его, и грохотали голоса ихъ, словно удары въ мѣдный тазъ.

— А и хвастлива же горошинка эта! Ну, да все равно; рано или поздно, а все-таки пришлось бы намъ марать свои клыки объ него, но разъ онъ вздумалъ еще и мѣшать намъ, такъ проглотимъ его напередъ! — заговорили черти, и одинъ изъ нихъ тутъ же схватилъ безъ затрудненій Иссумбоси и, не жуя, сразу проглотилъ его. Иссумбоси проскочилъ прямо въ желудокъ чорта. Вотъ тутъ-то и пригодилась его крохотность. Въ желудкѣ онъ могъ свободно дѣлать, что угодно, этотъ маленький Иссумбоси. И вотъ, онъ началъ колоть внутри желудокъ чорта своимъ иглокою-мечемъ. Не выдержалъ нестерпимой боли чортъ и сильно откашлянувшись, выбросивъ силою кашля Иссумбоси наружу вонъ изъ желудка.

— Эге! Да онъ хочетъ ударить? Не дамъ же я ему убѣжать! — закричалъ другой чортъ, увидѣвъ такую штуку и схвативъ въ тотъ же моментъ Иссумбоси, положилъ его себѣ въ ротъ. На этотъ разъ мальчикъ не попалъ въ желудокъ. Изъ горла онъ пролѣзъ черезъ ноздри и началъ колоть своимъ мечемъ глаза чорту, причиняя ему страшную боль.

Не вытерпѣвъ этого даже и чортъ и загнулъ языкъ свой отъ боли. Въ ужасъ пришелъ онъ.

— Ой, ой! Наскочили мы, однако, на необыкновенное что-то. Нѣтъ не изъ обыкновенныхъ лю-

дей онъ! Нарвались, нарвались мы на оборотня! Понадѣлаетъ онъ намъ бѣды! Бѣжать, бѣжать скорѣе! — забормотали черти и во всю прыть пустились на утекъ. Куда только дѣвались ихъ недавняя сила и дерзость?

— А что не по вкусу пришлось? Эхъ вы! По имени только черти! Жалкія, слабыя насѣкомья! Вотъ кто вы! — хвастливо кричалъ вслѣдъ имъ Иссумбоси и сейчасъ же вернулся къ забившейся въ уголокъ, перепуганной дѣвушкѣ.

— Теперь нечего бояться! — почтительно сказалъ онъ. Вонъ какъ удирають черти! Пойдемъ по маленьку домой. Облегченно вздохнула дѣвушка, совершенно неожиданно вырученная изъ большой бѣды.

— О, какъ я рада! — воскликнула она. — Только, благодаря твоему заступничеству, и спаслась я отъ лютой смерти. Все это разскажу я отцу какъ только вернемся, и щедро наградить, одарить онъ тебя. Радостно, весело направились они тотчасъ же домой къ себѣ. Какъ вдругъ подлѣ дороги увидали они валяющуюся небольшую колотушку.

— Ой, вотъ колотушка! Очевидно, это черти обронили ее въ торопяхъ. Славная, однако, штучка попалась намъ! — воскликнула дѣвушка, взглянувъ на нее. И съ этими словами она подобрала колотушку. Иссумбоси съ изумленіемъ смотрѣлъ на это.

— Но что же это такое, наконецъ? — спросилъ онъ. Дѣвушка улыбнулась.

— Ну-у! Ты не знаешь еще, что это такое? Это колотушка называется уице¹⁰⁾. Ею можно выстуцать все, что хочешь. Это прелестная вещичка.

— Значить, изъ подѣ нея можетъ выйти все, что хочешь, если поколотить ея?

— Такъ, вѣрно! Да вотъ, если ты только хочешь чего-нибудь, хорошаго чего-нибудь, попробуй, скажи, а я начну выстукивать. Услышавъ это, Иссумбоси немного призадумался, но вдругъ онъ съ серьезнымъ видомъ обратился къ дѣвушкѣ.

— Ничего не хочу я особеннаго, — сказалъ онъ, — роста одного только и желаю.

— Роста?

— Ну-да! Хочу вырасти больше, большимъ сдѣлаться; одно только это и надо мнѣ.

— Ну, понятно. Неудобно тебѣ такому крохотному, совсѣмъ плохо. Конечно, ты долженъ желать роста. Хорошо! Я выступчу сейчасъ этой колотушкой, чтобы стать тебѣ большого роста. Вслѣдъ за тѣмъ она взмахнула колотушкой.

— Пусть станетъ большимъ Иссумбоси! Роста дай, дай роста! Роста дай Иссумбоси! — приговаривала она, ударяя колотушкой. И чудное дѣло! Все тѣло Иссумбоси затрепетало вдругъ, увеличиваясь въ размѣрахъ, и тутъ же на глазахъ онъ сдѣлался кра-
сивымъ, рослымъ мужчиною.

— О, благодарю, благодарю! Отнынѣ нѣтъ уже прежняго Иссумбоси, — заговорилъ онъ, подпрыгивая отъ радости. Рада была и дѣвушка. Вслѣдъ затѣмъ они, не медля, отправились домой.

Когда дома узнали изъ ихъ рассказовъ все, что случилось, всѣ стали удивляться и превозносить подвигъ Иссумбоси, а то, что Иссумбоси, благодаря колотушкѣ сталъ большимъ, привело всѣхъ въ страхъ и изумленіе. И министр, который также былъ пораженъ чудомъ, доложилъ объ этомъ императору. Микадо тоже считалъ, что это и чудесно, и знаменательно и, призвавъ Иссумбоси во дворецъ къ себѣ, одарилъ его разными дарами.

Послѣ этого, подобно тому, какъ ростъ Иссумбоси, сталъ изъ малаго большимъ, точно такъ же все больше и больше, все лучше и лучше становилось положеніе его.

И приобрѣлъ онъ вполнѣ всобщій почетъ и уваженіе, ставъ извѣстенъ подъ именемъ восначальника Хорикава, какъ прозвали его люди.

Кинтаро.

Въ старія времена въ горахъ Асигара, провинціи Сагами, жили были Ямауба и Кинтаро. Жили они въ глубинѣ горъ, въ самыхъ дебряхъ ихъ. Ямауба была матерью, а Кинтаро¹²⁰) сыномъ ея.

Выросшій въ глуши горъ Кинтаро съ младенчества обладалъ громадной физической силой такой, что обыкновеннымъ, взрослымъ даже людямъ не вмошь было тягаться съ нимъ. И по мѣрѣ того, какъ онъ подросталъ, все больше и больше увеличивалась сила его. Восьми—десяти лѣтъ отъ роду онъ, какъ игрушкой, вертелъ уже огромной сѣкирой, сваливая ею для забавы громадныя деревья, раздробляя утесы. А затѣмъ изъ обитавшихъ въ горахъ звѣрей онъ подобралъ себѣ товарищей—медвѣдя, оленя, обезьяну и зайца—и началъ разгуливать себѣ съ ними повсюду, предводительствуя этой бандой.

Однажды Кинтаро, сопровождаемый по обыкновенію своими звѣрями, бродилъ по горамъ и по доламъ, и вотъ они прошли на широкую поляну.

— А что, слуги мои вѣрные! Не позабавиться ли намъ борьбою¹²¹) на этой полянкѣ? — обратился Кинтаро къ своей бандѣ.

— Это хорошо удумано! — одобрилъ его медвѣдь. — Право, недурно будетъ! Ладно, я сейчасъ же устрою арену, а ужъ ты изволь быть зрителемъ.

— Идешь! Я буду зрителемъ. Кто побѣдитъ, тотъ получитъ отъ меня награду.

— Здорово! Эй вы! Слышите? Награда будетъ! Ну-ка по-стараясь. Вали ребята! — И олень, и обезьяна, и заяцъ начали

помогать медвѣдю, и не успѣть оглянуться, какъ арена уже готова.

— Отлично! Арена готова. Ну начинайте! Кто тамъ? Да вотъ, пускай для начала схватятся обезьяна съ зайцемъ. А ты олень будешь судьей.

— Слушаю! Я буду судьей. И такъ извольте приготовиться высокочтимые обезьяна и заяцъ, и выходите сюда, на арену, какъ только будете готовы. — Живо изладили обезьяна и заяцъ и выскочили оба на арену.

Олень сталъ по срединѣ. — Борются съ одной стороны красновадая, а съ другой длинноухій. Готовьтесь, всмотритесь одинъ въ другого! — провозгласилъ олень имена борцовъ, и убравъ прочь свой вѣеръ раздѣляя ихъ¹²²). Оба звѣря устремились впередъ другъ на друга, и борьба началась.

— Смѣлѣе, смѣлѣе! Вали во всю! — покрикивалъ олень.

— Не поддавайся красновадая! Держись долгоухій! — подбадривалъ ихъ медвѣдь. Борьба шла своимъ порядкомъ. Наконецъ, заяцъ здорово нажалъ обезьяну и такъ хватилъ ее о землю, что она только ахнула, шлепнувшись своимъ краснымъ задомъ.

— Борьба кончена! — провозгласилъ олень и поднявъ вѣеръ надъ побѣдителемъ, зайцемъ. Сейчасъ же Кинтаро отдѣлилъ одинъ изъ захваченныхъ съ собою на завтракъ рисовыхъ колобковъ и наградилъ имъ побѣдителя. Обезьяна начала жаловаться:

— Да, вѣдь, я поскользнулась, отъ того только и побѣждена. Ну давай еще разъ! Посмотримъ еще, чья возьметъ? Они опять начали борьбу. Но хитрая штука — обезьяна! Неожиданно схватила она зайца за уши и, пока онъ корчился и извивался

отъ боли, она ловко дала ему подножку, такъ что онъ растянулся по самой срединѣ арены.

На этотъ разъ награду получила обезьяна. Затѣмъ боролись олень съ зайцемъ. У одного длинныя уши, а у другого большіе рога. Каждому они мѣшали, каждый берегъ свое, и борьба ихъ вышла очень забавной. Но олень какъ то нечаянно оступился и, благодаря этому, былъ побѣжденъ зайцемъ. Нѣсколько разъ еще начинались схватки между звѣрями; одолевалъ то одинъ, то другой. Но, наконецъ, всѣ они утомились.

— Довольно на сегодня; завтра опять можно будетъ, — рѣшилъ Кинтаро и, ставъ во главѣ, пошелъ опять бродить со своими звѣрями, куда глаза глядятъ, какъ вдругъ пришли они къ одному бурному, горному потоку въ ущельи. Думали, было, перебраться на ту сторону его, да никакъ нельзя. Нѣтъ ни моста, ни какого-либо перехода. А внизу грохочетъ и кипитъ, съ грознымъ ревомъ несется стремительный горный потокъ. Какъ тутъ быть? Вся компанія призадумалась.

— Погодите малости! Я устрою отличный мостъ, — спокойно сказалъ Кинтаро. Всѣ заинтересовались, что же онъ сдѣлаетъ такое?

Кинтаро уперся руками въ росшее тутъ же на обрывѣ надъ потокомъ громадное дерево и, крикнувъ, съ силою нажалъ его. Протяжно и жалобно заскрипѣлъ лѣсной великанъ подъ мощною рукою Кинтаро и, вывернувшись, съ кор-

нями, грохнулся над потокомъ, такъ что его вершина припала на другомъ берегу стремнины. Получился отличный перекидной мостъ.

— Ну вотъ вамъ и мостъ! Надежный мостъ. Вали всѣ за мной!—сказалъ Кинтаро и перешелъ первымъ. Всѣ его спутники были поражены.

— Вотъ такъ сила! Это изъ рукъ вонъ что такое!—дивились они, идя слѣдомъ за Кинтаро. А какъ разъ на этотъ случай, на самой вершинѣ скалы находился какой-то дровосѣкъ. Онъ видѣлъ все это и прямо-таки глазамъ своимъ не вѣрилъ.

— Что за диво! Такой малышъ, а съ корнемъ выворачиваетъ деревину въ два добрыхъ обхвата, устраиваетъ мостъ и переходитъ по немъ такъ смѣло, горделиво, да еще медвѣдь, олень за нимъ... Не изъ обыкновенныхъ, однако дѣтей онъ! Чей бы онъ? Откуда? Пойду-ка незамѣтно за нимъ, да прослѣжу.

Дровосѣкъ живехонько спустился со скалы, переправился по мосту, переброшенному Кинтаро, и незамѣтно пошелъ слѣдомъ за нимъ.

Кинтаро и не зналъ себѣ ничего этого. Немного погодя, онъ распростился со своими товарищами и направился домой.

— А вотъ и я, матушка!—заявилъ онъ по приходѣ. Горная женщина обрадовалась.

— А! Кинтаро вернулся! Ну гдѣ же гулялъ ты сегодня?

— А сегодня мы были въ горахъ съ медвѣдемъ, оленемъ, обезьяной да зайцемъ. Мы тамъ забавлялись борьбой. Интересная была борьба! Завтра опять пойду, опять борьба будетъ.

— Вотъ какъ? Это хорошо! Ну а кто же оказался сильнѣе всѣхъ?

— Кто? Да объ этомъ и говорить нечего. Я, конечно!

— А затѣмъ?

— А затѣмъ медвѣдь.

— Ну, а послѣ медвѣдя?

— Послѣ медвѣдя? Кто эт... т... то? Да всѣ почти одинаково сильны и олень, и обезьяна, и заяцъ.—Такъ

болтали они то да се по части борьбы, какъ вдругъ снаружи раздался голосъ:

— А ну-ка, малый, попробуй со мной разокъ побороться!—И вслѣдъ за тѣмъ кто-то вошелъ въ хижину. Пораженные неожиданностью съ изумленіемъ смотрѣли мать и сынъ на пришельца, никогда еще не виданнаго ими дровосѣка.

— Что ты собственно будешь?—спрашивали они его. Дровосѣкъ улыбнулся.

— Это рѣшительно все равно, что бы тамъ и кто бы тамъ я ни былъ, а вотъ попробуй-ка потягаться со мною разокъ, помѣряться силою рукъ!—отвѣчалъ онъ. Кинтаро не смутился.

— Ладно потягаемся! Не сердись только, дяденька, коли побѣжденъ будешь.—И онъ сейчасъ же выставилъ впередъ свою руку.

— Давай, давай!

— Ну, вали!—Борьба началась. Дровосѣкъ оказался силачемъ, и состязаніе пожалуй, затянулось бы надолго. Но онъ нашелъ, видимо, что достаточно, и прекратилъ борьбу.

— Ну, я дѣйствительно пораженъ!—воскликнулъ онъ. Я, вѣдь, издали наблюдалъ, какъ ты выворотилъ съ корнями дерево тамъ въ ущельи и перекинулъ его мостомъ черезъ пропасть, ну а теперь еще попробовалъ тебя на борьбѣ, силу рукъ посмотрѣть. Правду скажу тебѣ, ты необычайный силачъ. Этакъ, когда ты подростешь, ты станешь первымъ богатыремъ въ Японіи. Однако,

жить такъ тутъ, въ этой горной глуши... Жаль, право! А что скажешь, матушка? Что если бы отослать твоего сынка въ столицу, да сдѣлать изъ него самурая. Какъ думаешь?

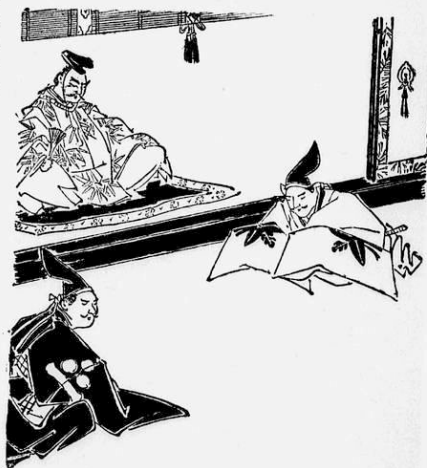
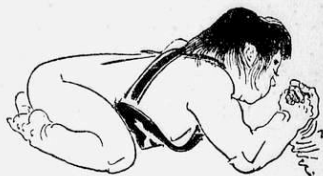

— Ты же самъ видѣлъ, какой онъ проказникъ! Чего бы и лучше, кабы сдѣлать его самураемъ. Это завѣтное мое желаніе. Но, чтобы попасть въ самурай, нуженъ посредникъ. Надо, чтобы кто-нибудь помогъ устроить это. Гдѣ ужъ намъ? Хотѣлось бы, конечно, да не бывать этому!

— Постой, постой! Если ты дѣйствительно имѣешь серьезное намѣреніе, то тебѣ нечего беспокоиться—все уладится. Теперь я могу уже открыться. Я вовсе не дровосѣкъ, а самурай на службѣ у первѣйшаго военачальника Японіи Райко изъ фамилии Минамото. Мое имя Усуи Садамицу. А что брожу я такъ по Японіи въ передѣломъ видѣ, такъ вотъ почему. Свѣтлѣйшій Райко приказалъ мнѣ отыскать такого, вотъ въ родѣ его, малаго, чтобы въ будущемъ изъ него могъ выйти богатырь. Если ты хочешь, чтобы изъ твоего мальчугана вышелъ самурай, то этотъ случай какъ разъ на руку. Я сейчасъ же уведу и устрою его на службу у Райко. Что скажешь на это? Согласна, что ли? — Ямауба несказанно обрадовалась такому предложенію.

— Пожалуйста, пожалуйста! Очень прошу даже, — отвѣчала она. Кинтаро, который тутъ же слушалъ все, тоже былъ очень радъ и доволенъ.

— Вотъ счастье! Вотъ радость! — говорилъ онъ. — Сейчасъ же отправлюсь я съ дяденькой стану молодцомъ — самураемъ. — Онъ

прыгалъ и скакалъ отъ радости. Такъ на этомъ и порѣшено было. Но вотъ пришло время отправляться въ путь-дорогу. О матери ужъ, конечно и говорить нечего, но и медвѣдь, и олень, и обезьяна и заяцъ, всѣ вѣрные сподвижники Кинтаро, загрузили. Всѣмъ тяжело было разставаться съ нимъ. Они пошли провожать его до самаго подножія Асигараяма.

— Счастливаго пути, Кинтаро! — Прощай, Кинтаро. Скаattered дорожка! — прощались

они съ нимъ. Вытянувъ головы, забравшись на деревья, долго-долго еще глядѣли они вслѣдъ ему. И горькія слезы лились изъ глазъ ихъ. Они плакали навзрыдъ.

А дровосѣкъ Садамицу былъ радехонекъ, что ему посчастливилось найти въ Асигараяма будущаго богатыря. Ведя ребенка, онъ направилъ путь свой прямо въ Кіото, столицу Японіи. Долго ли коротко ли, но вотъ пришли они и въ столицу. Садамицу представилъ Кинтаро своему господину, Райко, и рассказалъ все, какъ было.

Райко остался очень доволенъ, сейчасъ же принялъ Кинтаро въ число своихъ самураевъ и одарилъ его разными дарами.

Саката Кинтоки, одинъ изъ четырехъ витязей Райко, принимавшій впослѣдствіи участіе въ уничтоженіи чертей на Оеяма и въ покореніи дикихъ варваровъ, обитавшихъ въ Идзумо и есть не кто иной, какъ этотъ самый Кинтаро¹²³⁾.

Хибаріяма.

Въ тѣ далекія времена, когда столица Японіи была еще въ Нара¹²⁴), жилъ былъ себѣ знатный царедворецъ, удайдзинъ¹²⁵), Фудзиваро по фамилии, а именемъ Тоіонари. Его супруга, Мурасаки, была добрая и хорошая госпожа. Все бы хорошо, да не благословила ихъ судьба дѣтьми, и супруги постоянно тосковали объ этомъ. Потолковавъ однажды между собою, собрались они и, совершивъ въ постѣ и молитвѣ поклоненіе богинѣ Каннонъ въ Хасе¹²⁶), вознесли ей горячія моленія свои о ниспосланіи имъ ребенка. Отъ души была молитва ихъ, и вняла ей богиня. И зачала Мурасаки и появилась на свѣтъ у нея дочь. Возликовали супруги и нарекли ей имя Хасехиме¹²⁷), ибо богиней Каннонъ въ Хасе ниспослана она была имъ; и стали растить ее, оберегая, какъ бабочку, холя какъ цвѣтокъ. Это-то самая Хасехиме пожалована была впоследствии, въ награду за свой даръ слагать пѣсни, званіемъ шюдзю¹²⁸) и стала съ тѣхъ поръ извѣстна подъ именемъ Цюдзюхиме. А если разсказать по порядку, такъ было это такъ.

Вскорѣ послѣ рожденія дочери, Мурасаки занемогла, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже да хуже становилось ей.

И лечили ее и ухаживали за ней.

Выбивался изъ силъ врачъ, мѣняли лѣкарство на лѣкарство, а все не помогало. Не въ рукахъ

людскихъ земная жизнь эта и, какъ солнце вечерней порою, закатилась она, закатилась навсегда для Мурасаки.

Въ то время Хасехиме едва, едва исполнилось три года, и не успѣлъ ребенокъ еще отличать, гдѣ востокъ, гдѣ западъ. Призвала ее передъ смертью своей мать, привлекла къ изголовью и, глядя любовно головку, заговорила, внушая ей.

— Хасехиме, дочь моя! Не поправится мнѣ, не подняться уже больше. Передо мною смерть моя. Но хоть и умру я, хоть не будетъ меня на свѣтѣ этомъ, будь кроткой, послушною, доброй-такою рости! Не серди нянекъ и мамокъ твоихъ, не затрудняй, не обременяй тѣхъ, кто ходитъ за тобою, кто подлѣ тебя. А еще!.. Если введетъ вмѣсто меня отецъ въ домъ другую мать для тебя, считай ее эту другую, какъ за родную мать твою, и люби и почитай ее не меньше, чѣмъ отца твоего. А когда вырастешь, когда станешь большою, съ почитительностью и искренностью служи старшимъ тебя, жалость и милосердіе проявляй къ тѣмъ, кто ниже тебя. И такъ держи себя, такъ поступай всегда, чтобы не пала на тебя ненависть и злоба людская. И будешь тогда ты примѣромъ и образцомъ прекрасной, совершенной женщины.

Безмолвно, нешевелясь, чинно сложивъ на колѣняхъ руки внимала словамъ матери Хасехиме, крѣпко запечатлѣлось все въ душѣ малаго ребенка. И навсегда врѣзались въ сердцѣ Хасехиме предсмертныя слова матери. А время шло. И росла, да росла Хасехиме, и стала дѣвушкой; сердечной, привѣтливой, умной, хорошою дѣвушкой выросла она.

За это время отецъ ей, Тоіонари, во второй разъ ввелъ себѣ супругу въ домъ свой. Терюю назы-

валась она. Злого и дурного характера была новая госпожа: какъ есть полная противоположность Хасехиме. Но по отношенію къ Хасехиме приходилась она замѣсто матери, и дѣвушка отнеслась къ ней со всей сердечностью, выказывая ей величайшую почтительность и любовь, какъ завѣщала ей Мурасаки. Несмотря на это, Теруіо, потому ли, что это былъ не ея собственный ребенокъ, видѣла въ ней какъ бы помѣху себѣ и рѣшительно ни чуточки не проявляла нѣжности и ласки къ ней.

Случилось однажды Хасехиме и Теруіо быть во дворцѣ микадо. Въ это время какъ разъ во дворцѣ былъ пиръ по случаю смотрѣнія цвѣтовъ, и для услажденія микадо двое должны были играть на инструментахъ передъ повѣшенной цыновкой, закрывавшей отъ взоровъ божественный ликъ. Хасехиме пришла очередь играть на кото, а Теруіо на сіо¹²⁹). Хасехиме отъ природы была способна и понятлива и, выучившись разъ чему-нибудь, уже не забывала этого. Она отлично сыграла свою партію на кото и удостоилась получить разные дары въ награду за свою игру. Теруіо же никакими талантами и способностями не обладала. Она не умѣла играть, какъ слѣдуетъ на сіо, и не знала,

какъ ей быть тутъ. Кончилось тѣмъ, что вмѣсто нея сыгралъ ея партію кто-то другой. Ну, конечно, она была въ очень неловкомъ положеніи. Она, взрослая женщина, и должна была уступить пальму первенства Хасехиме, еще совсѣмъ ребенку. Отъ стыда она не знала просто куда и дѣваться.

Не задумываясь вовсе надъ тѣмъ, что сама же виновата во всемъ этомъ, она считала, что все зло въ одной только Хасехиме и съ этихъ поръ стала по отношенію къ ней еще злѣе, еще болѣе возненавидѣла ее. Вдобавокъ къ этому она до безумія любила

своего собственного ребенка, мальчугана Ходзюмару. Она рѣшила, что если бы Хасехиме не было совсѣмъ, то отецъ, Тоіонари, вѣроятно перенесъ бы всю свою любовь на Ходзюмару, и вотъ, чтобы Хасехиме не была помѣхой этому, она замыслила страшное дѣло извести ее, изжить съ бѣла свѣта совсѣмъ. Она приказала вхожему къ нимъ въ домъ врачу приготовить отравленное вино. Наливъ его въ особую отъ обыкновеннаго вина фляжку, она слѣдала значекъ на горлышкѣ фляжки и, захвативъ вино съ собою, отправилась къ Хасехиме, беззаботно и весело игравшей съ Ходзюмару.

— Вотъ это хорошо! — сказала она. — Вы оба играете такъ скромно, такъ благонаивно, что въ награду за это я угощу васъ, пожалуй, вкуснымъ виномъ. И наливъ по полной чашечкѣ каждому изъ особой бутылки, она подала вино. Взявъ чашечку и совершенно не подозревая страшнаго умысла, крившагося въ этомъ, Хасехиме осушила свою чашечку одновременно съ Ходзюмару.

— Отлично! Дѣло ловко удалось! — подумала съ тайной радостью Теруіо, наблюдавшая за этимъ, и съ минуты на минуту стала ожидать дѣйствія яда. Но дѣвушка какъ ни въ чемъ не бывало. Незамѣтно ни малѣйшей перемены въ ней.

— Что за штука! Однако, тутъ что-то не такъ, — подумала Теруіо, которой это начало казаться страннымъ. Какъ вдругъ игравшій около нея Ходзюмару вскрикнулъ и началъ биться въ корчахъ. Цвѣтъ лица у него внезапно измѣнился, кровь хлынула изо рта.

— Неужели я перепутала фляжки? О, что я надѣлала! —

заволновалась Теруіо. Поднялся переполохъ. Ребенку оказаны были всѣ пособія, но ничто не помогало.

Въ концѣ концовъ Ходзюмару умеръ.

Конечно, этотъ несчастный случай явился не болѣе, какъ

заслуженнымъ наказаніемъ за тѣ страшные замыслы, которые питала въ душѣ своей Теруіо, но злая и несправедливая мачеха, она ничуть и не подумала объ этомъ. Она во всемъ винила лишь Хасехиме, считала ее причиной того, что она сама же по собственной оплошности умертвила своего ребенка. И душе прежняго возненавидѣла она ее.

Хасехиме исполнилось тринадцать лѣтъ. Какъ разъ въ это время случилось, что тогдашній микадо сталъ чувствовать себя нездоровымъ. Начали доискиваться причинъ болѣзни и нашли. Дѣло заключалось въ томъ, что въ то время воды рѣки Тацугава сильно увеличились, и неистовый шумъ ихъ отдавался въ головѣ божественнаго сына неба, причина боли.

По всѣмъ храмамъ разосланы были указы начать моленія о прекращеніи шума водъ, но никакія моленія не могли воздѣйствовать, и шумъ не смирялся.

Тогда всѣ заговорили о томъ, что Хасехиме, дочь министра Тоіонари, несмотря на свой юный еще возрастъ, стяжала себѣ славу сложеніемъ пѣсенъ и что если она сложитъ и продекламируетъ пѣсню, то шумъ можетъ и прекратится.

Тотчасъ же восполнивалъ императорскій указъ Хасехиме, чтобы она сложила и прочла пѣсню на берегу рѣки Тацугава. Дѣло шло о здравіи божественнаго микадо, и Хасехиме приложила всѣ свои способности.

Вознеся горячія молитвы ками и хотоке¹³⁰⁾ и возвысивъ голосъ она продекламировала:

Вадимайтесь вы волны высоко!
Не шуми Тацугава рѣка!
И страданія неба потомка
Унесетъ пусть забвенья рука!

Едва она прочла стихотвореніе, и чудомъ умолкли шумъ и ревъ водъ, и здравъ сталъ совершенно въ тотъ же мигъ микадо. Дивился онъ необычайно этому. Тотчасъ же повелѣлъ онъ призвать Хасехиме и въ награду за пѣснь ея, пожаловалъ ее званіемъ цудзю. И стали всѣ звать Хасехиме послѣ этого Цудзюхиме, и дивились ей всѣ до послѣдняго.

Одной душѣ только не на радость было это.

Не радовалась одна только Теруіо, мачеха дѣвушки. Собственный ея ребенокъ умеръ отъ яда, отравленный ею же самою, а ея падчерица, Хасехиме, напротивъ живетъ и преуспѣваетъ въ жизни. Она снискала расположеніе микадо, она всецѣло пользуется любовью отца. Тяжело стало мачехѣ, и зависть, и злоба,

и тоска, и ненависть, какъ огнемъ, жгли грудь ея. Опять начала она строить злые замыслы и начала клеветать на дѣвушку отцу ея. Но не внималъ онъ наговорамъ ея. И вотъ, тогда, выждавъ время, когда Тоіонари находился въ отлучкѣ изъ дома, приказала она одному изъ слугъ, по имени Катода, увезти ни въ чемъ неповинную дѣвушку въ Хибаріама, въ провинціи Кин, и тамъ убитъ ее.

Не смѣлъ послушаться Катода приказа госпожи. Усадивъ Хасехиме въ паланкинъ, онъ отправился съ нею въ горныя дебри Хибаріама. Но онъ хорошо зналъ, что дѣвушка не виновата ни въ чемъ, что ничего нехорошаго нѣтъ за ней. И какъ же было ему убить ее, сколько бы тамъ ни приказывала госпожа его! Опять же и вернуть ее обратно въ отчій домъ нечего было и думать.

Жаль было ему бѣдную дѣвушку. И вотъ онъ надумалъ.

Живо выстроилъ онъ въ глубинѣ горъ хижину и, рѣшивъ не возвращаться домой и самъ, вызвалъ сюда свою жену, и вдвоемъ они стали служить дѣвушкѣ, заботясь о ней. Возвратился Тоіонари изъ отлучки, спросилъ о дочери. Теруіо наговорило ему, что Хасехиме убѣжала изъ дома и исчезла совсѣмъ, послѣ какой-то тамъ выкинутой ею нехорошей продѣлки. Тоіонари былъ пораженъ, услышавъ это.

Онъ радъ бы вернуть дочь домой, но не могъ дознаться, гдѣ она находится. Такъ дѣло и осталось.

Прошло нѣсколько времени. Однажды Тоіонари въ сопровожденіи большой свиты отправился на охоту въ Хибаріама. И вотъ онъ видитъ въ одной изъ горныхъ лошинъ уединенную хижину, а въ ней красивую дѣвушку, склонившуюся въ чтеніи надъ священными буддійскими свитками.

— Не случайно она тутъ!

Зачѣмъ живетъ, что дѣлаетъ здѣсь въ этихъ страшныхъ горахъ, такая юная дѣвушка? — съ удивленіемъ подумалъ онъ и, быстро подойдя, взглянулъ на нее. О, неожиданность! Дѣвушка оказалась не кѣмъ инымъ, какъ его дорогимъ дѣтищемъ, его дочерью Хасехиме.

— Ты! Ты, Хасехиме?! — воскликнулъ онъ не своимъ голосомъ. Дѣвушка также была поражена.

— О! Это ты отецъ? Какъ же я изстрадалась, какъ истосковалась по тебѣ! Она кинулась къ отцу и, припавъ къ нему, навзрыдъ зарыдала. Отъ радости, отъ счастья рыдала она. Такая удивительная встрѣча! Тоіонари думалъ,

что онъ видитъ это просто во снѣ. И онъ сталъ разспрашивать, какимъ образомъ очутилась здѣсь она, его юная дочь.

Тогда вышелъ изъ сосѣдняго помѣщенія Катода.

— Привѣтствую тебя господинъ! — сказалъ онъ. — А какъ она очутилась здѣсь, — такъ вотъ изволь выслушать.

И онъ подробно разсказалъ все: и о зломъ нравѣ Теруіо, и о преслѣдованіи ею ни въ чемъ неповинной Хасехиме. Въ ужасѣ пришелъ Тоіонари, прослушавъ разсказъ, и возмущилась душа его. Сейчасъ же прекратилъ онъ охоту и вмѣстѣ съ Хасехиме и обоими Катода возвратился въ свои палаты. Провѣдавъ объ ихъ возвращеніи, Теруіо сообразила, что ей придется жутко, и тутъ же куда-то скрылась, исчезнувъ навсегда изъ дома. Свободной грудью вздохнула Хасехиме, когда не стало въ домѣ ея злой мачехи. Теперь зажила она спокойно и всю любовь, всю нѣжность и преданность свою сосредоточила только на одномъ отцѣ.

Преданные слуги Катода, мужъ и жена, заботившіеся о дѣвушкѣ, были щедро награждены и стали жить въ довольствѣ и покоѣ.

Ниспосланная богиней Каннонъ Хасехиме была проникнута глубокой вѣрой въ Будду. Впослѣдствіи она выткала изъ нитей лотоса картину буддійскаго рая...

И лотосовая мандара¹³¹⁾ Цудзюхике извѣстна всѣмъ и каждому.

Кошки и крысы.

Триста лѣтъ тому назадъ правительствомъ изданъ былъ указъ, которымъ повелѣвалось, чтобы всѣ до единой кошки въ столицѣ, содержащіяся до того на привязи, были освобождены отъ веревокъ и содержались на свободѣ.

И вотъ разныя Буци, Михе, Тама, Кома, которыя до этого были попривязаны за шею къ столбамъ, были отвязаны въ силу указа и получили свободу. Рады были онѣ необычайно. Онѣ прыгали отъ радости, какъ дѣти, когда наступаетъ хорошая погода послѣ продолжительнаго дождя, не позволяющаго никуда выйти, и взапуски другъ передъ другомъ старались выскочить на свободу. Онѣ залѣзали на заборы, взбирались на кровли. Теперь онѣ могли дѣлать, что хочется. Болѣе пожилая и степенная устраивали на сушильняхъ пріятельскія пирушки, понатащивъ туда рыбы, самаго лакомага для нихъ кушанья. Молодежь, болѣе живая и предприимчивая, устраивала на широкомъ лугу игрища, гоняся за бабочками, забавляясь игрою въ мячъ. Вездѣ и повсюду въ это время кошекъ было полнымъ полно. Онѣ прямо-таки забрали все въ свои руки и чванились необычайно,

разгуливая съ горделивымъ видомъ, задравъ вверхъ носъ и вытянувъ вверхъ, какъ палка, свой длинный хвостъ: — «Мы-де не кто-нибудь, а всеильныя кошки, и пользуемся особымъ вниманіемъ у правительства. Намъ предоставлено повсюду жить на свободѣ. Попробуй кто-либо только коснуться кончика нашихъ ушей, сейчасъ же изорвемъ мы его вотъ этими самыми, своими когтями. Распростирайся въ страхъ ницъ передъ нами и сметай пыль съ кончиковъ нашихъ усовъ». — Да поистинѣ это было хорошее время для кошекъ, лучше его уже и не было.

Но для кого не было оно хорошимъ, такъ это для крысъ. Крысы исконные враги кошекъ, не любятъ и боятся ихъ. Заслышавъ только кошачій голосъ, они уже начинаютъ дрожать, и замолкаютъ ихъ пискъ «цю, цю, цю». И теперь, когда эти ненавистныя имъ кошки стали бродить на свободѣ и разгуливать повсюду, крысамъ пришлось быть особенно бдительными и осторожными. Съжившись, забрались онѣ по чердакамъ, на днѣ водостоковъ, по грязнымъ норамъ. Добывать пищу стало невозможнымъ. И только по временамъ, когда очень ужъ начиналъ

донимать голодъ, пробирались онѣ потихоньку въ кухню, или какой-нибудь шкафъ; но если только попадались на глаза кошкѣ, то тутъ имъ приходило и конецъ. Житья не стало крысамъ совсѣмъ. И достать какой-нибудь ломтикъ сущеннаго моци¹³²⁾, или кусочекъ свѣчи стоило риска жизни. Не втерпѣжъ стало крысамъ. И вотъ какъ-то ночью, когда люди и кошки позаснули глубокимъ сномъ, собрались онѣ всѣ въ одномъ амбарѣ на совѣщаніе, чтобы обсудить и рѣшить, какъ же быть имъ дальше. Изъ среды ихъ отдѣлилась пожилая уже, умная на видъ, крыса. Взобралась она на самый высокій изъ ящиковъ и, окинувъ взглядомъ все собраніе, начала держать такую рѣчь:

— Послушайте, господа! Нынѣ кошки забрали большую силу, и намъ, крысамъ, остается только перенести свои жилища въ пустынные горы, или же, забившись по норамъ, питаться сажей и грязью изъ помойныхъ ямъ. Что за проклятое положеніе! Кошки въ десять разъ больше насъ, и тягаться съ ними намъ нечего и думать. Но оставаться въ такомъ положеніи, какъ сейчасъ, опять же намъ нельзя. Въ концѣ концовъ мы всѣ попеременно съ голода. Но вотъ, что я думаю. Самое лучшее, по моему, это обратиться съ просьбой къ людямъ, чтобы они опять крѣпко-накрѣпко попривязали кошекъ на веревки, какъ это и было раньше. Кстати, есть тутъ въ одной кумирнѣ знакомый мнѣ монахъ, жалостливый и сердобольный. Пойду-ка я къ нему и попрошу его помочь намъ въ бѣдѣ. А [вы всѣ ждите меня здѣсь, не расходитесь! — Все собраніе одобрило такое рѣшеніе.

— Просимъ, покорнѣйше просимъ!

— Хорошо! Сейчасъ же пойду, попрошу.

— Дорогой только, смотри, будь осторожна!

— Ничего! Въ кумирнѣ кошекъ нѣтъ. — Быстро изладившись, крыса торопливо направилась въ кумирню. Пришла къ монаху.

— Почтеннѣйшій монахъ! А, монахъ! Я пришла съ просьбой къ тебѣ.

— Да ты, вѣдь, кажется крыса! Ну что тамъ за просьба у тебя?

— Дѣло въ слѣдующемъ. Какъ ты изволишь знать самъ, почтеннѣйшій монахъ, теперь во всемъ городѣ кошки содержатся на свободѣ, ну и наше крысиное положеніе стало изъ рукъ вонъ плохо. По вечерамъ онѣ рвутъ насъ на части по водостокамъ, по утрамъ откусываютъ намъ головы на кухонныхъ порогахъ. Бѣда, да и только! Добывать ежедневное пропитаніе стало намъ очень трудно, и если такъ пойдеть дальше, то въ недалекомъ будущемъ мы всѣ

попеременно съ голода. Не ужасно ли это? Какое несчастное, жалкое положеніе! Такъ вотъ, высокочтимый монахъ, ты милосердъ и сострадателенъ, да къ тому же я знаю, что Будда не дозволяетъ убивать никакого живого существа. Поэтому я пришла къ тебѣ съ покорнѣйшей просьбой. Помоги намъ въ нашей бѣдѣ. Соизволь убѣдить правительство, чтобы оно повелѣло опять привязать кошекъ на веревки. Съ этой именно просьбой и пришла я къ тебѣ. Наму амида буцу! Наму амида буцу! — просила крыса, молитвенно сложивъ лапки.

Молча слушалъ монахъ ся рѣчь, а потомъ заговорилъ въ отвѣтъ крысѣ.

— Положеніе ваше жалкое. Это правда. Но опять и вы сами далеко не безъ грѣшка. Да вотъ сказать къ примѣру: спрячу я себѣ старательно сушеныхъ бобовъ, или моци, вы тотчасъ же скрадете. Оклею съ трудомъ наново зонтикъ, вы изгрызете его въ одну ночь. Куплю крахмала, вы весь его уничтожите прежде, чѣмъ я успѣю попользоваться имъ; получу пирожное, вы утащите его, не давъ мнѣ даже и попробовать. Да это ли только? На всемъ оставляете вы слѣды своихъ зубовъ; рѣшительно на всемъ, начиная съ книгъ и кончая моимъ монашескимъ одѣяніемъ. И такъ вы надобѣдливы, такъ досажаете, что какъ ни будь милосердъ, какъ ни будь сострадателенъ, а всякое терпѣніе лопнетъ; поневолѣ будешь сердиться. А теперь, поди, о своихъ дѣлишкахъ молчишь, на кошекъ все валишь! Вишь разогналась! Съ

кошками-де справу нѣтъ! Нѣтъ, нельзя такъ о себѣ, да о себѣ только! — Видя, что монахъ наотрѣзъ отказывается помочь имъ, и не имѣя ничего больше сказать въ свою защиту и оправданіе, опечаленная крыса поплелась обратно домой.

Придя въ амбаръ, она рассказала, какъ было дѣло. Все собраніе было опечалено, но тѣмъ не менѣе рѣшило, что, очевидно, такъ просить

не годится. Надо пообѣщать впредь исправиться, отказаться отъ всѣхъ продѣлокъ, и если попросить заступничества подъ такимъ условіемъ, то незлобивый монахъ, лучший изъ людей, конечно, не откажется. Порѣшивъ на этомъ, крысы собрались всѣ вмѣстѣ и густой толпою повалили въ кумирню къ монаху. Пришли онѣ. Но, о ужась! У изголовья монаха сидѣла пришедшая раньше ихъ, полосатая, какъ тигръ, кошка, и что-то такое говорила. Крысы на смерть перепугались и въ страхѣ хотѣли, было, уже бѣжать, но ихъ остановила та самая пожилая крыса, что ораторствовала въ амбарѣ.

— Стойте! Куда вы? Если будете шумѣть, то сами же выдадите себя. Спрячемся лучше гдѣ-нибудь тутъ потихоньку, да послушаемъ, что она говоритъ такое? — убѣждала она ихъ. Понемногу, понемногу крысы успокоились; спрятались за перегородкой и, затавивъ дыханіе, стали слушать. А кошка продолжала болтать.

— Послушай, достойнѣйшій монахъ! — говорила она. — Теперь мы кошки содержимся во всемъ городѣ на свободѣ. И вотъ, какъ слышно, крысы приходили къ тебѣ и рассказывали про насъ всякую небывальщину, клеветали на насъ. Совсѣмъ это не такъ, какъ говорятъ онѣ. Изволишь ли видѣть, крысиная натура хорошо известна всѣмъ; вѣдь это самая беспокойная и надоедливая тварь; воришки, отъ которыхъ нѣтъ спасенія!

А теперь возьми насъ. Мы потомки индійскаго тигра. Японія страна небольшая, да, кромѣ того, она страна нѣжности, мягкости, вотъ мы и стали такими маленькими, такими смиренными, а прояви только мы свои тигровыя свойства, не устоятъ противъ насъ ни одному, какой бы ни былъ тамъ свирѣпый звѣрь. Вотъ что за животныя мы! Поэтому и правительство отнеслось къ намъ съ большимъ вниманіемъ и заботливостью, и теперь, благодаря его указу, мы содержимся на свободѣ. Конечно, иначе и быть не должно!

А само собой разумѣется, что крысы будутъ говорить про насъ всякій вздоръ; онѣ, вѣдь, преслѣдуютъ свои личныя цѣли. И если мы убивали этихъ подлыхъ животныхъ, разъ они попадались намъ на глаза, то дѣлали мы это не для собственной пользы. О людяхъ заботясь, убиваемъ мы крысъ. — Кошка хвасталась и всячески расхваливала себя. Узнавъ изъ этого разсказа, что кошки — потомки индійскаго тигра, крысы, притавшіяся за перегородкой, перепугались окончательно, и чтобы не попасть въ бѣду, поторопились по добру по здорову убраться во свояси, пока еще кошка не успѣла замѣтить ихъ.

Такъ какъ жить въ городѣ при такихъ условіяхъ стало окончательно невозможнымъ, то крысы пришли къ заключенію, что самымъ лучшимъ для нихъ будетъ сдѣлаться дикими крысами, уйдя въ деревню, и влечить свое существованіе, питаясь на поляхъ рисомъ. Всѣ онѣ приготовились въ путь и, оставивъ свои наскоро жилаща на чердакахъ и въ водосточкахъ, собирались, было, уже выступить въ путь, но тутъ заупрямилось болѣе молодое, крѣпкозубое поколѣніе.

— Да что же это такое? — заговорили онѣ. Какъ тамъ ни страшны кошки, но нельзя же въ самомъ дѣлѣ изъ-за этого бросать наши старыя жилища въ городѣ, гдѣ мы такъ хорошо жили до сихъ поръ, побросать ихъ и уйти въ деревню, стать дикими крысами. Нѣтъ, это совсѣмъ не годится. Оно, конечно, можетъ, кошки и потомки индійскаго тигра, но кто знаетъ это? А вотъ мы, крысы, такъ уже дѣйствительно состоимъ, съ позволенія сказать, при богѣ Дайкоку¹³²). Если мы удеремъ

такъ просто, то намъ нельзя будетъ и на глаза показаться ни одному изъ животныхъ.

А ну-ка соберемся лучше всѣ вмѣстѣ, да ударимъ на кошечекъ. Пусть мы и не устоимъ противъ нихъ, зато умремъ по крайней мѣрѣ славной смертью въ бою. А если мы побѣдимъ ихъ, то изгонимъ этихъ тварей изъ города и будемъ себѣ по-

прежнему проникать безпрепятственно повсюду, — и въ кухни, и въ самые заветные шкафы; будемъ таскать опять все сюда къ себѣ.

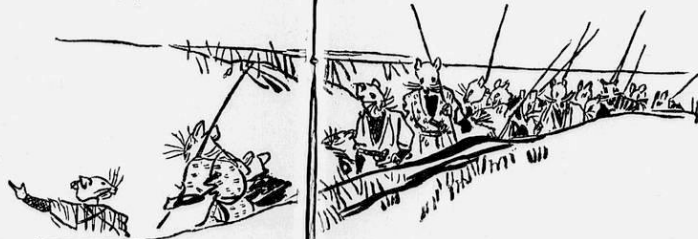
Будемъ дѣлать все, что только намъ захочется, днемъ или ночью. А ну же рискнемъ разоукъ! — Ихъ мужественныя рѣчи воздѣйствовали на другихъ. Переселеніе въ деревню было оставлено и, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, онѣ выступили въ походъ противъ кошекъ. Кошки сейчасъ же провѣдали объ этомъ.

— Ахъ, несчастныя твари! Мы еще и не думали нападать на нихъ, такъ онѣ сами начинаютъ, зубы намъ показываютъ!

Ладно, пусть летятъ, какъ бабочки, на огонь! Жизнь имъ, видно, надоѣла. Пожалуйте, пожалуйста! Наѣдимся же мы крысъ до отвала! — заговорили кошки и, наточивъ когти, начали съ минуты на минуту поджидать нападенія крысъ.

Въ столицѣ должна была вотъ-вотъ разыгратъ битва между кошками и крысами. Но тутъ спѣшно прикатилъ не кто иной, какъ самъ буддійскій монахъ. Свѣдавъ о томъ, что затѣвается, онъ поторопился и влетѣлъ въ середину между обѣими враждующими сторонами какъ разъ въ то время, когда онѣ мѣряли другъ друга взглядами, готовясь начать схватку.

— Эй вы кошки! Крысы! Стойте, погодите! Неужели вы думаете, что вамъ будетъ какая-нибудь польза оттого, что вы вступите въ драку другъ съ другомъ? Крысамъ, конечно, не осилить кошекъ. Но когда кошки побѣдятъ крысъ, надъ ними опять же будетъ собака, а съ собакой имъ не тягаться. И кто бы ни побѣдилъ тутъ, все же міръ не станетъ собственностью побѣдителя. Міръ находится въ общемъ владѣніи, и если только будутъ жить въ дружбѣ люди съ людьми, птицы съ птицами и животныя съ животными, то жизнь будетъ легка и пріятна всѣмъ. А если животныя будутъ тащить пищу у людей, какъ дѣлаютъ крысы, или мучить другихъ невинныхъ животныхъ, въ чемъ грѣшны кошки, то такъ ужъ и знайте, небесное наказаніе не замедлитъ явиться само собою. Если вы уяснили себѣ эту истину, то, вотъ, вы, крысы, возвращайтесь къ себѣ до-

мой и живите смирно по своимъ норамъ, опредѣливъ себѣ въ пищу что-нибудь подходящее изъ того, что остается отъ людей. А, вы кошки, въ свою очередь довольствуйтесь супомъ, который получаете въ раковинахъ изъ подъ морского ушка¹³⁴⁾ и перестаньте ѣсть невинныхъ животныхъ, какъ крысы.

Если вы будете жить между собою дружно, то и люди отнесутся къ вамъ участливо и будутъ время отъ времени удѣлять вамъ остатки жертвеннаго моци¹³⁵⁾ и сушеннаго бонита¹³⁶⁾. Во всякомъ случаѣ я не допущу васъ до драки. Такъ поучалъ ихъ монахъ, стоя посрединѣ между противниками, и подѣйствовало, видимо, его поученіе на нихъ. Первыми преклонили колѣна кошки.

— Впервые теперь, благодаря твоей проповѣди, уразумѣли мы истину. Отнынѣ и впредь не будемъ мы уже преслѣдовать невинныхъ крысъ, не будемъ совершать ненужнаго умерщвленія живыхъ существъ, — говорили онѣ. Крысы, въ свою очередь, пали ницъ.

— Если такъ говорятъ почтенныя кошки, то и мы впредь оставимъ всѣ свои злостныя продѣлки, — почтительно заявили онѣ.

Монахъ обрадовался.

— Ну такъ похлопайте лапками въ знакъ возстановленія хорошихъ отношеній между вами, — сказалъ онъ и захлопалъ самъ въ ладоши, приговаривая при этомъ.

— Сянь, сянь, сянь! — хлопалъ монахъ.

— Нянь, нянь, нянь! — вторилъ ему какой-то шутникъ изъ кошекъ.

Усивакамару.

Давнымъ давно было это, и съ тѣхъ поръ прошло уже шесть цѣлыхъ вѣковъ. Шла тогда непрерывная война въ Японіи между двумя родами: Минамото и Тайра¹²⁷⁾. Воевали они между собою и побѣждали, и были побѣждаемы. Былъ въ это время изъ рода Минамото военачальникъ Йоситамо по имени, званіемъ самоноками¹²⁸⁾. Какъ ни могучъ и храбръ онъ былъ, но отвернулось счастье отъ него; будучи разбитъ въ сраженіи, онъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ, но былъ убитъ подосланнымъ убійцей. У него было восемь душъ дѣтей и самымъ младшимъ былъ Усивакамару. Когда былъ убитъ отецъ, Усивакамару былъ совсѣмъ еще младенцемъ, и мать его, Токива, еще не отняла его отъ груди.

Вся власть очутилась въ рукахъ у Тайра; они были полными господами и хватили и убивали членовъ дома Минамото, какъ только находили кого-нибудь изъ нихъ; Мина-

мото должны были укрываться и соблюдать крайнюю осторожность, чтобы не попасть въ руки враговъ. Поэтому Токива, захватила съ собою, кромѣ Усивака, еще двухъ дѣтей, Имавака и Отовака, и скрылась съ ними въ деревнѣ, затаявшись тамъ. Хейцы захватили почти всѣхъ Генцевъ. Однихъ они казнили, другихъ посылали на острова. Однако, имъ не удалось захватить Токива и бывшихъ при ней дѣтей. Они искали ихъ повсюду, но никакъ не могли разузнать, гдѣ они укрываются. Тогда они придумали такой способъ, чтобы открыть бѣглецовъ.

Они схватили Секія, мать Токива, и потребовали, чтобы она указала убѣжище дочери, обѣщая за это оставить ей жизнь, и грозя жестокой смертью, въ случаѣ, если она откажется указать его. Изо дня въ день допытывали и мучили они ее. Токива въ своей деревнѣ узнала про это и пришла въ ужасъ.

— Мое спасеніе будетъ стоить жизни ни въ чемъ неповинной матери моей. А съ другой стороны, если Хейцы схватятъ меня, то, вѣроятно, убиты будутъ эти несчастныя дѣти, всѣ до единого. А — а! Что мнѣ дѣлать?! Какъ поступить?! — волновалась она въ своемъ одиночествѣ. Но не могла она примириться съ тѣмъ, что ея нѣжно любимая мать подвергается такимъ страданіямъ, что она можетъ погибнуть. Она рѣшилась. Уложивъ на груди своей однолѣтку Усивака, ведя за руки, по одну сторону семилѣтняго Имавака, а по другую пятилѣтняго Ото-

вака, она направила свой путь въ столицу. Стояла какъ разъ зима, и съ самаго утра въ этотъ день валилъ густой снѣгъ; дулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ; дорога была плоха и, она, женщина, шла пѣшкомъ на своихъ слабыхъ ногахъ, шла среди всѣхъ этихъ ужасовъ съ тремя малолѣтними дѣтьми. Тяжело и тоскливо было у нея на душѣ, велико было ея горе, велики страданія. Грудной ребенокъ плакалъ отъ холода, шедшія пѣшкомъ дѣти выбились изъ силъ и хныкали, а она шла, успокаивая одного, уговаривая и утѣшая другихъ. Шла и пришла, наконецъ, въ столицу. Тотчасъ отправилась она въ ставку Хейцевъ.

— Я—Токива! Я пришла сюда съ тремя своими дѣтьми; пришла и объявилась добровольно, и за это прошу пощадить жизнь моей матери,—сказала она.

Горемъ и страданіемъ звучала мольба ея. И понялъ ее даже Кіюмори¹³⁹⁾, предводитель Хейцевъ. Жалостно почувствовалъ онъ къ ней и сейчасъ же отпустилъ ея мать.

И еще рѣшилъ онъ, что незачѣмъ убивать, такихъ малолѣтнихъ дѣтей. Онъ отослалъ Имавака и Отовака послушниками въ буддйскій монастырь, а Усивака вмѣстѣ съ его матерью, Токива, оставилъ при себѣ. Такъ и росъ здѣсь Усивака. Но когда ему исполнилось семь лѣтъ, онъ также былъ отосланъ въ буддйскій монастырь, Токобо, въ Курамаеяма, такъ какъ и ему тоже предстояло монашество. По прибытіи въ монастырь, Усивака, который въ будущемъ долженъ былъ принять монашескій санъ, началъ заниматься чтеніемъ священныхъ книгъ, писаномъ и всею душою отдавался ученію. Но по натурѣ онъ былъ сильный духомъ ребенокъ, не мирившійся съ подчиненнымъ положеніемъ, не любившій уступать. Изъ разсказовъ своихъ учителей, изъ болтовни товарищей онъ узналъ, что Хейцы истребили весь домъ Минамото, начиная съ Іаситою. Горе и чувство мести овладѣли имъ. Никогда не переставалъ онъ думать объ этомъ, ложился ли спать, вставалъ ли отъ сна; а притомъ еще не мирился онъ съ мыслью, что долженъ стать монахомъ. У него возникъ смѣлый планъ, имъ овладѣло страстное желаніе стать въ будущемъ великимъ полководцемъ, обрушиться грозной карою на Хейцевъ, стереть ихъ съ лица земли. И вотъ, послѣ этого, выждавъ, бывало, когда всѣ заснутъ глубокимъ мирнымъ сномъ, онъ потихоньку уходилъ изъ монастыря въ одну долину, прозванную Содзіогатами, и тамъ учился въ

одинокую мечевому бою, поражая деревья и утесы деревяннымъ мечемъ, который приносилъ съ собою.

Однажды, ночью Усивака пришелъ по обыкновенію въ Содзіогатами и упражнялся себѣ, дѣйствуя своимъ деревяннымъ мечемъ. Вдругъ поднялся, зашумѣлъ и загудѣлъ ураганъ, закрипѣли и застонали деревья, ломаемая бурей, и въ тотъ же мигъ передъ глазами Усивака появился, откуда ни возмись, страшный великанъ, лысый монахъ, ростомъ въ косую сажень, съ громадными глазами, съ длиннымъ носомъ.

Смѣлый по природѣ Усивака не испугался; онъ не испугался бы, что бы тамъ ни явилось передъ нимъ.

— Что ты такое? — спросилъ онъ и выправилъ для боя свой деревянный мечъ. Захотѣлъ монахъ, и гулкимъ грохотомъ пронесся хохотъ его.

— Я, главный лѣшій¹⁴⁰⁾, давно уже обитаю я здѣсь въ Садзіогатами. Не мало я дивился тебѣ, какъ ты каждую ночь приходишь сюда и въ одиночку учишься владѣть мечемъ. Я рѣшилъ, что съ этой ночи я самъ буду учить тебя этому. Вотъ почему я и явился здѣсь. Услышавъ это, Усивака очень обрадовался.

— О, ты явился какъ разъ кстати! Ну, пожалуйста, начинай же поскорѣе учить меня. Взмахнувъ своимъ деревяннымъ мечемъ, онъ началъ наступать на лѣшаго, стараясь нанести ему ударъ.

Лѣшій мгновенно увернулся и началъ дѣйствовать вѣромъ, который держалъ въ рукѣ. Онъ принималъ удары слѣва, отбивалъ справа... и такимъ образомъ обучалъ Усивака разнымъ приемамъ мечевого боя. Мало по малу Усивака началъ совершенствоваться. Съ этихъ поръ неизмѣнно каждую ночь приходилъ онъ сюда и учился у лѣшаго разнымъ сокровеннымъ приемамъ боя на мечяхъ. Благодаря этому, онъ сталъ необыкновенно ловокъ и искусенъ въ этомъ дѣлѣ, слѣдѣлъ такимъ рубакой, что въ одинъ мигъ укладывалъ пластомъ обыкновенныхъ лѣшихъ, будь ихъ хоть десять, хоть двадцать даже.

Въ это время былъ нѣкій Мусасибо-Бенкеи, монахъ-силачъ. Бенкеи жилъ въ Сайто на Хіендзанъ¹⁴¹⁾. Этотъ Мусасибо изъ Сайто пользовался страшной славой неукротимаго малаго, отъ котораго можно было всего ожидать, и одно уже имя его приводило въ трепетъ большинство людей. Съ чего-то Бенкеи пришла въ

голову шальная мысль отнимать у людей мечи и онъ рѣшилъ набрать ихъ такимъ образомъ до тысячи штукъ. Каждый вечеръ выходилъ онъ къ мосту Годзіо и, накидываясь неожиданно на проходившихъ тамъ, отнималъ у нихъ мечи, а если случалось, что кто-нибудь начиналъ сопротивляться, то онъ тутъ же съ одного маха убивалъ такого своей тяжелой алебардой, которую постоянно носилъ съ собою. Всѣ стали бояться, и послѣ захода солнца никто не рѣшался уже проходить въ этихъ мѣстахъ.

Усивака прослышалъ объ этомъ.

— Интересный, однако, малый этотъ Бенкеи! — подумалъ онъ. — Я, положимъ, не знаю, что такое этотъ монахъ, но, судя по тому, что онъ отнимаетъ мечи, онъ не простой заурядный грабитель; вотъ сдѣлать бы его своимъ сподвижникомъ! А, вѣдь, пожалуй, онъ оказалъ бы не малую помощь, когда придется воевать съ Хейцами. Ладно! Сегодня же ночью пойду, поиспытаю этого монаха. Смѣлъ и? крѣпокъ духомъ былъ Усивака, не по годамъ смѣлъ. Поигрывая на своей старой, любимой флейтѣ, онъ пошелъ къ мѣсту Годзіо. На счастье ночь была лунная свѣтлая.

Прошло нѣсколько времени. Вдругъ, впереди показался громадный, чуть не до облака ростомъ монахъ, въ черныхъ доспѣхахъ и бѣломъ капюшонѣ, покрывавшемъ голову. Онъ шелъ тяжелой, размѣренной поступью, опираясь на огромную алебарду, какъ на трость.

— Ага! Вотъ онъ самый, этотъ знаменитый грабитель

мечей! Дѣйствительно, здоровый монахъ, силячъ! — подумалъ Усивака, завидѣвъ его, но ничуть не испугался и, поигрывая на флейтѣ, продолжалъ себѣ итти съ самымъ независимымъ, безпечнымъ видомъ.

Монахъ остановился, окинулъ его взглядомъ. Но, найдя, должно быть, что передъ нимъ ребенокъ, котораго нельзя считать за противника, хотѣлъ, было, пройти, не трогая его. Планъ Усивака разстроился, но онъ рѣшилъ довести дѣло до конца.

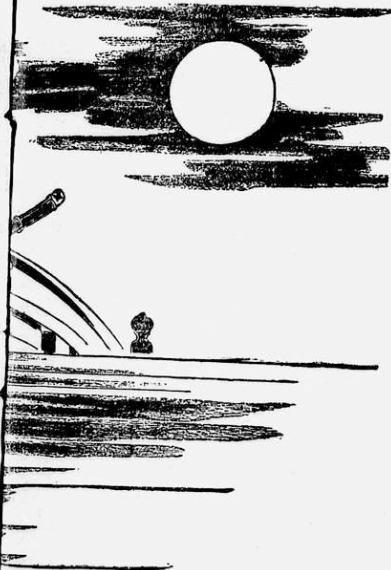
— Эй ты! Что же не нападаешь? Коли такъ, то я самъ начну! — крикнулъ онъ, подвигаясь постепенно къ монаху. Очувшись около него, онъ неожиданно для послѣдняго сильно пнулъ

ногую въ рукоять его алебарды.

Бенкеи самъ не хотѣлъ его трогать, хотѣлъ пощадить его, какъ ребенка, но вышло наоборотъ; этотъ ребенокъ началъ самъ же первымъ. Бенкеи освирѣпѣлъ.

— Ахъ ты хвастунишка! — воскликнулъ онъ и поднявъ алебарду сдѣлалъ страшный взмахъ впоперекъ, намѣреваясь перерубить несчастнаго Усивака на двѣ части пониже груди. Но не тутъ-то было! Въ мгновеніе ока увернулся Усивака отъ удара. Отскочивъ двѣ-три сажени назадъ, онъ вынулъ заткнутой за поясомъ у себя вѣеръ и пустилъ имъ въ Бенкеи. Уныло засвисталъ и зарокоталъ полетѣвшій вѣеръ и глухо ударился въ лобъ Бенкеи, угодивъ ему промежду бровей.

Бенкеи пришелъ еще въ большую ярость, опять взмахнулъ онъ своей страшной

алебардой и отпустилъ ее вниз, чтобы разрубить Усивака вдоль, какъ раскалываютъ дрова, но Усивака вскочилъ этотъ разъ на перила моста, избѣгнувъ удара.

— Да вотъ гдѣ я! — со смѣхомъ закричалъ онъ, хлопая въ ладоши. Дважды уже промахнувшись Бенкеи окончательно вышелъ изъ себя. Вертя алебардой, какъ мельничнымъ колесомъ, безъ перерыва началъ онъ рубить ею и вдоль и впоперекъ.

Но Усивака, прошедшій хорошую школу подъ руководствомъ лѣтшаго изъ Кураямаяма, былъ удалимъ бойцемъ; онъ обладалъ необычайной ловкостью и проворствомъ. Поражалъ его Бенкеи спереди себя, онъ оказывался сзади; рубилъ его позади себя, онъ былъ какъ разъ впереди. Какъ ласточка перелеталъ онъ, перескакивалъ, какъ обезьяна, и никакъ не попадалъ подъ ударъ. Не въ моготу стало даже и Бенкеи; онъ началъ уставать... Вдругъ Усивака подскочилъ и вышибъ у него изъ рукъ алебарду, а когда растерявшійся Бенкеи нагнулся, чтобы поднять ее, онъ такъ толкнулъ его сзади, что Бенкеи растянулся на четвереньки посреди моста во весь свой громадный ростъ. Усивака мигомъ вскочилъ на него верхомъ.

— Ну а что, каково тебѣ? — спрашивалъ онъ, нажимая все сильнѣе и сильнѣе. Бенкеи и раньше замѣтилъ уже и дивился, какъ силенъ этотъ ребенокъ, на котораго, казалось, бы не стоило даже обращать вниманія, но теперь, когда Усивака прижалъ его такъ, что даже нельзя было и шевельнуться, онъ окончательно былъ пораженъ и изумленъ.

Ну и ликовинная штука! — говорилъ онъ. — Да кто же ты такой въ самомъ дѣлѣ!? За это время противниковъ у меня было не мало. Но такого сильнаго и удалого, какъ ты, я встрѣчаю впервые. Какъ хочешь, но ты, или оборотень, или лѣшій, но только врядъ ли изъ людей. — Усивака разсмѣялся.

— А что Бенкеи? Каково чувствуешь себя? Чувствуешь страхъ передо мною?

— Чувствую, почтительный страхъ чувствую!

— Покоряешься мнѣ?

— Покорюсь!

— Будешь, значитъ, служить мнѣ?

— Да, да! Я же, вѣдь, покорился тебѣ, буду, значитъ, слугою, дружинникомъ твоимъ. Но скажи мнѣ, кто ты такой? — Видя что уже теперь можно, Усивака освободилъ Бенкеи, поднялъ его и самъ сейчасъ же сталъ держаться по иному.

— Теперь я не стану скрывать отъ тебя ничего. Я восьмой сынъ Саманоками Йоситомо. Мое имя Усивакамару, а изъ рода я Минамото. — Бенкеи былъ пораженъ, когда услышалъ это.

— Такъ ты молодой господинъ Усивака, сынъ свѣтлѣйшаго

Йоситомо! Ну, теперь понимаю. Мнѣ и сначала казалось, что такое искусство, какимъ обладаешь ты, не присуще простымъ смертнымъ. Разъ ты изъ такого знаменитаго, славнаго рода, то я самъ прошу тебя, соизволь принять меня на службу къ тебѣ, не отказывая, пожалуйста! — говорилъ Бенкеи.

Затѣмъ они уговорились подробно, и съ этихъ поръ

Бенкеи сталъ дружинникомъ на службѣ у Усивака. Усивака былъ радеhoneкъ, что ему удалось привлечь на свою сторону и сдѣлать своимъ самураемъ удалого силача-монаха Бенкеи, но такъ какъ самъ онъ не пришелъ еще въ возрастъ, да притомъ вдвоемъ только нечего и думать было вступать въ борьбу съ

Тайра, онъ рѣшилъ записаться еще терпѣливѣе и выжидать удобнаго случая для начала дѣйствій. Такъ шло время. Но вотъ до него доходятъ слухи, что въ Осю есть нѣкто Хидехира изъ рода Фудзивара, потомокъ знаменитаго Хидесато Тавара Тода. О немъ говорили, какъ о витязѣ и военачальникѣ, равнаго которому нѣтъ нигдѣ въ Осю.

Усивака рѣшилъ отправиться къ нему, объяснить все дѣло и постараться привлечь его на свою сторону. Посовѣтовавшись съ Бенкеи, онъ вмѣстѣ съ нимъ тайно оставилъ столицу и, не теряя времени, направился въ Осю. По дорогѣ онъ сдѣлалъ еще одно дѣло. Онъ зашелъ въ храмъ Ацута совершить поклонение богамъ. И въ виду того, что не годилось уже больше оставаться подъ дѣтскимъ именемъ, Усивака, онъ совершилъ въ этомъ храмѣ обрядъ перехода въ зрѣлый возрастъ¹⁴³⁾ и далъ себѣ соотвѣтственно этому новое имя Юсицуне Генкуро. Онъ былъ восьмой по старшинству сынъ, и собственно болѣе подходящимъ для него было имя Хаширо, но Циндзень Хаширо назывался его родной дядя, поэтому онъ нарочно назвалъ себя въ отличіе отъ него Куро¹⁴⁴⁾.

Отъ столицы до Осю имъ пришлось пройти добрыхъ триста ри¹⁴⁵⁾, пока они добрались до мѣста, гдѣ жилъ Хидехира. Прибывъ туда, Юсицуне обратился къ Хидехира съ просьбой дать ему пріютъ. Хидехира былъ очень расположенъ къ роду Минamoto и, конечно, не отказалъ. Наоборотъ, онъ былъ даже радъ приходу Юсицуне и пріютилъ его у себя въ домѣ, принявъ въ немъ самое горячее участіе.

Прошло нѣсколько времени, и въ Осю стало извѣстно, что Юритомо, старшій братъ Юсицуне, посланный раньше Хейцами въ

сылку въ провинцію Идзу, собралъ теперь множество сторонниковъ и поднялъ боевые значки противъ Хейцевъ, неся имъ кару. Самъ не свой сталъ Юсицуне, узнавъ объ этомъ. Живо набралъ онъ себѣ рать и во главѣ ея явился въ ставку брата своего, Юритомо, въ Идзу.

— Уважаемый братъ! — сказалъ онъ, я, Куро Юсицуне, явился на помощь тебѣ. — Юритомо былъ очень радъ и принялъ его радушно. Но хотя они были и братья, однако, послѣ того, какъ разбитъ былъ въ бою и погибъ ихъ отецъ, они разсыпались повсюду. Видѣть другъ друга имъ никогда не приходилось, и эта встрѣча была первой. Юритомо совсѣмъ не зналъ, что такое его братъ, силенъ ли онъ духомъ, слабъ ли, — ему было совершенно неизвѣстно. А онъ самъ былъ осторожный, мудрый военачальникъ и потому онъ рѣшилъ немного испытать брата. Онъ приказалъ слугѣ принести лоханъ, налитую кипяткомъ, и поставить ее передъ Юсицуне.

— Ну-ка, попробуй опустить руку въ кипяткъ! — сказалъ онъ, обращаясь къ нему. Но не испугался этого Юсицуне; не таковъ онъ былъ.

— Слушаю! — отвѣчалъ онъ и, засучивъ съ горделивымъ видомъ оба рукава, спокойно опустил руки въ кипяткъ и держалъ ихъ неподвижно въ кипящей и булькающей водѣ. Юритомо просто диву дался.

— Да, на тебя можно положиться. Страха ты не знаешь! Я назначаю тебя отнынѣ своимъ помощникомъ, главнымъ сподвижникомъ своимъ. Смотри же, только старайся изо всѣхъ силъ! — сказалъ онъ и, назначивъ Юсицуне главнымъ начальникомъ

всей своей рати, приказалъ ему начать дѣйствія противъ Хейцевъ. Иосицуне былъ очень доволенъ. Сейчасъ же началъ онъ готовиться къ походу и во главѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ воиновъ выступилъ на Кіото.

Тамъ въ это время укрѣпился было поднявшій успѣшно возстаніе противъ Хейцевъ полководцемъ Иосинака Асахи. Иосицуне сразу же разгромилъ его. Затѣмъ онъ обратился противъ самыхъ Хейцевъ и послѣ битвы при Ицунотами, изъ которой онъ вышелъ побѣдителемъ, окончательно разбилъ ихъ въ морскомъ сраженіи при Данноура. Таира были совершенно уничтожены, всѣ до послѣдняго. Такіе подвиги оказалъ Иосицуне. Съ этого времени славное имя Куро Иосицуне разнеслось по всей Японіи, всѣмъ стало оно извѣстно, и не было, да и теперь нѣтъ никого, кто бы не зналъ о немъ.¹⁴⁶⁾

Свадьба крысы.

Давно тому назадъ жили-были въ нѣкоторомъ мѣстѣ богатая крыса: супругъ и супруга. На радость и на утѣшеніе имъ была у нихъ единственная и прехорошенькая дочка, Оцую по имени.

Красива она была, что и говорить. Но ни одной только красотой благословила судьба ее. Она была и умна, и талантлива, и родители любили ее, безъ памяти, души просто не чаяли въ ней. Они берегли ее, какъ зѣницу ока: и вѣтеркомъ чтобы не продуло, и твердаго, грубаго чего, не скушала бы. Для обученія письму и чтенію они давали ей грызть корешки Исе моногатири, Кокинсю¹⁴⁷⁾, однимъ словомъ самыхъ выдающихся, самыхъ знаменитыхъ по стилю и содержанію произведеній. Учили ее и изящнымъ искусствамъ, и не мало перегрызла она струнъ у котои сямисеновъ¹⁴⁸⁾. Да это ли только? Не упущены были и чайная церемонія¹⁴⁹⁾ и искусство подбора цвѣтовъ. Утащивъ, что нужно для этого въ свое жилище, они обучали ее, какъ только можно лучше, всѣмъ этимъ церемоніямъ. Благодаря этому, изъ нея вышла такая благовоспитанная, такая образованная молодая особа, что среди ея подругъ не находилось ни одной, которая хоть чуточку могла бы равняться съ нею.

Но вотъ вошла Оцую въ возрастъ и стала невѣстой. Надо, значить, выдавать ее куда-нибудь замужъ. Супруги стали держать совѣтъ, и красива ихъ дочь, да и характеромъ хороша; и образована, да и благовоспитана она. Какъ отдать такую прелестную особу, да еще горячолубимую дочь, все утѣшеніе свое, замужъ куда ни попало!? Жаль даже и думать объ этомъ.

Какъ ни какъ, а надумали они непременно отдать ее за самое могущественное, что только ни на есть на всемъ свѣтѣ.

— Что же, однако? — говорили они. Самые могущественные на всемъ свѣтѣ нынѣ — это Солнце и Мѣсяцъ. Но Солнце больно ужъ ослѣпительно; не подойдешь къ нему даже близко. А вотъ Мѣсяцъ, какъ разъ въ пору. И блескъ у него мягокъ, да и нѣженъ онъ, какъ кажется. Такой женихъ какъ разъ годится намъ, — порѣшили они, и Цюбе, отецъ Оцю, не долго думая, покати́лъ прямо къ Мѣсяцу.

— А что, свѣтлѣйшій Мѣсяцъ! Ты вѣдь не женатъ еще. Не соизволишь ли взять въ жены Оцю, дочь нашу? — обратился онъ къ Мѣсяцу. Мѣсяцъ даже ахнулъ отъ изумленія.

— Ну, ну и сказалъ же ты шутку! Да вѣдь какъ ни обширенъ этотъ міръ, а нѣтъ никого въ немъ, кто могъ бы имѣть меня зятемъ своимъ. Ты съ такой любовью предлагаешь мнѣ въ жены горячолюбимую дочь свою... Я, конечно, благодаренъ, очень благодаренъ... Но извини ужъ! Впрочемъ вотъ что: у меня есть могущественный противникъ; это — Облако. Оно часто не позволяетъ мнѣ выходить, когда я хочу этого. Такъ вотъ... А меня ужъ извини, пожалуйста! — Узнавъ со словъ Мѣсяца, что Облако могущественнѣе, сильнѣе Мѣсяца, Цюбе отправился къ нему.

— Здравствуй, почтеннѣйшее Облако! Ты, говорятъ, могущественнѣе самого Мѣсяца. Такъ вотъ не желашь ли стать намъ зятемъ, женившись на нашей дочери, Оцю? Облако задумалось.

— Вѣрно! — отвѣчало оно. — Я бываю не малой помѣхой Мѣсяцу. Могущественно то я могущественно, что и говорить! Но опять же у меня есть противникъ, да и не изъ послѣднихъ — вѣтеръ это, и когда я задумаю выйти, онъ раздуваетъ и прогоняетъ меня... Такъ что прошу ужъ извинить меня за мой отказъ. — Цюбе нашелъ, что Облако отказалось отъ его предложенія совершенно правильно, и направился теперь къ Вѣтру. Онъ пошелъ къ самому богу вѣтровъ.

— Вотъ что, могучій Вѣтеръ! — сказалъ онъ. — Ты еще не женатъ; не соблаговолишь ли взять въ жены нашу Оцю?

— Очень благодаренъ тебѣ за твое любезное предложеніе. Только видишь-ли, почтеннѣйшій Цюбе... Извини меня, слѣлай милость! Никакъ нельзя! — отвѣчалъ богъ вѣтровъ, похлопывая по мѣшку, въ которомъ заключены были вѣтры.

— Какъ? И ты тоже? Да почему же?

— Почему? Ты самъ поймешь, если подумаешь. Изволишь-ли видѣть? Какъ только я задумаю дунуть, какъ слѣдуетъ съ шумомъ и гуломъ, такъ натыкаюсь на эту самую подлую Стѣну. Она для меня неодолимое препятствіе. Какъ ни бьюсь, ничего не выходитъ.

— Такъ, значить, Стѣна посильнѣе тебя, могущественнѣе?

— Да еще какъ! Мнѣ нечего и думать тягаться со Стѣною.

— Ну такъ я пойду сватать Стѣну! — сказалъ Цюбе и отправился къ ней.

— Послушай Стѣна! — сказалъ онъ. — Женись на нашей Оцю

— Нѣтъ! Отказываюсь. Прошу прощенія! — со степенной важностью, сдержанно отвѣчала Стѣна.

— Вотъ тебѣ и разъ! Ты-то почему же не хочешь?

— Само собою понятно, почему. Какъ бы тамъ успѣшно ни сопротивлялась я вѣтру, не давая ему хода, но я не могу устоять противъ вась, крысь. Вы сейчасъ же изгрызете меня и понадѣлаете во мнѣ дыръ.

— Да, ты права. Такъ оно и есть. Ну такъ я пойду домой теперь. Надо будетъ пообдумать, да предпринять что-нибудь другое, — сказалъ Цюбе и направился къ себѣ домой, послѣ всего своего безуспѣшнаго сватовства. А дома супруга давно уже съ нетерпѣніемъ поджидала его.

— Ну что? Какъ? Нашелъ жениха?— закидала она мужа вопросами. Цюбе поднялъ вверхъ свои усы.

— Радуйся, жена!— отвѣтилъ онъ. Самое могущественное во всемъ мірѣ и есть мы, крысы, никто другой.

— Ой, что ты! Самое могущественное мы, крысы? Да неужели во всемъ мірѣ-таки?

— Именно. Вотъ подумай-ка! Свѣтлѣйшій Мѣсяцъ пребываетъ на небѣ. Можно, пожалуй, подуматъ поэтому, что онъ могущественнѣ всѣхъ. Ахъ не тутъ-то было! Выйдетъ Облако, и Мѣсяцъ въ страхѣ прячется, забивается куда-нибудь подальше. Облако, въ свою очередь, бѣжитъ безъ оглядки передъ Вѣтромъ. Но и Вѣтеръ разбивается объ Стѣну. Ну, а Стѣна... Да развѣ наша братія не изгрызаетъ эту самую Стѣну? Вотъ и выходитъ, значить, что Облако могущественнѣ Мѣсяца, Вѣтеръ могущественнѣ Облака, Стѣна сильнѣ Вѣтра, ну а мы посильнѣе и самой Стѣны, и самое могущественное во всемъ, что ни на есть мірѣ, значить, именно мы, крысы. Поэтому вмѣсто того, что бы отдавать нашу дочь замужъ зря, куда-нибудь на сторону, куда лучше будетъ выдать ее за кого-нибудь изъ нашихъ же крысъ. Выслушавъ подробное объясненіе Цюбе, супруга его вполнѣ согласилась.

— Ну если такъ,— сказала она,— то, конечно, выдадимъ ее за кого-нибудь изъ нашихъ. Кто же, однако, будетъ самымъ подходящимъ для насъ?

— Да я и самъ думалъ уже объ этомъ по дорогѣ. Кто-жъ бы это въ самомъ дѣлѣ могъ быть?!. Ума не

приложу просто. Ага! Ну а какъ, по твоему, Цюмару, что жить въ на чердакѣ?

— Оно, конечно, господинъ Цюмару, пожалуй, быть бы ничего, только тамъ по сосѣдству живетъ кошка. Ну, а если случится грѣхъ какой? Не наплачешься вѣдь потомъ...

— Тогда Цюкуро, изъ помойной ямы. Какъ находишь его?

— Что-жъ? Господинъ Цюкуро хорошъ бы, да опять же неподалеку отъ него нора Хорька. Самъ знаешь, опасно вѣдь такое сосѣдство.

— Такъ! Ну вотъ тебѣ Цюненъ изъ старой буддѣйской кумирни?

— Да вѣдь онъ же изъ секты монто ¹⁵¹⁾. Они вѣдь тамъ отдѣляются цвѣтами при жертвоприношеніяхъ. Цвѣты у нихъ постоянно въ ходу, это правда; ну, а если насчетъ чего поусушественнѣе, такъ ужъ не взыщи, пожалуйста.

— Въ такомъ случаѣ Цюами, который живетъ у воротъ буддѣйскаго храма?

— Ну тамъ всѣ изъ секты дзидо ¹⁵²⁾. Боязно ужъ очень; у нихъ она живо переселится въ рай.

— Положимъ, это правда. Но, однако, если будемъ такъ разбирать, то ничего не выйдетъ, ничего не придумаешь тутъ.

— Куда ни кинь, вездѣ клинъ,— говоритъ пословица. Такъ вышло и съ супругами-крысами. Они не могли ничего

придумать и были въ большомъ затрудненіи. Вдругъ женѣ пришла въ голову мысль.

— А что я скажу тебѣ только! Толковали мы и о томъ, толковали и о другомъ. А вѣдь лучше выдать ее за нашего приказчика Цюске? Что скажешь на это? Цюске живетъ у насъ съ самаго дѣтства, и все время за нимъ не замѣчено ничего дурного. Къ намъ онъ очень привязанъ, преданъ всей душою, да къ тому же съ самого дѣтства онъ росъ вмѣстѣ съ Оцю. Знаютъ они другъ друга прекрасно и ужъ конечно поладятъ между собою, какъ нельзя лучше. — Цюбе только хлопнулъ себя по колѣнямъ.

— Такъ, такъ! — воскликнулъ онъ. — Цюске! Ну, конечно, Цюске! Вѣдь вотъ поди же ты! Я думалъ все о другихъ, а про Цюске совсѣмъ изъ ума вонъ. Ужъ преданъ онъ намъ дѣйствительно всей душою, про это и говорить нечего. А я какъ разъ думалъ въ награду ему выдѣлить его этимъ лѣтомъ. Пусть откроетъ свою собственную лавку. Это какъ разъ кстати! Отдадимъ за него. Конечно, за него! — Сейчас же позвали они Цюске и объявили ему свое рѣшеніе. Цюске былъ внѣ себя отъ радости и заскакалъ даже. Цю, цю! — раздавался его ликующій пискъ¹⁵³⁾. Цюбе тоже былъ очень доволенъ. Затѣмъ родители сообщили Оцю, на чемъ они порѣшили; она также осталась довольна, что такъ вышло. Тутъ же, не откладывая на долго, обсудили они и всѣ подробности свадебнаго торжества.

И такъ Цюбе рѣшилъ, наконецъ, выдать свое ненаглядное дѣтище, Оцю, за Цюске. Но все же оно казалось ему какъ будто не совсѣмъ удобнымъ выдавать дочь за своего приказчика, который живетъ у нихъ на хлѣбахъ; поэтому онъ немедленно помогъ ему устроить отдѣльное жилище и поселилъ его тамъ. Затѣмъ начались приготовления къ свадьбѣ Оцю. Наконецъ, выбранъ былъ счастливый день, въ который и состоялось торжество ввода невесты въ домъ жениха.

Жилище Цюске было напротивъ въ амбарѣ и отъ Цюбеева дома отстояло довольно далеко. Когда наступилъ день ввода невесты, Оцю уѣхалъ въ пышный паланкинъ и тронулся въ путь сопровождаемая спереди и сзади толпою провожатыхъ. Съ дверныхъ балокъ по стропиламъ, со стропилъ по оконнымъ карнизамъ,

съ карнизовъ по свѣсамъ крышъ въ стройномъ порядкѣ двигалась свадебная процессія. Всѣ живущіе по близости крысы толпами высыпали отовсюду, чтобы поглазѣть. Съ полокъ, изъ дыръ въ стѣнахъ, изъ-за перегородокъ, изъ щелей раздвижныхъ дверей, отовсюду глядѣли онѣ жадными глазами на шествіе. Говорятъ, что когда бываетъ свадьба лисицы, то пригрѣваетъ солнце и идетъ дождь. Но тутъ была свадьба крысы; погода стояла восхитительная, и свадебный поѣздъ былъ такъ пышенъ, двигался такъ величаво и степенно, что всѣ только ахали.

Прибыли къ жилищу Цюске. Невѣста вышла при помощи свата Цюдаю изъ паланкина и прослѣдовала

прямо въ парадную горницу. А здѣсь уже стояли въ порядкѣ посреди комнаты симадаи ¹⁵⁴) и чашечки. Оцю сѣла возлѣ нихъ, и сейчасъ же началось питье сочetalной чаши.

Такъ и стала Оцю молодухой, женой Цюске.

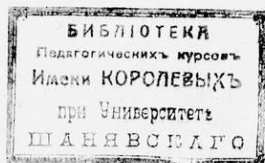
Мирно и любовно зажили себѣ молодые новобрачные, и ни разу не случилось у нихъ, чтобы они кинулись кусать другъ друга, оскаливъ свои острые зубы. Между ними царилъ полное согласіе. Дѣломъ своимъ они занимались усердно, отца и мать чтили, и царилъ въ домѣ у нихъ миръ, и успѣхъ сопровождалъ ихъ. Все, какъ есть все, шло у нихъ по хорошему. Цюбе нарадоваться не могъ, глядя на ихъ житіе.

— Вѣдь вотъ же! И чего только было мнѣ обращаться зря совсѣмъ и къ Мѣсяцу, и къ Облаку, и къ Вѣтру.

Самая подходящая партія, это свой своему, въ своемъ кругу: конь лошади, быкъ коровѣ, ну а крыса крысѣ, конечно. Нѣтъ лучше, какъ заключать браки такимъ образомъ. А все же оно вышло для насъ такъ, очевидно, благодаря содѣйствію бога Дайкоку, въ котораго мы такъ вѣруемъ. Надо помнить это и не забывать! — внушалъ онъ молодоженамъ.

Новобрачные благодарили бога и съ тѣхъ поръ не пропускали ни одного праздника его, чтобы не совершить поклоненія мѣстному Дайкокутену.

ПРИМѢЧАНІЯ.

- 1) Моно значить — персикъ, таро — приставка къ имени старшего сына.
- 2) Буни значить — пестрый.
- 3) Масира — название породы обезьянъ.
- 4) Кигису — золотистый фазанъ.
- 5) Микото — почетный титулъ, прибавляемый къ именамъ синтоистическихъ божествъ, приставка къ ихъ именамъ въ значеніи: божество, божественный, почитаемый. Хико-Хоходеми можетъ приблизительно значить — принцъ огненная любовь. Это имя трудно объяснимо.
- 6) Ямасаци-Хико имѣть значеніе — принцъ счастливая охота.
- 7) Хико-Хеносусори имѣть смыслъ — принцъ распространеніе огня.
- 8) Умисаци-Хико значить — счастливая рыбная ловля.
- 9) Окина — старикъ, почетная приставка къ именамъ извѣстныхъ чѣмъ нибудь престарѣлыхъ лицъ. Сюдзун-но-окина имѣть смыслъ — старецъ соленая земля (какъ, напр., дно моря).
- 10) Кассія (cercidiphyllum japonicum).
- 11) Таманои значить — нефритовый колодецъ. Нефритъ считается волшебнымъ, чудодѣйственнымъ, благовѣщимъ камнемъ.
- 12) Химе — почетная приставка къ именамъ знатныхъ дѣвушекъ. Тоіотамехиме значить — богатая принцесса.
- 13) Тамаіорн-химе имѣть значеніе — принцесса, опирающаяся на жемчугъ.
- 14) Саке — рисовая водка, выдѣлываемая въ Японіи.
- 15) Музыкальный инструментъ въ родѣ большой арфы.
- 16) Бонитъ — thynnus relamys;
- 17) Одна изъ провинцій на Сикоку; въ Тоса очень много бонитовъ.
- 18) Дзузубка колючая изъ породы Tetrodon; ея мясо очень вкусно, хотя въ нѣкоторые періоды года бываетъ ядовито.
- 19) Рыба изъ породы плоскоголовыхъ (platycephalus).
- 20) Пагръ или мрежникъ серебристый (Pagrus cardinalis).
- 21) Морской короткохвостый ракъ (Зоол.).
- 22) Курма, прсримжонъ (diospyros kaki)
- 23) Ученикъ Сакіа муні [Будды], извѣстный своей мудростью.
- 24) Моленія обѣ умершихъ совершаются въ теченіе 70 дней со дня смерти, черезъ каждые 7 дней.
- 25) По случаю смерти.

²⁶⁾ Въ торжественныхъ случаяхъ чаепитіе въ Японіи сопровождается особымъ сложнымъ ритуаломъ. Изученіе правъ чайной церемоніи входило въ программу воспитанія дѣвухъ дворянскихъ семей.

²⁷⁾ Классъ воиновъ, состоявшихъ на службѣ у сѣюгуна и дайміо.

²⁸⁾ Эти три сокровища, эмблемы божества: мечъ, чудотворный камень и металлическое зеркало. Зеркало, по мнѣнію нѣкоторыхъ японскихъ писателей, отождествляетъ само божество — богино солнца. Оно хранится въ ящикѣ, завернутомъ въ бархатную матерію, изъ которой никогда не вынимается, такъ что когда матерія истлѣетъ, оно обертывается новой поверхъ истлѣвшей.

²⁹⁾ Сиро значитъ—Бѣлка (бѣлая собака).

³⁰⁾ Для каждого умершаго дѣлается табличка, въ которую вписывается его посмертное, т. е. особое, данное послѣ смерти уже, имя, и даты рожденія и смерти. Особымъ религиознымъ обрядомъ душа умершаго приглашается переселиться въ табличку. Съ этого времени душа успокаивается, ибо дѣлается сопричастной Буддѣ, божествомъ. Передъ этой табличкой совершаются моленія, возжигаются курительныя палочки и дѣлаются жертвоприношенія изъ цвѣтовъ, плодовъ, печенья. Такая табличка называется икаи.

³¹⁾ Иосино и Цукигаса — мѣстности около Киото, знаменитыя своими пышноцвѣтущими садами и вишнями. Японцы очень любятъ цвѣты сливовыхъ и вишневыхъ деревьевъ, особенно вишневые; отъ вишни (сакура) и цвѣтаетъ только цвѣты; плоды ихъ несъѣдобны. Сливовый и вишневый цвѣты любимая тема японскихъ поэтовъ.

³²⁾ Дайміо значитъ—большое имя. Такъ называлось высшее, владѣтельное, феодальное дворянство древней Японіи. На службѣ у дайміо состояли самураи. Самураи значитъ—вообще служилый людъ, но главнымъ образомъ подъ этимъ разумѣется служилый классъ воиновъ. Въ 1871 году, т. е. послѣ реставраціи императорской власти въ Японіи, дайміо и самураи упразднены. Теперь они составляютъ высшее (квасоку) и среднее (сизоку) дворянство Японіи.

³³⁾ Ханасака значитъ—распусканіе, цвѣтеніе цвѣтовъ.

³⁴⁾ Тенно—титулъ японскаго императора и значитъ—небесный царь. Нингѣ употребляемый синонимъ этого титула тенси значитъ—сынъ неба. Оба титула имѣютъ цѣлью указать на божественное происхожденіе, такъ называемыхъ земныхъ, царей, съ которыхъ и начинается историческій періодъ Японіи, все начало котораго окутано туманомъ поэтической легенды. Періодъ земныхъ царей начинается въ Японіи съ императора Дзимму тенно (660 годъ до Р. Х.), съ котораго идетъ одна непрерывная династія вплоть до нашихъ дней. Дзимму считается прямымъ потомкомъ земныхъ боговъ, которые и были царями Японіи до него, а земные боги ведутъ свое начало отъ небесныхъ боговъ, совладѣтелей Японіи. Упомянутый адъсь императоръ Ицидзю царствовалъ съ 987 по 1011 годъ послѣ Р. Х.

³⁵⁾ Иероглифы, обозначающіе имя Райко, могутъ читаться также Іоро-мицу. Японскіе иероглифы вообще могутъ имѣть по нѣсколько чтеній. Минамото или Генъ, историческая фамілія, долго боровшаяся съ другимъ аристократическимъ родомъ Таира или Хей за первенство въ Японіи.

²⁶⁾ Четыре хранителя неба (будд.)—это четыре бога: Дзикоку—хранитель востока, Дзюцзи—юга, Колику—запада и Тамонъ—сѣвера. Они защищаютъ небо и вообще міръ отъ нападеній дьяволовъ. Четырьмя хранителями называются также метонимически четыре главныхъ военачальника владѣтельнаго феодала.

²⁷⁾ Самураями первоначально назывались солдаты во дворцѣ императора (самурау значитъ—служить, быть на стражѣ). Затѣмъ этимъ именемъ стали обозначаться вообще военные классъ, дворянство. Самураи — это рыцари Японіи, со всѣми рыцарскими качествами, созданными на почвѣ конфуціанства. Самураи состояли на службѣ у дайміо, владѣтельныхъ феодаловъ, пользовавшихся въ тѣ времена почти полной независимостью и подчинявшихся императору только номинально. Они состояли къ дайміо въ вассальныхъ отношеніяхъ, жили у нихъ во дворцахъ, получали содержаніе натурою. Въ 1871 году самураи упразднены. Теперь они составляютъ дворянское сословіе подъ именемъ сизоку, т. е. благородные.

²⁸⁾ Оеяма значитъ—гора большой рѣки.

²⁹⁾ Сютенъ Додзи значитъ—глотающій вино юноша.

³⁰⁾ Древняя придворная должностъ. Такихъ совѣтниковъ было три: дайнагонъ (старшій), цюнагонъ (средній) и сѣнагонъ (младшій). Здѣсь цюнагонъ.

³¹⁾ Синтоизмъ—національная японская религія. По японски она называется синто, что значитъ путь боговъ. Этой японской міеологіи, какъ и всякой, не чужды, конечно, космогоническіе элементы. Общее названіе боговъ этой религіи — ками.

³²⁾ Буддизмъ заимствованъ японцами отъ Китая въ половинѣ 6 столѣтія, существовалъ и существуетъ на ряду съ синтоизмомъ. Общее названіе буддическихъ божествъ въ Японіи—хотокэ.

³³⁾ Хасиманъ — богъ войны. Это былъ микадо Оджинъ, завоевавшій по легендѣ Корею, еще когда находился въ чревѣ матери. Затѣмъ онъ сдѣлался синтоистическимъ богомъ и, наконецъ, былъ причисленъ къ буддическому пантеону.

³⁴⁾ Въ провинціи Сетцу. Здѣсь знаменитый синтоистическій храмъ.

³⁵⁾ Въ области Кин этой провинціи храмъ. Божества этого храма называются Гонгенъ, что значитъ воплощенія Будды въ синтоистическихъ божествахъ. Этотъ терминъ введенъ послѣ 8 столѣтія, когда сдѣлана была попытка согласить синтоистическія вѣрованія съ буддизмомъ.

³⁶⁾ Симбенкидоку значитъ—божья помощь, ядъ демонамъ; съ значеніемъ—вино.

³⁷⁾ По японски эта пословица читается: они ни канабо.

³⁸⁾ Родъ пальмы (Trachycarpus excelsus).

³⁹⁾ Древняя провинція Дева на с-в. Хондо; въ 1868 году она раздѣлена на Удзень и Уго.

⁴⁰⁾ Послѣ мытья у японцевъ принято прополаскивать одежду въ слегка подкисленной водѣ, чтобы она меньше маялась въ носкѣ.

⁴¹⁾ Этотъ жюмъ называется Мимуме кодзо, что значитъ трехглазый мальчикъ, такъ какъ онъ является обыкновенно въ видѣ мальчика съ тремя глазами.

В. М. Мидричъ.—Сквозняки древней Японіи.

⁵²⁾ Древній аристократическій родъ, пользовавшійся могуществомъ и участвовавшій въ управленіи Японіи въ періодъ 660 — 1050 годовъ. Эта фамилія дала много выдающихся дѣятелей, ученыхъ, художниковъ, поэтовъ.

⁵³⁾ Длинный мостъ Сета, черезъ наиболее узкую часть озера Бива въ провинціи Оми. Длина его около 800 футовъ.

⁵⁴⁾ Сколопендра (класса многоножекъ).

⁵⁵⁾ Названіе горы, Микаміяма (трехъ вершинъ гора) или Мукадеема (гора стога); конусообразная, поросшая густымъ лѣсомъ, гора, недалеко отъ ст. Нотогава по дорогѣ изъ Кіото въ Токіо.

⁵⁶⁾ Драконъ (Рюдзинъ), богъ морей, вообще водной стихіи; символизируетъ также верховную власть. Дворецъ Дракона (Рюгу), мифическій дворецъ на днѣ океана; въ немъ, собственно, живетъ богиня моря Отохимае, „Дщерь бога морей“.

⁵⁷⁾ Храмъ предковъ сіюгуновъ въ Никко.—Никко—посадъ въ Симоцукѣ, знаменитъ великолѣпиемъ своихъ храмовъ и красотою пейзажа.

⁵⁸⁾ По японски эта рыба называется генгорубуна; буна (фуна) значитъ сазанъ; Генгоро—собственное имя. Такое названіе сазанъ получилъ въ память оикусомъ почтительномъ, любящемъ сынъ Генгоро, который отказался отъ всѣхъ удовольствій жизни и только ловилъ въ озерѣ Бива сазановъ для своей матери, очень любившей ихъ. Примѣръ сыновняго долга по отношенію къ родителямъ. Такихъ преданій въ Японіи много.

⁵⁹⁾ Такъ называется по дренному время исчисленію періодъ отъ 1 до 3 часовъ ночи.

⁶⁰⁾ Заклинаніе, произносимое при грозѣ. Кувабара значитъ—тутовое поле. По повѣрью японцевъ, поля, обсаженные тутовыми деревьями, не поражаются молніей.

⁶¹⁾ Красная краска, добываемая изъ одного сорта шафрана. Изъ нея приготовляются румяна для женщинъ.

⁶²⁾ Ками—общее названіе синтоистическихъ боговъ, хотоке—буддистскихъ.

⁶³⁾ Штукъ состоитъ изъ двухъ отрывовъ на платье; каждый отрывъ 28 сяку (футовъ).

⁶⁴⁾ Тавара—мѣшокъ, сплетенный изъ грубой соломы [для риса, угля], цибики. Въ слово Тода входитъ тотъ-же іероглифъ, что и въ слово Фузидзавара. Онъ читается то или фузидз, и обозначаетъ растеніе, глицину [Vistaria chinensis]. Цвѣты фузидзъ пользуются въ Японіи большою любовью. Фузидзавара значитъ—поле фузидз, а тогда—обиліе фузидз.

⁶⁵⁾ Въ Миідера (пров. Оми) храмъ богини милосердія Каннонъ (будд.).

⁶⁶⁾ Герой 12 вѣка, извѣстный своей силой. По преданію Бенкеи перетащилъ этотъ колоколъ на гору Хісидзанъ, расположенную около Кіото къ сѣв. вост. отъ него и извѣстную тѣмъ, что когда-то она была вся сплошь устлана буддистскими монастырями. Но колоколъ затосковалъ по Миідера и самъ сталъ жалобно вызванивать, просясь туда. Тогда Бенкеи пнулъ его ногою, и большой колоколъ покотился въ Миідера, гдѣ онъ и нынѣ. Трещина, которую

можно видѣть на колоколѣ, образовалась, по преданію, именно отъ удара ногою Бенкеи. Бенкеи былъ сподвижникомъ Іосицуне.

⁶⁷⁾ Изъ фамиліи Хей или Тайра, боронившейся съ родомъ Минамото. Іосицуне изъ рода Минамото въ битвѣ при Данноура (1185 г.) разбилъ Хейцевъ, результатомъ чего было установленіе господства Минамото. Масакадо, убитый въ 940 г., былъ единственнымъ изъ японскихъ узурпаторовъ, который присвоилъ себѣ титулъ микадо. Послѣ битвы при Данноура родъ Тайра былъ почти истребленъ. Тайра (Хей) и Минамото (Генъ) боролись за фактическую власть въ странѣ (сіюгунатъ); номинальная власть неизмѣнно оставалась въ рукахъ микадо. Но микадо былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ своихъ сіюгуновъ, которыхъ онъ самъ же утверждалъ подъ ихъ давленіемъ, конечно. Однако, пользуясь полной властью въ странѣ, сіюгунъ никогда не посигали на титулъ микадо. Сіюгунъ значитъ—главнокомандующій.

⁶⁸⁾ Тануки—енотовая собака (canis procynoides). Это животное бываетъ длиною (не считая хвоста) 75 сант., хвостъ длиною 10 сант.; преобладающіе цвѣта окраски сѣрожелтый и черный. Ведетъ преимущественно ночной образъ жизни, вовсе не пугливо; енотовая собака животное всеядное; пожираетъ тоже и плоды; въ Японіи его весьма цѣнятъ, не только ради мѣха, но и ради мяса. По повѣрью японцевъ, животное это обладаетъ силою чаръ; можетъ принимать человѣчeskій видъ; людямъ часто строитъ козни.

⁶⁹⁾ Въ Японіи жена не обѣдаетъ вмѣстѣ съ мужемъ; она только прислуживаетъ ему за столомъ. Въ интеллигентныхъ классахъ теперь это понемногу выводится.

⁷⁰⁾ Богъ огня (Буддистскаго пантеона). Онъ обладаетъ силой отгонять злыхъ духовъ. Къ нему обращаются при болѣзняхъ глазъ. Его изображеніе (рисованное) вѣшается въ домахъ въ предохраненіе отъ пожара. Его храмъ въ Нарутѣ замѣчательнъ своими скульптурными украшениями.

⁷¹⁾ Кобу-тори—значитъ снятіе нароста.

⁷²⁾ Моногуса [форма отъ моногусан] дословно значитъ—непріятно пахнеть лѣломъ. Эту именно фразу произносили всегда Моногуса Таро, отпѣкиваясь отъ всякаго труда.

⁷³⁾ Древній воинскій чинъ.

⁷⁴⁾ Общее названіе слѣпцовъ: нищихъ, бродячихъ музыкантовъ, массажистовъ.

⁷⁵⁾ Го—мѣра сыпучихъ и жидкихъ тѣлъ, равная приблизительно стакану.

⁷⁶⁾ Старшій изъ трехъ совѣтниковъ микадо.

⁷⁷⁾ Японскія ножицы закрѣплены на шпилькѣ слабо и легко свертываются на бокъ, такъ что лѣвая захватываетъ одно за другое и не рѣжутъ.

⁷⁸⁾ Музыкальный инструментъ вроде арфы, но только иной формы.

⁷⁹⁾ Такія коротенькія стихотворенія, танка или вака, составляютъ излюбленный и, строго говоря, почти единственный видъ японской поэзіи. Танка всегда состоитъ изъ 31 слога, располагаемые въ 5 строфахъ. Въ 1-й и 3-й по пяти слоговъ, во 2-й, 4-й и 5-й по семи. Соблюдается нѣкоторый ритмъ, но рифмы нѣтъ. Приведенная здѣсь танка по японски будетъ:

Кио юри ва
Вага нагусами ни
Наника сен
Котовари нареба
Моно мо иваредзю.

Слово котовари имѣть двойкій смыслъ. Это можетъ быть или форма глагола котовару — извиняться, и тогда котовари нареба значить — такъ какъ я извиняюсь; или же это можетъ быть цѣлая фраза кото (во) вару — раздѣлѣть, разломать кото. Въ такомъ случаѣ котовари нареба значить — такъ какъ я переломилъ кото. Такія двусмысленности игры словъ очень нравятся японцамъ.

⁸⁰⁾ Онъ называется угуису; какъ по внѣшнему виду, такъ и по пѣнію онъ мало похожъ на нашего соловья.

⁸¹⁾ Хотя сложеніе танка по своей незамысловатости доступно каждому мало-мальски грамотному японцу, но оно составляло по преимуществу, особенно въ древности, привилегію интеллигентнаго класса, и такимъ типомъ была тогда знать.

⁸²⁾ 834 — 850 гг. послѣ Р. Х.

⁸³⁾ Названіе буддійскаго храма въ Синано.

⁸⁴⁾ Японскій чайникъ представляетъ собою котелъ съ крышкой. Въ немъ кипятятъ воду для чая.

⁸⁵⁾ 0,001 часть одного ена; ень равенъ приблизительно рублю.

⁸⁶⁾ См. прим. 68.

⁸⁷⁾ Здѣсь разумѣется наличіе великодушія и прочихъ качествъ, свойственные, по японскимъ понятіямъ, именно мужчине, въ противоположность женщинѣ.

⁸⁸⁾ Музыкальный инструментъ въродъ гитары съ тремя струнами.

⁸⁹⁾ Амаерасу-о-оми-ками, богиня солнца, прародительница японскихъ микадо, главнѣйшее изъ японскихъ синтоистическихъ божествъ, произошла изъ лѣваго глаза бога Идзанаги, создателя Японіи, и получила отъ него во владѣніе равнину небесъ. Иначе она называется еще Тенсіо дайдзин, что значить — великое божество небеснаго сіянія. Оба названія имѣютъ одно и то-же значеніе. Это только два разныхъ чтенія однихъ и тѣхъ же іероглифовъ: японское и китайское. Храмъ Амаерасу находится въ провинціи Исе и называется Дайдзингу, что значить дословно — храмъ великаго божества. Въ честь богини при храмѣ исполнялись священные мимическіе танцы. По имени храма и сама богиня называется иногда также Дайдзингу.

⁹⁰⁾ Сусаноо или Хая сусаноо значить — быстропорывистый мужъ. Онъ произошедъ изъ носа того же Идзанаги, который пожаловалъ ему во владѣніе море.

⁹¹⁾ Мимическіе танцы, которые производились подъ звуки флейты и барабана въ дни синтоистическихъ праздниковъ. Эти танцы очень древняго происхожденія и являются родоначальникомъ японскихъ лирическихъ драмъ, такъ называемыхъ «но», большинство которыхъ и имѣетъ соприкосновеніе съ синтоизмомъ. Эти драмы состояли изъ музыки, танцевъ, и словесныхъ діалоговъ;

онѣ исполнялись при храмахъ и имѣли цѣлью умилованіе главнѣйшихъ божествъ синтоистической религіи. Въ Исе, главномъ мѣстѣ поклоненія Амаерасу, богинѣ солнца было три театра для «но»; были они и въ другихъ мѣстахъ.

⁹²⁾ Ама но Узуме значить — страшная женщина небесъ.

⁹³⁾ Талдикарао значить — обладающій силой въ рукахъ мужъ.

⁹⁴⁾ Выѣсто вилочка и ножей японцы употребляютъ палочки; ими они захватываютъ твердую пищу, приготовляемую обыкновенно маленькими кусочками, которые не надо разрѣзывать.

⁹⁵⁾ Асинадзуги значить — поглаживающій (въ видѣ ласки) ноги (своей дочери) стирискъ.

⁹⁶⁾ Тенадзуги значить — поглаживающая (въ видѣ ласки) руки (своей дочери) старуха.

⁹⁷⁾ Инада химе значить — дѣва рисовыхъ полей. Собственно ся полное имя Кузинада химе, т. е., дивная дѣва рисовыхъ полей. Куси значить — гребень, и въ этомъ названіи заключается намекъ на превращеніе дѣвы въ гребень, въ который превратилъ ее богъ Сусаноо, чтобы спасти отъ змѣи. Въ такомъ вариантѣ повѣствуютъ объ этомъ коззики, древнѣйшіе японскіе [712 г. по Р. Х.] дошедшіе до насъ анналы. Превративъ дѣвушку въ гребень Сусаоо воткнулъ его себѣ въ волосы, а самъ вступилъ въ бой со змѣей, опойвъ его предварительно дольняна саке.

⁹⁸⁾ Полное названіе его: Ама-но-Муракумо но-Цуруги, что значить — мечъ собирающихъ небесныхъ облаковъ: — надъ змѣей часто замѣчались облака. Этотъ мечъ пожалованъ былъ богиней Амаерасу ея потомкамъ, которымъ вручила она власть надъ Японіей. Вся непрерывно идущая до нашихъ дней династія японскихъ императоровъ ведетъ свой родъ отъ Амаерасу.

⁹⁹⁾ Эти три сокровища: зеркало, мечъ и благовѣщій камень. Такія эмблемы божества хранятся въ каждомъ синтоистическомъ храмѣ. (См. примѣч. 28).

¹⁰⁰⁾ Яматотакэ-но-Микото, сынъ микадо Кейко (потомокъ Амаерасу), великій герой легендарнаго періода [97 — 113 по Р. Х.]. Завоевалъ провинцію Идзумо и покорилъ восточную Японію, которой владѣли тогда айны.

¹⁰¹⁾ Идзумо-но-о-ясио значить — большой синтоистическій храмъ Идзумо (провинція). Это очень древній храмъ въ Кидзуги, небольшомъ городкѣ пров. Идзумо. Верховный жрецъ этого храма считается прямымъ потомкомъ Сусаноо и носитъ титулъ икигами, что значить — живой богъ. Богослуженіе обставлено особой торжественностью.

¹⁰²⁾ Окунинуси одинъ изъ потомковъ (въ 6 колѣнѣ) Сусаноо. Онъ родился отъ наложницы, его 80 братьевъ, извѣстныхъ подъ именемъ Ясоками (что значить — 80 боговъ) отъ законной жены. Сусаноо, обосновавшійся въ провинціи Идзумо, передалъ верховную власть надъ Японіей своимъ потомкамъ изъ которыхъ Окунинуси отрекся отъ этой власти въ пользу потомка Амаерасу. Снизшедшій съ неба «божественный отпрыскъ», которому вручила Амаерасу власть надъ Японіей, является, такимъ образомъ, божественнымъ родоначальникомъ на землѣ нынѣ царствующей династіи японскихъ микадо. Первый человѣческій императоръ этой династіи, извѣстный подъ своимъ

посмертнымъ именемъ: Дзимму Тенно вступилъ на престолъ въ 660 г. до Р. Х. Этимъ годомъ открывается историческая эра Японіи. Но даты этой эры, конечно, очень гадательны.

¹⁰²⁾ Большой синтоистическій храмъ, въ которомъ поклоняются Сусаноо и его потомку Окунинуси (онъ же Санно), первый божественный владетель Идзумо. Въ этотъ храмъ ежегодно стекаются до 250.000 богомольцевъ. Верховный жрецъ этого храма считается потомкомъ Сусаноо и называется ики-гами (живой богъ).

¹⁰³⁾ Южная ворота въ Киото (въ древности). Весь городъ дѣлился на кварталы.

¹⁰⁴⁾ Рюо (драконъ — царь), Рюдзинъ (драконъ — богъ) два синонимическихъ названія бога морей.

¹⁰⁵⁾ Обезьяний островъ.

¹⁰⁶⁾ Емонъ — нарещіе для образованія собственныхъ именъ; здѣсь оно нарешено къ названію рыбы — тай.

¹⁰⁷⁾ Адацигахара значитъ — пустырь, степь Адаци. Осю — древнее названіе пров. Муцу.

¹⁰⁸⁾ Буддйская молитва: Тебя призываю вѣчносущій Будда! — Наму — это исковерканное санскритское слово намоку, служащее для призыва Будды: тебя призываю, тебѣ молюсь, тебя исповѣдаю. Амида буцу значитъ — Будда-Ами-таба. Принявшіе буддизмъ изъ Индіи китайцы, транскрибируя санскритское слово Амитаба, передѣляли его въ Амито-фо (Амито Будда), а японцы, позаимствовавшіе изъ Китая буддизмъ, еще разъ исковеркали его въ транскрипціи, откуда и получилось Амида вмѣсто Амитаба; буцу значитъ — Будда. Амитаба значитъ — безграничный свѣтъ или слава; онъ называется также Амитаясю, т. е. вѣчно сущій. Это одно изъ главнѣйшихъ божествъ буддйскаго пантеона. Онъ считается отцомъ Каннонъ, т. е., существа, слышащаго и видящаго плачъ, богини милосердія. Мѣстомъ нахожденія Амитабы считается рай и, чтобы попасть туда, нужно вѣрить въ Амидабу и молиться ему, при чемъ вся молитва заключается въ призваніи его имени, что и выражается краткимъ молитвословіемъ: Наму амида буцу. Такое призваніе имени Амитаба предписывается сутрами, т. е. буддйскими поученіями.

¹⁰⁹⁾ Въ деревенскихъ японскихъ домахъ очагъ устраивается посреди помѣщенія. Въ полу оставляется углубленіе, въ которое и кладутъ топливо. Это не болѣе, какъ первобытный костеръ, устроенный внутри жилища.

¹¹⁰⁾ Рюгу — мионическій дворецъ, находящійся на днѣ моря, въ которомъ обитаетъ богиня Отохиме, дочь бога морей, дракона.

¹¹¹⁾ Gobius brunneus. Изъ породы морскихъ рыбъ.

¹¹²⁾ Рыбы: тай — *pagrus cardinalis* (мрежникъ — серебристый); кираме — изъ породы камбалъ; карен — также одна изъ разновидностей камбалы.

¹¹³⁾ Тамако значитъ — яшечикъ, шкатулка. Тама — нефритъ, драгоценный камень. Тебатебако — нефритовая шкатулка, драгоценнаго камня шкатулка.

¹¹⁴⁾ Суміюси, то же, что Мидзуно, мѣстечко въ провинціи Сетцу. Тамъ храмъ синтоистическихъ божествъ, дѣтей Идзанаги, бога творца Японіи. Тоскуя по умершей женѣ своей, богинѣ Идзанами, Идзанаги отправился за

ней въ Иоми, страну, гдѣ пребываютъ души умершихъ, въ адъ. Жену выручить ему не удалось, и онъ принужденъ былъ бѣжать изъ Иоми. По возвращеніи на землю, Идзанаги, чтобы очиститься отъ скверны ада, долженъ былъ нѣсколько разъ выкупаться. Онъ искупался прежде всего въ верхнемъ теченіи рѣки Одогава (на Кюсю), и тутъ изъ одежды его произошло божество Камицуцуо; онъ искупался въ среднемъ теченіи, и тутъ произошло божество Накацуцуо; наконецъ, онъ искупался въ нижнемъ теченіи рѣки — здѣсь произошло божество Симоцуцуо. Ками, нака и симо значатъ — верхнее, среднее, нижнее теченіе рѣки. Эти три божества и суть божества Суміюси.

¹¹⁵⁾ Въ Японіи устраиваютъ миниатюрные, игрушечные по размѣрамъ садики. Они называются хакоиниэ, т. е. ящикъ-садъ. Въ такихъ садикахъ устроено все по образцу настоящихъ садовъ. Растутъ миниатюрная деревья, устроены миниатюрные пруды, гроты, мосты, а людей изображаютъ маленькія фигурки, размѣшенныя то тамъ, то сямъ.

¹¹⁶⁾ Иссумбоси значитъ — мальчикъ въ лѣтнемъ (величинномъ). Это соответствуетъ нашему — мальчикъ съ пальчикомъ.

¹¹⁷⁾ Деревянная дощечка на высокихъ подставкахъ, употребляемая въ Японіи для хожденія, какъ обувь. Деревянные сандалии.

¹¹⁸⁾ Каннонъ — богиня милосердія. Киомидзу названіе мѣстности въ Киото.

¹¹⁹⁾ Колотушка бога богатства Дайкокутенъ; богъ держитъ ее въ рукѣ, и каждый ударъ ея даетъ золотую монету, дасть, вообще, что-нибудь пріятное, драгоценное.

¹²⁰⁾ Кинтаро значитъ — золотой старшій сынъ. Ямауба дословно значитъ — горная баба, горная женщина. Это — страшная, чудовищная женщина, одиноко живущая, по повѣрью, въ горныхъ дѣбрихъ и поѣдающая людей. Послѣднее, впрочемъ, свойство не всегда приписывается Ямауба. Подъ этимъ терминомъ разумеется, главнымъ образомъ, непохожая на обыкновенныхъ людей женщина, живущая уединенно гдѣ-то въ глубинѣ горъ.

¹²¹⁾ Борьба (сумо) и понинъ еще составляетъ одно изъ любимыхъ развлеченій японцевъ. Борются специально занимающіеся этимъ дѣломъ борцы-атлеты. Борьба совершается по особому строго соблюдаемому ритуалу. Борцы обыкновенно большого роста, съ хорошо развитой мускулатурой, и почти всѣ тучны.

¹²²⁾ Особый, такъ называемый, военный, вѣтеръ, въ металлической оправѣ. Имъ пользовались въ древности при подачѣ командъ. При борьбѣ вѣтеръ опускается передъ началомъ схватки между борцами, какъ бы раздѣляя ихъ. Принятіе вѣтра служитъ сигналомъ начала схватки. По окончаніи схватки вѣтеръ поднимается надъ побѣдителемъ, чтобы указать публикѣ, кто именно побѣдилъ.

¹²³⁾ Въ имена Кинтоки и Кинтаро входитъ первой составной частью одно и то же слово: кинъ, что значитъ — золото. Минамото Райко или Йориминцу (Йориминцу другое, чисто японское чтеніе іероглифовъ, которыми пишется слово Райко), одинъ изъ популярныхъ героевъ Японіи. Онъ принадлежалъ къ вліятельнѣйшей въ древности аристократической фамиліи Минамото,

основаншей впоследствии сиюгунать въ Японіи. Райко отличался отвагой и безстрашиемъ; онъ былъ необходимымъ стражкомъ изъ лука. Жилъ и служилъ при микадо Индзю (987 — 1011 г. по Р. Х.), былъ назначенъ государственнымъ канцлеромъ (куродо) и помощникомъ штабмейстера (самано ками). Въ числѣ его подвиговъ, кромѣ усмиренья дикихъ обитателей провинціи Идзумо (айны), считается еще, что онъ уничтожилъ чудовище-мальчика Кидомару и разгромилъ свирѣпыхъ разбойниковъ, гнѣздившихся на Оеяма и часто дѣлавшихъ набѣги на Токио. Умеръ онъ въ 1021 г. по Р. Х. Саката Кинтоки, о которомъ здѣсь повѣствуется былъ одинъ изъ его ситенно. Ситенно — буддйское выраженіе, означающее четырехъ божествъ, охраняющихъ небо, по одному съ каждой стороны, отъ вторженія демоновъ. Но этимъ же терминомъ обозначаются четыре главные генерала какого-нибудь полководца, а также четыре величайшихъ мастера въ области какой нибудь отрасли искусства. Борьба съ первобытными обитателями японскихъ острововъ шла у японцевъ непрерывно, въ теченіе первыхъ вѣковъ ихъ исторіи. Этими обитателями были нынѣшніе почти уже исчезающіе айны, занимавшие тогда главнымъ образомъ самый большой изъ японскихъ острововъ, гдѣ и расположена провинція Идзумо. Японцы называли ихъ варварами, земными пауками и т. п. презрительными именами. Айны сопротивлялись и въ свою очередь совершали опустошительные набѣги на японскія владѣнія. На попрѣхъ этой борьбы прославились многіе изъ японскихъ полководцевъ, ставшіе народными героями, и сложилось много легендъ, повѣствующихъ о равныхъ эпизодахъ этой борьбы.

¹²⁵⁾ Нара, провинціи Ямато, была столицей Японіи съ 710 по 794 годъ по Р. Х. Въ 794 г. столица была перенесена въ Нагаока, провинціи Ямасиро, и черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого перешла въ Киото, гдѣ была до 1869 года, въ которомъ перешла въ нынѣшній Токио (Едо). Въ Нара была первая постоянная столица. До этого столица Японіи не имѣла опредѣленнаго мѣста. Она считалась тамъ, гдѣ былъ дворецъ микадо, а каждый новый микадо строилъ себѣ новый дворецъ на новомъ мѣстѣ. Такъ что съ каждымъ микадо и столица мѣняла свое мѣсто.

¹²⁶⁾ Древній чинъ. Главнѣйшіе государственные чины того времени, соотвѣствующіе приблизительно теперешнимъ министрамъ были: дайдзюдайзинъ — премьеръ-министръ, глава государственнаго совѣта, и его ближайшіе помощники: садайзинъ, или сокращенно сафу — лѣвый министръ (старшій), найдайзинъ, или найфу — средній и удайзинъ или уфу — правый министръ (младшій).

¹²⁷⁾ Каннонъ, или Кандзеонъ, богиня милосердія, состраданія; она имѣетъ въ Японіи еще и другія названія, собственно эпитеты. И существуетъ особое выраженіе — Року-Каннонъ, т. е. шесть эпитетовъ Каннонъ, именно: Сендзю-Каннонъ — тысячерукая; Сіо-Каннонъ — милосердая; Дэюицменъ-Каннонъ — одиннадцатилкая; Бато-Каннонъ — покровительница лошадей (съ тремя лицами и восемью руками, надъ среднимъ лицомъ ея — голова лошади); Дэюнтеи-Каннонъ — исполнительница просьбъ и Нюиринъ-Каннонъ со всемогущимъ, чудодѣйственнымъ камнемъ (она

съ шестью руками и въ одной держитъ нѣоходзю — драгоцѣнный чудодѣйственный камень). Въ Хасе (мѣстность въ Камакура) находится одинъ изъ храмовъ ея. Тамъ большая треххвостая статуя одиннадцатилкой Каннонъ. Храмъ построенъ въ 737 году по Р. Х.; статуя сдѣлана нѣсколькими годами раньше, при микадо Генсіо (715—723). Всѣ послѣдующіе микадо и сиюгуны относились съ благоговѣніемъ къ этой Дэюицменъ-Каннонъ. Храмъ ея перестраивался нѣсколько разъ. Въ Японіи Каннонъ почитается вообще большимъ почетомъ и насчитывается 33 храма, гдѣ ей поклоняются. Каннонъ одно изъ главнѣйшихъ божествъ буддйскаго пантеона. Индйское имя Яной богини Авалокитесвара, т. е. божество, глядящее внизъ; это — отраженіе Будды, соучастующаго людскому горю и страданію. Есть предположеніе, что культъ Каннонъ возникъ на Цейлонѣ, откуда проникъ въ Индію и Китай, а изъ Китая позаимствованъ японцами вмѣстѣ со всѣмъ буддизмомъ. Воплощающая въ себѣ идею милосердія, Каннонъ не только облегчаетъ страданія людей въ безчисленныхъ мірахъ, гдѣ они живутъ, но ея милосердый характеръ побуждаетъ ее спускаться даже въ адъ, чтобы облегчить участь погибшихъ и страдающихъ грѣшниковъ. Въ этомъ божествѣ наиболее рельефно сказались доктрина милосердія, такъ присущая всему буддизму. Отцомъ Каннонъ считается Будда-Амитаба, что значитъ безграничный свѣтъ.

¹²⁸⁾ Химе значитъ собственно — принцесса. Это приставка къ имени знатныхъ дѣвушекъ.

¹²⁹⁾ Цюдзю — средній изъ высшихъ военнхъ чиновъ. Въ современномъ языкѣ цюдзю значитъ — генералъ-лейтенантъ. Въ древности чины давались и женщинамъ (при дворѣ). Но такіе чины не были сопряжены ни съ какою властью на практикѣ. Это было только почетное званіе.

¹³⁰⁾ Кото — струнный инструментъ, — длинный лирикъ съ натянутыми по длинѣ его струнами; сіо, или сіо-но-футе, духовой инструментъ, состоящій изъ нѣсколькихъ флейтъ связанныхъ вмѣстѣ; воздухъ вдувается черезъ боковое общее для всѣхъ ихъ отверстіе.

¹³¹⁾ Ками — общее названіе синтоистическихъ, а хотоке — буддйскихъ божествъ.

¹³²⁾ Мандара, или мадара, это — картина, изображающая буддйскій рай, буддйское небо съ его множествомъ домовъ. Въ Хаседера, храмѣ Каннонъ въ Хасе, гдѣ находится большая вызолоченная статуя ея находится также и громадная мандара 30 ф. длиною и 18 шириною. Эта мандара вышита по преданію Цюдзю-химе, буддйской монахиней знатнаго происхожденія, удалившейся въ этотъ храмъ отъ преслѣдованій злой мачихи. По преданію она была воплощеніемъ богини Каннонъ и сами боги помогали ей въ работѣ вышиванія мандары. Цюдзю химе является величайшей художницей въ вышиваніи и родоначальницей въ этой области искусства.

¹³³⁾ Моци — лепешки приготовленныя изъ свареннаго на пару и переточеннаго затѣмъ въ ступкѣ, риса.

¹³⁴⁾ По японской мифологіи у Сусаноо, брата богини Амагерасу, отъ которой ведетъ свой родъ династія микадо, былъ въ 6-мъ колѣнѣ потомокъ Окуинунуси, онъ же Онамудзи, онъ же Санно (съ еще и другія имена).

Сусаноо передать Окунинуси власть надъ Японіей, собственно надъ провинціей Идзумо. Но въ это время Амацусу послала съ небесъ вѣстителей: Японіи своего внука Амацу-Хикохонини-но-микото, и Окунинуси добровольно уступилъ ему власть. Дайкоку или Дайкокутень, богъ богатства, и есть этотъ самый Окунинуси.

Прежде, чѣмъ передать Окунинуси власть, Сусаноо, который все еще продолжалъ жить, подвергалъ его разнымъ суровымъ испытаніямъ, чтобы изъ Окунинуси не вышло такого же буйнаго, какимъ былъ самъ Сусаноо. Въ такихъ случаяхъ помощниками Сусаноо являлись братья Окунинуси, которыхъ у него было множество, почему они и названы Ясиками, что значитъ буквально 80 боговъ, т. е. множество боговъ. Будучи жестокими по натурѣ, они еще кромѣ того, и завидовали Окунинуси, рожденному отъ наложницъ, и съ удовольствіемъ подвергали его всякимъ мученіямъ. Однажды Окунинуси былъ обложенъ хворостомъ, который зажали. Вскочить изъ этого ковра нельзя было, и онъ неминуемо долженъ былъ погибнуть. Но въ это время появилась крыса. Бѣгая часто по этимъ мѣстамъ, она знала, что мѣсто, гдѣ находились Окунинуси, состоитъ изъ разжиженного близостью подпочвенныхъ водъ, торфа. Она посоветовала ему вдавливаться въ землю. Окунинуси послушалъ крысу, вдавлялся въ землю и такимъ образомъ спасся отъ сожженія. Съ тѣхъ поръ онъ вѣялъ крысь подъ свое покровительство. Въ словѣ Дайкокутень, — дайкоку — значитъ большая чернота, а тень — небо. Такое названіе этого бога объясняется тѣмъ, что отъ трудовъ и страданій лицо Окунинуси почернѣло. Но если іероглифы, которыми пишется слово Окунинуси, читать по китайски, то получится Дайкокусю, т. е. первые два іероглифа даютъ то-же самое чтеніе (дайкоку), что и первые два іероглифа слова Дайкокутень. Въ словѣ Дайкокусю, дайкоку значитъ — великая страна (Японія), сю — вѣластелинъ, хозяинъ. Можно думать, что здѣсь не болѣе, какъ игра на разныхъ чтеніяхъ іероглифовъ. Тождественность чтенія первыхъ двухъ іероглифовъ въ словахъ Окунинуси и Дайкокутень, послужила хорошимъ предлогомъ для сближенія и отождествленія двухъ совершенно различныхъ божествъ національнаго синтоистическаго (Окунинуси) и чужеземнаго, заимствованнаго попутно съ буддизмомъ изъ Индіи черезъ Китай (Дайкокутень). Это дѣло рукъ буддійскихъ монаховъ въ Японіи, старавшихся сближить буддизмъ съ синтоизмомъ. Примѣровъ такихъ натянутыхъ сближеній и отождествленій не мало. Въ общей массѣ японскаго народа тождественность Окунинуси и Дайкокутень не сознается. Для массы это два совершенно различныхъ объекта религіознаго поклоненія. Дайкокутень, богъ богатства, изображается съ мышкомъ за спиною; въ мышкѣ деньги, эмблема богатства, а съ другой стороны это намекъ на то, что Окунинуси заставляли работать, носить тяжести. Такъ, напримѣръ, онъ обыкновенно сопровождалъ братьевъ своихъ, нося за ними ихъ вещи. Вокругъ Дайкоку крысы и разсыпанный рисъ для нихъ. Въ рукѣ у него колотушка (уциде), каждый ударъ которой дасть монету и вообще что нибудь драгоценное по желанію. Дайкокутень — божество популярное и, такъ сказать повсемѣстное. Храмъ Окунинуси находится въ провинціи Идзумо и называется Идзумо-но-о-ясино. Но тамъ въ надписи на храмѣ Окунинуси

фигурируетъ подъ именемъ Онамудзи. Главный жрецъ этого храма считается и до сихъ поръ потомкомъ Сусаноо, нисходящимъ отъ него черезъ Окунинуси по прямой линіи. Онъ называется икигами, т. е. живой богъ. Современный икигами, Сенте Сомпуку, носитъ это титулованное званіе только по имени, какъ доставшееся ему по наслѣдству путемъ перехода отъ старшаго къ старшему въ родѣ. Онъ преблагочестно губернаторствуетъ въ Токио, и имѣетъ титулъ дансяку, т. е. барона, а его дочь, красивица, принимала, при всемъ своемъ явно божественномъ происхожденіи, горячее участіе при встрѣчѣ американской эскадры въ октябрѣ 1908 г. и привлекала всеобщее вниманіе если и не божественностью своей, то во всякомъ случаѣ красотой.

¹³⁵ Морское ушко — моллюскъ (Heliotis). Раковина его по формѣ своего широкаго отверстія напоминаетъ человѣческое ухо.

¹³⁶ Особое круглое моли, приносимое въ жертву богамъ, оно называется осонае, но подъ этимъ терминомъ разумѣется по аналогіи всякое приношеніе богамъ чего нибудь съѣстного.

¹³⁷ Бонитъ — *thynnus pelamis*, изъ породы скумбрія.

¹³⁸ Іероглифъ, которымъ пишется фамилія Тайра, читается еще по другому чтенію Хей, а іероглифъ фамиліи Минамото читается — Генъ. Соответственно этому каждый изъ этихъ родовъ со всеми его приспѣшниками называется въ общемъ Хейцами и Гендами.

¹³⁹ Придворная должностъ — лѣвый дворцовый конюшій, заведующій конюшнями микадо, штамейстеръ. Терминъ лѣвый въ названіяхъ древнихъ японскихъ должностей соответствуетъ нашему понятію — старшій, а правый — понятію младшій.

¹⁴⁰ Кіомори отличался жестокостію и безжалостностію.

¹⁴¹ Лѣшій по японски называется Теугу, т. е. небесная собака. Но въ немъ нѣтъ никакихъ собачьихъ признаковъ, скорѣе онъ имѣетъ родство съ птицами: клювъ, крылья, когти. Но онъ можетъ быть и въ человѣческомъ видѣ; тогда его клювъ превращается въ длиннѣйшій носъ, а крылья въ вѣеръ. На головѣ у него шапочка, прикрывающая лысину. Эта лысина и дасть ему сходство съ бритоголовымъ буддійскимъ монахомъ.

¹⁴² Хісидзанъ — гора на сѣверо-востокѣ отъ Кіото, когда-то вся усыпанная буддійскими монастырями, которыхъ было тамъ до 3-хъ тысячъ. Обитатели ихъ были далеко не смиренными, безобидными отшельниками. Они всѣ умѣли владѣть оружіемъ и часто принимали участіе въ нескончаемыхъ японскихъ междоусобицахъ. Эти воинствующие монахи были ужасомъ для микадо, и одинъ изъ нихъ даже выразился: есть три вещи, надъ которыми я не имѣю власти, — это воды рѣки Камогава (часто опустошавшая Кіото наводненіями) паденіе истранныхъ костей и буддійскіе монахи.

¹⁴³ Саито (западная погода) — названіе мѣста въ Хісидзанъ.

¹⁴⁴ Этотъ обрядъ въ древности состоялъ въ томъ, что съ достиженіемъ совершеннолѣтія (въ возрастѣ 15 лѣтъ) юношѣ мѣнялась одежда, стриглись волосы и давался головной уборъ какъ у взрослыхъ. Въ это же время и нарекалось новое имя вмѣсто носимаго до сихъ поръ. Это имя называлось: сѣо-

сина, отъ слова ебоси, — названія головного убора, который могли носить только взрослые. У лицъ придворной знати при этомъ коса обрѣзывалась коротко и перевязывалась фиолетовой ленточкой, брови выбривались и мѣста бывшихъ бровей густо намазывались тушью, зубы чернились.

146) Куро значить — девятый по старшинству сынъ; Генкуро — девятый сынъ изъ фамилии Генъ (Минамото); Хациро — восьмой сынъ. Циндзен общее названіе западныхъ провинцій (Кюсю). Для Иосицуне имѣлъ прозвища Циндзен-Хациро. Его настоящее имя Минамото-Таметомото. Онъ былъ непобѣдимъ въ стрѣльбѣ изъ лука и отличный ѣздовикъ. Хотя въ сказаніи и говорится, что Усиивака былъ восьмымъ сыномъ Иоситомо, а называлъ себя Куро въ отличіе только отъ своего дяди, но это не вѣрно. Здѣсь допущена ошибка или умыселъ, или просто по незнанію. У Иоситомо было 9 сыновей, и Усиивака былъ девятый, такъ что онъ никакъ не могъ быть названъ Хациро, а только Куро.

146) Ри — приблизительно 4 версты.

147) О Иосицуне сложилось въ Японіи много легендъ. Въ началѣ 12-го вѣка изъ двухъ борющихся между собою, родственникъ дому микадо, родовъ Тайра и Минамото основалъ родъ Тайра. Представитель его, Кіомори, подъ титуломъ перваго министра сдѣлался съ 1156 года фактическимъ властителемъ Японіи, держа въ рукахъ микадо. Онъ отличался жестокостію и безчеловѣчностью и, разгромивъ домъ Минамото, главою которого былъ Иоситомо, перебилъ почти весь родъ. Спасались очень немногіе. Изъ спасшихся Иоритомо, третій по старшинству сынъ Иоситомо, подростки, поднялъ возстаніе противъ Тайра. Главнымъ дѣятелемъ въ этомъ междоусобіи былъ Иосицуне, девятый сынъ Иоситомо. Кіомори умеръ въ 1181 г., и въ это время въ Киото укрѣпился Иосинака также изъ рода Минамото, изгнавшій оттуда Тайра. Но Иосинака не былъ сторонникомъ Иоритомо, своего двоюроднаго брата. Эти линии одного и того же рода находились во враждѣ. Первый ударъ Иосицуне обрушился на Иосинака, который былъ развитъ и бѣжалъ изъ Киото. Въслѣдствіи онъ былъ убитъ посланнымъ Иоритомо убійцею. Прозвище Иосинака было Асахи сіогунъ. Затѣмъ Тайра были дважды развиты сначала на сушѣ, а потомъ на морѣ въ 1185 г., и весь родъ ихъ былъ уничтоженъ. Власть очутилась въ рукахъ Минамото, и фактическимъ властителемъ сталъ Иоритомо, перенесши свою резиденцію въ Камакура, окружившій себя войсками и принявшій титулъ сѣйи-тайсіогунъ (военачальникъ, которому поручено покорить варваровъ). Этотъ титулъ подъ давленіемъ Иоритомо данъ былъ ему микадо въ 1192 году. И этотъ годъ считается эрой учрежденія въ Японіи бакуфу, т. е., военного управленія, извѣстнаго у насъ подъ именемъ сіогуната, продолжавшагося до 1868 г.

Иоритомо обязанъ былъ успѣхомъ дѣла Иосицуне, но вмѣстоблагодарности онъ сталъ преслѣдовать его, боясь его вліятельности и популярности. Онъ запретилъ ему вѣздить въ столицу и началъ подсылать къ нему убійцу. Спасаясь отъ преслѣдованія брата, Иосицуне бродилъ по всей Японіи. О смерти его существуетъ нѣсколько рассказовъ. По однимъ, онъ, доведенный до отчаянія, умертвилъ самъ свою жену и дѣтей и распоролъ себѣ животъ; по

другимъ онъ былъ убитъ приспѣшниками брата при рѣкѣ Коромогава, по третьимъ, наконецъ, онъ бѣжалъ къ айнамъ на сѣверный островъ Гедзо, а оттуда на материкъ Азіи, гдѣ ему удалось стать властителемъ всѣхъ маньчжурскихъ и монгольскихъ племенъ. Японцы отождествляютъ его не съ кѣмъ инымъ, какъ съ знаменитымъ Чингизъ-ханомъ, потомки котораго, по ихъ мнѣнію въслѣдствіи, предводительствуя маньчжурскими племенами, покорили Китай и обосновали тамъ нынѣшнюю маньчжурскую Цинскую династію.

Преданнымъ слугою и соподвижникомъ Иосицуне былъ Бенкеи. Онъ былъ сыномъ нѣкого Кандзю, управляющаго дворцемъ одного изъ принцевъ крови въ Кумако. Въ дѣтствѣ онъ былъ отданъ въ одинъ изъ буддійскихъ монастырей на Хіедаванъ, въ Сайто. Тамъ онъ постигъ всѣ самыя сокровенныя тайны буддизма. Его монашеское имя Мусасибо. Обладавшій могучимъ тѣлосложеніемъ и громадною физической силой, жаждавшій опасности, подвиговъ и приключеній, буйный Бенкеи не могъ ужиться въ тиши монашескаго уединенія. Случай свелъ его съ Иосицуне, которому онъ сталъ преданнымъ товарищемъ и слугою, и котораго не покинулъ въ несчастіи, не разъ спасши его отъ смерти. Такъ, однажды, они скрывались отъ преслѣдованій перодѣтые бонами; у воротъ одного монастыря стража потребовала удостовѣренія ихъ личности. Бенкеи вынулъ кусокъ чистой бумаги и вслухъ прочелъ предписаніе имъ отъ главнаго бонанъ, собирать деньги на большой колоколь для храма. Безграмотная стража съ почтеніемъ пропустила ихъ. Погибъ онъ въ Осію, до конца жизни оставаясь вѣрнымъ Иосицуне и пожертвовавъ для него своей жизнью. Иосицуне и Бенкеи, любимцы народныхъ преданій въ Японіи, и дѣти часто изображаютъ ихъ рядомъ на своихъ бумажныхъ змѣяхъ. На картинахъ Бенкеи изображается часто съ большимъ колоколомъ.

148) Исе моногатори, т. е. Иссекіе рассказы (Исе названіе провинціи). Одно изъ наиболее замѣчательныхъ произведеній старой Японской литературы. Написано въ началѣ 10-го столѣтія и повѣствуетъ о приключеніяхъ одного повѣсы, отождествляемого съ дѣйствительно существовавшей личностію по имени Нарихира.

149) Кокинсю, полное названіе, котораго Кокинъ вакасю, т. е. собраніе древнихъ и современныхъ японскихъ стихотвореній, есть сборникъ избранныхъ вака или танка, коротенькихъ стихотвореній въ 31 слогъ. Этотъ сборникъ составленъ придворной пѣснющей челою подъ предсѣдательствомъ поэта Кино-Цураюки въ 922 г. Въ сборникѣ 1000 стихотвореній лучшихъ японскихъ поэтовъ.

150) Струнные инструменты.

151) Это входило въ программу воспитанія знатныхъ дѣвушекъ. Чайная церемонія представляетъ довольно сложный ритуалъ завариванія чая и угощенія имъ.

152) Монто (иначе дзюдодзинсю, или иккосо) буддійская секта, основанная въ Японіи Синранъ Сіонинъ въ 1224 году.

153) Дзюдодзю — буддійская секта, основанная въ 1174 г. монахомъ Генку. Дзюдодзю значитъ — святая земля, буддійскій рай. Послѣдователи секты постоянно совершаютъ моленія о томъ, чтобы попасть въ рай, для чего нужны отреченіе отъ благъ этого грѣшнаго міра, постъ и воздержаніе.

¹⁵⁴⁾ Цю — подражаніе крысиному писку, но цю (пишется иероглифами) значить также вѣрность, преданность.

¹⁵⁵⁾ Нормальнымъ порядкомъ бракъ заключается въ Японіи слѣдующимъ образомъ. Сватовство по обычаю поручается свату накодэ, который потомъ и считается покровителемъ молодой четы. Къ нему прибѣгаютъ для улаженія разныхъ споровъ, онъ же въ случаѣ надобности опредѣляетъ условія развода. Послѣ свиданія жениха съ невѣстой для взаимнаго ознакомленія, они обмѣниваются подарками; это называется юино; съ этого момента они считаются помолвленными. Послѣ этого выбирается день со счастливымъ предназначениемъ, и невѣста во всемъ бѣломъ, въ знакъ того, что она покинетъ домъ мужа не иначе, какъ мертвой (бѣлый цвѣтъ — трауръ) вводится въ домъ жениха. Она отправляется туда въ сопровожденіи накодэ и его жены. Сейчас же по прибытіи слѣдуетъ обѣдъ, во время котораго совершается питье соестальной чаши: сансанъ кудо, т. е. $3 \times 3 = 9$; оно состоитъ въ томъ, что и женихъ, и невѣста отвѣчаютъ вина по три раза изъ трехъ чашечекъ разной величины. Первая пьетъ невѣста, какъ гостя. При этомъ около нихъ ставится симайдай — эмблема счастья, благоденствія и вѣрности, состоящая изъ вѣтвей сосны, бамбука и сливы, и фигуры журавля, черепахи, а также старика и старухи съ метелками въ рукахъ. Все это устанавливается на небольшомъ столикѣ. Старикъ и старуха представляютъ собою духи сосны въ Такасаго и Суміюси, о которыхъ говорится, что они состарѣлись вмѣстѣ, т. е. знаменуютъ собою долгую согласную жизнь супруговъ. По этому поводу поется особый гимнъ; пѣніе его неизбежно при каждой правильно совершаемой свадьбѣ. По прибытіи же въ домъ жениха, невѣста снимаетъ свое бѣлье, платье и надѣваетъ другое, подарокъ жениха. Послѣ питья соестальной чаши она еще разъ переодевается въ цвѣтное платье, принесенное изъ дома. Женихъ тоже мѣняетъ свое платье. По окончаніи пира накодэ и его жена отвозятъ молодыхъ въ брачную комнату. Здѣсь они опять пьютъ по 9 разъ изъ чашечки, но первый теперь уже пьетъ женихъ, ставшій главою дома, чѣмъ и заканчивается вся брачная церемонія. Послѣ этого они считаются уже супругами.

Изданія книгоиздательства А. Ф. Девриента.

(С.-Петербургъ, Васильевскій Остр., Румянцевская площ., д. 1/3).

Японія и Японцы.

Жизнь, бытъ и нравы современной Японіи.

Эрнста Ф. Гессе-Вартега. Переводъ со 2-го испр. и дополнен. нѣм. изданія, съ разрѣшенія автора. М. О. Шрейдеръ, подъ редакц. Д. И. Шрейдера. Съ 28 отд. гравюрами и 106 рис. въ текстѣ. Изд. 2-е испр. и дополн. Цѣна 3 руб. 75 коп., въ колѣнкоромовъ перепл. 4 руб. 50 коп.

Китай и Китайцы.

Жизнь, бытъ и нравы современнаго Китая.

Соч. Эрнста фонъ Гессе-Вартега, переводъ со второго исправленнаго и дополненнаго нѣмцакаго изданія А. и П. Ганзель. Большой томъ съ 32 отд. гравюрами и 114 рис. въ текстѣ. Цѣна 4 руб. 50 коп., въ колѣнкоромовъ перепл. 5 руб. 50 коп.

Китайцы у себя дома.

Очерки семейной и общественной ихъ жизни. Дина Мангована. Переводъ съ англійскаго В. В. Ламанскаго. Съ 31 рис. на отдѣльныхъ листахъ. Цѣна 3 р., въ колѣн. пер. 3 р. 75 к.

По Средней Азій.

Записки художника Л. Е. Дмитриева-Навасонова. Съ 199-ю рис. автора на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ. Въ оригинальной хромотипографированной обложкѣ. Цѣна 5 руб.

Востокъ.

Страны креста и полумѣсяца и ихъ обитатели.

Историко-географическое и этнографическое обзорніе Левантскаго міра. Составилъ П. А. Стенинъ, дѣйствительный членъ Императорскаго Рускаго Географическаго Общества. Одинъ большой томъ, болѣе 200 политипажей въ текстѣ и 64 отдѣльныхъ гравюръ. Цѣна въ иллюстрированной обложкѣ 5 руб., въ перепл. 6 руб.

Изданія книгоиздательства А. Ф. Девриенъ.
(С.-Петербургъ, Васильевскій Остр., Румянцевская площ., д. 1/3).

Въ сердцѣ Азіи.

Памиръ.—Тибетъ.—Восточный Туркестанъ.

Путешествіе **Свена Гедина** въ 1893—1897 гг. Перев. съ шведскаго **А. и П. Ганзенъ**. 2 объемистыхъ тома съ 257 рисъ въ текстѣ и 3 картами. Цѣна обоихъ томовъ 6 руб. 50 коп., въ коленкор. перепл. 8 руб.

Таримъ.—Лобъ-Норъ.—Тибетъ.

Путешествіе по Азіи 1899—1902 гг. **Свена Гедина**. Переводъ-извлеченіе съ шведскаго. Съ 126 рисунками въ текстѣ и картой. Цѣна 3 руб., въ перепл. 3 руб. 60 коп.

Этнографическіе разсказы.

П. П. Инфантьева. Изъ жизни татаръ, киргизовъ, калмыковъ, башкиръ, вогуловъ и самоѣдовъ. Со многими рисунками. Цѣна 2 руб. 50 коп., въ переплетѣ 2 руб. 75 коп.

У самоѣдовъ.

Отъ Пинеги до Карскаго моря.

Путевыя очерки художника **Александра Алексѣевича Борисова**. Съ автобиографической замѣткою и съ 36 снимками съ картинъ автора, изъ которыхъ 15 воспроизведены въ краскахъ. Цѣна 3 руб. 75 коп., въ переплетѣ 4 руб. 50 коп.

Полный каталогъ книгоиздательства **А. Ф. Девриенъ**
высылается по первому требованію бесплатно.